

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Девятнадцатая конференция
по типологии и грамматике
для молодых исследователей

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
24–26 ноября 2022 г.

Санкт-Петербург
2022

УДК 81
ББК 81.2
С-30

Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН

Рецензенты:

к.ф.н. Н. М. Спатарь (ИЛИ РАН)

д.ф.н. В. Ф. Выдрин (INALCO/LLACAN/СПбГУ)

Девятнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2022 г.) / Ред. Д. В. Герасимов. СПб.: ИЛИ РАН, 2022.

doi: 10.30842/9785604799895

ISSN 2686-9845

ISBN 978-5-6047998-9-5

9 785604 799895

© Коллектив авторов, 2022
© ИЛИ РАН, 2022
© Редакционно-издательское
оформление. ИЛИ РАН, 2022

А. П. Алексеева
НИУ ВШЭ, Москва

ВАРИАТИВНОСТЬ ОПУЩЕНИЯ ГЛАСНОГО В ПОКАЗАТЕЛЯХ ЭРГАТИВА В ДИАЛЕКТАХ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Цель этой работы — представить предварительный анализ междиалектной вариативности опущения гласного в показателе эргатива рутульского языка. Доклад основан на данных, полученных в ходе экспедиции Международной лаборатории языковой конвергенции НИУ ВШЭ¹ в рутульские села в июле 2022 года.

Эргатив в рутульских диалектах маркируется показателями *-ra*, *-a*, *-e*. В описаниях некоторых из них упоминается возможность опущения конечного гласного [Ибрагимов 2004]. Так, возможны употребления: *balʁ-u-ra* ~ *balʁ-u-r* (fish-OBL-ERG) ‘рыба’, *gagaj-e* ~ *gagaj-∅* (uncle-ERG) ‘дядя’.

Для систематического выявления вариативности параметра опущения/неопущения гласного в показателях эргатива использовалась следующая процедура. Для перевода двум носителям предлагались 6 предложений (Таблица 1) с разными по степени одушевленности А-участниками в единственном и множественном числе. Так как в ходе экспедиции в каждом из рутульских сел собиралась длинная анкета, содержащая более 75 стимулов на разные явления в области именной морфологии (т. е. данное микроисследование является частью более обширного диалектологического исследования), было решено ограничиться только двумя носителями. Тем не менее, мы считаем, что собранные данные, хотя они и не претендуют на полноценное вариационистское исследование, позволяют сделать предварительные выводы о системах разных диалектов.

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Таблица 1. Стимулы и семантические характеристики А-участника в них

Стимул	Семантическая характеристика А
Дядя помог мне построить дом.	+HUM, +ANIM, SG
Дяди помогли мне построить дом.	+HUM, +ANIM, PL
Рыба съела муху.	–HUM, +ANIM, SG
Рыбы съели мух.	–HUM, +ANIM, PL
Река снесла мост.	–HUM, –ANIM, SG
Камни сломали крышу.	–HUM, –ANIM, PL

Сначала записывалась первая реакция, а затем выявлялась грамматичность «противоположной» формы: если была порождена форма без гласного на конце — проверялась возможность вставки гласного; если, наоборот, первой реакцией была форма с гласным — возможность его опущения.

Далее ответы обоих опрошенных кодировались при помощи следующих ярлыков (Таблица 2).

Таблица 2. Ярлыки для сопоставленных ответов обоих носителей

Ответы носителей	Ярлык
Первая реакция — разные формы у разных носителей	VAR
Первая реакция — с гласным, без гласного — запрет (оба носителя)	–DEL
Первая реакция — с гласным, без гласного — разрешение (оба носителя)	+DEL
Первая реакция — с гласным, без гласного — запрет и разрешение (разные данные по носителям)	?DEL
Первая реакция — без гласного, с гласным — запрет (оба носителя)	–ADD
Первая реакция — без гласного, с гласным — разрешение (оба носителя)	+ADD
Первая реакция — без гласного, с гласным — запрет и разрешение (разные данные по носителям)	?ADD

На карте сел (Рис. 1) нанесены доли каждого из значений.

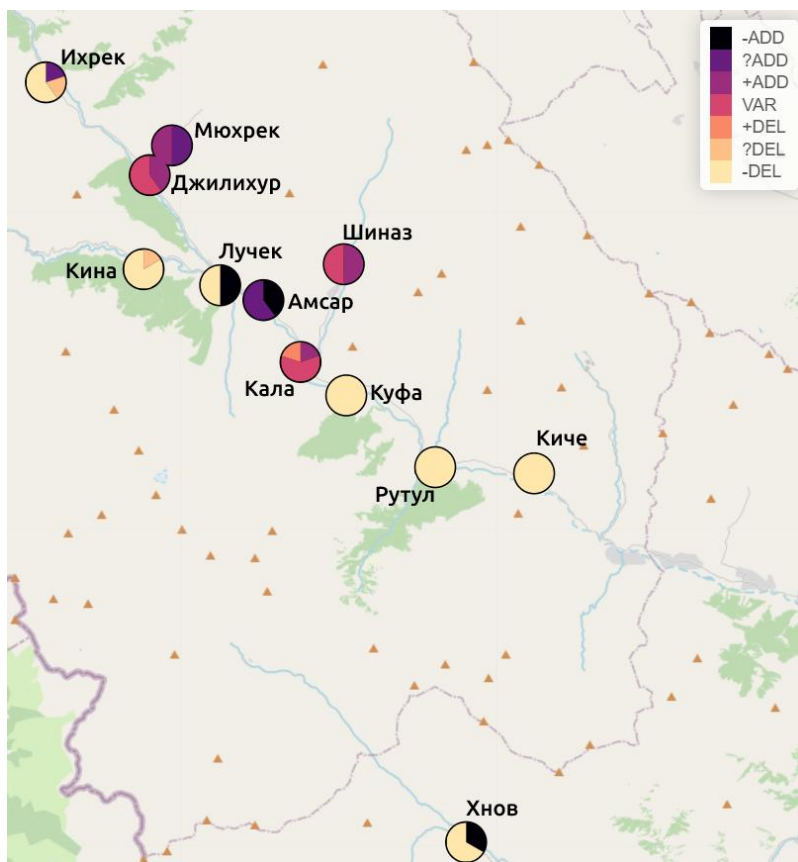

Рис. 1. Доли значений для каждого рутульского села²

Ихрекский и хновский — дивергентные диалекты, их системы, по-видимому, долгое время развивались обособленно. Ввиду максимальной территориальной удаленности этих сел друг от друга данные по соответствующим говорам не подпадают под

² Карта построена при помощи пакета *lingtypology*: G. Moroz (2017). *lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology*. URL: <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>

обсуждаемый далее географический паттерн, их нужно рассматривать отдельно. Остальные диалекты можно разделить на центральные, периферийные и промежуточные. Периферийные диалекты, запрещающие опущение гласного (желтые области, -DEL) находятся по краям, а запрещающие вставку хотя бы в части контекстов (-ADD) — в центре (Амсар и Лучек). Промежуточные диалекты (розовые области), находящиеся между центральными и периферийными, демонстрируют вариативность.

Можно предложить следующее объяснение такого распределения изоглосс. В центре (Лучек и Амсар) появляется новый вариант — опущение гласного в показателе — и закрепляется как обязательный в некоторых частях парадигмы. В соседних селах (Кала и Шиназ, Джилихур и Мюхрек) этот вариант также появляется (возможно, из-за контактов идиомов этих сел между собой), но не достигает порога грамматического запрета формы с гласным — в диалектах этих сел опущение гласного в показателе эргатива вариативно в разной степени. До сел на периферии — Кина на западе, и Куфа, Рутул и Киче — на востоке — эта инновация уже не доходит, и в них старая система остается стабильной.

Помимо анализа географического распределения, в докладе также будут проанализированы распределения значений допустимости опущения или вставки гласного внутри парадигм. Так, в Амсаре, по-видимому, значения параметров опущения гласного распределены по числу, в Лучеке и Хнове в зависимости от степени одушевленности, а в Ихреке — от морфологического показателя.

Список условных сокращений

+ANIM — одушевленные; -ANIM — неодушевленные; ERG — эргатив; -HUM — человек; -HUM — не человек; OBL — показатель косвенной основы; PL — множественное число; SG — единственное число.

Литература

Ибрагимов 2004 — Г. Х. Ибрагимов. Рутульский язык: Синхрония и диахрония. Махачкала: Изд. Дом «Народы Дагестана», 2004.

П. Н. Астафьев
НИУ ВШЭ, Москва

ЧАСТИЧНЫЙ КОНТРОЛЬ И КОМИТАТИВНАЯ КООРДИНАЦИЯ В КАЗЫМСКОМ ХАНТЫЙСКОМ

Работа посвящена необычной конструкции с частичным контролем в казымском диалекте хантыйского языка. Данные были собраны в экспедиции в июле-августе 2022 г.

Частичный контроль (см., напр., [Landau 2000, 2015, 2016a, 2016b; Воескх et al. 2010; Sheehan 2014; Pearson 2016; Piteroff et al. 2017]) характеризуется тем, что субъект подчиненной клаузы частично кореферентен субъекту матричной клаузы (1).

(1) *Миша_i хочет [Ø_{i+j} собраться в два часа дня].*

Как показывает [Landau 2000], при частичном контроле субъект в подчиненной клаузе семантически множественного числа, но синтаксически, как правило, нет, и поэтому обычно самостоятельно не лицензирует согласование предикатов по множественному числу (хотя оно и возможно в некоторых случаях).

В казымском хантыйском обнаруживается особый тип частичного контроля: при наличии комитатива внутри подчиненной клаузы в ней может лицензироваться согласование по множественному числу, что показывает вторичный предикат *liw sattela* ‘самостоятельно.PL’ в (2).

(2) *miša-jen лӓпха-л [лөхәс-л-ал pila liw*
M.-POSS.2SG хотеть-NPST[3SG] друг-PL-POSS.3SG COM они.PL
satt-el-a wot'sa äktäs-ti]
сам-POSS.3PL-DAT вместе собираться-NFIN.NPST
‘Миша_i хочет, чтобы они_{i+j} с друзьями_j самостоятельно вместе
собрались’.

Для анализа конструкции в (2) требуется выяснить статус комитатива в ней.

Комитативы в казымском хантыйском (см. обсуждение в [Khomchenkova 2019]) образуются с помощью послелого *pila* ‘с’ и имеют вид DP₁ [DP₂ *pila*]. Кроме собственно комитатива (3), представлена **комитативная координация** (4), в которой DP₂ влияет на согласование предиката [Dyła 1988; McNally 1993].

(3) *waša-jen maša-jen pila juχi juχt-əs*
 V.-POSS.2SG M.-POSS.2SG COM домой прийти-PST[3SG]
 ‘Вася пришел домой с Машей’.

(4) *waša-jen maša-jen pila šaj jań-λ-əηən*
 V.-POSS.2SG M.-POSS.2SG COM чай пить-NPST-3DU
 ‘Вася с Машей пьют чай’.

В отличие от собственно комитатива, комитативная координация — синтаксический остров, что показывают тесты на *wh*-перемещение и релятивизацию.

Комитативная координация невозможна с местоимениями единственного и двойственного числа; в этом случае употребляется plural pronoun construction (**PPC**; см., к примеру, [Schwartz 1988; Ladusaw 1989; Vassilieva, Larson 2005]), где DP₁ — местоимение неединственного числа (5). В PPC денотат DP₂, по-видимому, интерпретируется как часть денотата DP₁.

(5) *min maša-jen pila šaj jań-λ-əηən*
 мы.DU M.-POSS.2SG COM чай пить-NPST-1DU
 ‘Мы_{i+j} с Машей_j пьем чай’.

DP₁ в PPC должна быть не ниже DP₂ в иерархии лиц; также допустим *pro-drop* DP₁. Помимо этих особенностей, PPC совпадает по синтаксическим свойствам с комитативной координацией.

Дополнительная дистрибуция комитативной координации и PPC при их сходстве делают крайне желательным их унифицированный анализ (см. попытки его разработать в [Ionin, Matushansky 2002; Vassilieva 2005; Larson 2014; Turgay, Öztürk 2020]), хотя это не общепринятая точка зрения [Vassilieva, Larson 2005].

Итак, в (2) имеет место контроль «внутри» либо комитативной координации, либо PPC — что может быть неважно, если они сводятся к одной структуре. Независимо от конкретного анализа

комитативов, существование конструкции в (2) — эмпирическая проблема для некоторых теорий контроля.

Во-первых, комитативная координация и PPC — синтаксические острова. Это проблема для теории контроля как передвижения, согласно которой PRO является следом контролера [Boeckx et al. 2010]: неясно, почему при контроле возможно передвижение DP₁ из комитативной координации. (По крайней мере «передвижной» анализ неприменим для данного предиката, если следовать [Grano 2015]). С такой же проблемой сталкивается и двухъярусная модель [Landau 2015], предполагающая передвижение PRO в позицию λ -абстрактора над подчиненной клаузой; модель можно попробовать спасти, допустив, что λ -абстрактор присоединяется внешне, но это потребует пересмотра и ряда других деталей модели (см. [Landau 2015: 25–28]).

Во-вторых, некоторые модели (напр., «согласовательная модель» [Landau 2000]) постулируют (опосредованное) согласование субъекта подчиненной клаузы с контролером; вопрос в том, как возможно такое согласование в (2), где субъект подчиненной клаузы не совпадает с контролером по признаку числа.

Таким образом, данные безусловно представляют интерес для теории контроля, хотя их детальный анализ требует доработки.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; COM — комитатив; DAT — дательный падеж; DU — двойственное число; NFIN — нефинитная форма; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Boeckx et al. 2010 — C. Boeckx, N. Hornstein, J. Nunes. Control as movement. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Dyła 1988 — S. Dyła. Quasi-comitative coordination in Polish // *Linguistics*. 1988. Vol. 26. No. 3. P. 383–414.
- Grano 2015 — T. Grano. Control and restructuring. Oxford: Oxford University Press, 2015.

- Ionin, Matushansky 2002 — T. Ionin, O. Matushansky. DPs with a twist: A unified analysis of Russian comitatives // W. Browne, J.-Y. Kim, B. H. Partee, R. A. Rothste (eds.). *Proceedings of Formal approaches to Slavic linguistics 11: The Amherst Meeting 2002*. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2002. P. 255–274.
- Khomchenkova 2019 — I. Khomchenkova. On the syntax of comitative constructions in some Finno-Ugric languages // A. Van Alem, M. De Sisto, E. J. Kerr, J. Wall (eds.). *ConSOLE XXVII: Proceedings of the 27th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe*. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2019. P. 135–149.
- Ladusaw 1989 — W. A. Ladusaw. Group reference and the plural pronoun construction // *Papers on the plural pronoun construction and comitative coordination* University of California, Santa Cruz Syntax Research Center Report SRC-89-02. Santa Cruz, CA: University of California, 1989. P. 1–7.
- Landau 2000 — I. Landau. *Elements of control: Structure and meaning in infinitival constructions*. Dordrecht: Kluwer, 2000.
- Landau 2015 — I. Landau. *A two-tiered theory of control*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015.
- Landau 2016a — I. Landau. Against the null comitative analysis of partial control // *Linguistic Inquiry*. 2016. Vol. 47. No. 3. P. 572–580.
- Landau 2016b — I. Landau. Agreement at PF: An argument from partial control // *Syntax*. 2016. Vol. 19. No. 1. P. 79–109.
- Larson 2014 — B. Larson. Russian comitatives and the ambiguity of adjunction // *Journal of Slavic linguistics*. 2014. Vol. 22. No. 1. P. 11–49.
- McNally 1993 — L. McNally. Comitative coordination: A case study in group formation // *Natural Language & Linguistic Theory*. 1993. Vol. 11. No. 2. P. 347–379.
- Pearson 2016 — H. Pearson. The semantics of partial control // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2016. Vol. 34. No. 2. P. 691–738.
- Pitteroff et al. 2017 — M. Pitteroff, A. Alexiadou, J. Darby, S. Fischer. On partial control in German // *The Journal of Comparative Germanic linguistics*. 2017. Vol. 20. No. 2. P. 139–185.
- Schwartz 1988 — L. Schwartz. Asymmetric feature distribution in pronominal coordinations // M. Barlow, C. A. Ferguson (eds.). *Agreement in Natural Language: Approaches, Theories, and Descriptions*. Stanford CA: CSLI, 1988. P. 237–249.

- Sheehan 2014 — M. Sheehan. Partial control in Romance languages: The covert comitative analysis // K. Lahousse, S. Marzo (eds.). *Romance languages and linguistic theory 2012: Selected papers from 'Going Romance'* Leuven 2012. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 181–198.
- Turgay, Öztürk 2020 — T. Turgay, B. Öztürk, Structure of plural pronoun constructions // A. Güner, D. Uygun-Gökmen, B. Öztürk (eds.). *Morphological complexity within and across boundaries: In honour of Asli Göksel 215* (Studies in Language Companion Series). Amsterdam: John Benjamins, 2020. P. 155–190.
- Vassilieva 2005 — M. Vassilieva. *Associative and pronominal plurality*. Doctoral dissertation. Stony Brook University, 2005.
- Vassilieva, Larson 2005 — M. Vassilieva, R. Larson. The semantics of the plural pronoun construction // *Natural Language Semantics*. 2005. Vol. 13. No. 2. P. 101–124.

М. О. Бажуков, Т. В. Симонова

НИУ ВШЭ, Москва

ЗАМЕТКИ ОБ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Доклад посвящен категории эвиденциальности в якутском языке. Она грамматикализована и в других тюркских [Johanson 2003; Ефремов 2011] и ранее уже рассматривалась в якутском [Ефремов 2010].

Эвиденциальность в якутском выражается синтетически и аналитически. Во-первых, зафиксирована форма перфекта на *-БЫТ* со значением индирективности, ср. (1).

(1) *Айтал күрэх-кэ кытты-быт.*

А. конкурс-DAT участвовать-PRF[3SG]

‘Айтал, оказывается, участвовал в соревновании’.

Аналитически эвиденциальность выражается частицей *үһү* с семантикой репортатива. Она сочетается с причастиями настоящего-будущего (2) и прошедшего (3) времен. Как частица рассматривается форма перфекта *э-бит* = вспомогательного глагола *э-*, когда он следует за лексическим глаголом в *причастной* форме прошедшего времени на *-БЫТ* (4). Обе частицы согласуются с подлежащим.

(2) *Эһиги (биһиргэ) сылды-ар үһү-гүт.*

2PL вместе находиться-PTCP.NPST мол-2PL

{Петя, Катя,} ‘Вы, говорят, встречаетесь’.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

- (3) *Тугу гым-мыт э-бит-тэр / үһү-лэр*
 что делать-PTCP.PST AUX-PRF-3PL мол-3PL
бу оҕо-лор?
 этот ребенок-PL
 {Я иду по улице и вижу люди толпятся.
 Там мальчик и девочка стоят, люди все на них смотрят.}
 ‘Что, видимо/мол, эти дети сделали?’
- (4) *Петя суун-а сылдьы-быт э-бит.*
 П. мыться-CVB.SIM находиться-PTCP.PST AUX-PRF[3SG]
 {В ходе расследования выясняют, кто где был.}
 ‘Петя, оказывается, в бане мылся’.

Мы рассмотрим взаимодействие эвиденциальности с категориями времени, лица и иллокутивной силы (об эвиденциальности в вопросительных предложениях см. [Bhadra 2020]).

В дополнение к наблюдениям из литературы, опираясь на данные, собранные в с. Харыялах (Кентик) Верхневиллойского улуса Республики Саха (Якутия) в 2022 г., мы явным образом покажем следующее.

- Аналогично *үһү* с разными причастиями совместим вспомогательный глагол *э-* в форме перфекта.
- При употреблении этих форм с 1 лицом возникает мிரативное прочтение, как следствие утраты эпистемического контроля, или другие эффекты.
- В вопросах эвиденциальность привязана к адресату — «вопросительная смена» (interrogative flip).

Помимо причастия прошедшего времени на *-БИТ* (4) со вспомогательным глаголом *э-* в форме перфекта также может сочетаться причастие настоящего-будущего времени на *-Ар* (5). Эта форма может использоваться для выражения непрямого засвидетельствованности настоящего, но также и будущего (6) действия. Аналогичные формы с причастием будущего времени не могут быть употреблены в контекстах типа (6).

- (5) *Петя суун-а сылдь-ар э-бит.*
 П. мыться-CVB.SIM находиться-NPST AUX-PRF[3SG]
 {Я иду по улице и вижу дым из трубы во дворе}
 ‘Петя, оказывается, в бане моется’.

- (6) *Сарсын уу-бут бут-эр* *э-бит.*
завтра вода-1PL заканчиваться-PTCP.NPST AUX-PRF[3SG]
{Я смотрю в канистру и вижу, что воды осталось совсем не-
много}
'Завтра, оказывается, вода закончится'.

Интересны биноминативные предложения. Они требуют только согласования с подлежащим на предикатном имени (7). В контексте индиректива здесь используется просто *э-бит* с лично-числовым маркером.

- (7) а. *Мин саха-бын.*
1SG якут-1SG
'Я — якут'.
б. *Мин саха э-бин-пин.*
1SG якут AUX-PRF-1SG
{Я ребенок, живший все время в Мирном и общавшийся
с русскими детьми на русском. Но...}
'Я, оказывается, якут'.

Здесь и выше семантика *эбит* не связана с прошедшим временем, он выражает только индирективность, что объединяет его с частицей *үһү*. Похожее развитие вероятно и в других тюркских языках [Johanson 2003: 287–288].

Наконец, еще одно наблюдение о семантике показателей касается вопросов. Эвиденциальность связана с характером получения информации сознающим субъектом. В контексте вопросов им может становиться адресат — явление вопросительной смены. Она возможна и в якутском. В (3) с частицей *эбит* общая индирективная семантика: информация могла быть услышана или мог быть сделан вывод, но субъект восприятия здесь адресат вопроса. Говорящий же предполагает, что собеседник получил информацию именно косвенно и сам не был свидетелем случившегося. В примере с частицей *үһү* говорящий допускает, что адресат именно слышал, что произошло.

В докладе мы рассмотрим больше контекстов и обсудим свойства этих показателей.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; AUX — вспомогательный глагол; CVB — деепричастие; NPST — настоящее-будущее время; PL — множественное число; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; SG — единственное число; SIM — одновременность.

Литература

- Ефремов 2010 — Н. Н. Ефремов. Средства выражения косвенной эвиденциальности в якутском языке // Сибирский филологический журнал. 2010. № 1. С. 152–156.
- Ефремов 2011 — Н. Н. Ефремов. Эвиденциальность в тюркских языках (на материале якутского языка) // Теория и практика общественного развития. 2011. № 4. С. 329–331.
- Bhadra 2020 — D. Bhadra. The Semantics of Evidentials in Questions // Journal of Semantics. 2020. Vol. 37. No. 3. P. 367–423. <https://doi.org/10.1093/jos/ffaa003>
- Johanson 2003 — L. Johanson. Evidentiality in Turkic // A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). Studies in Evidentiality (Typological Studies in Language 54). Amsterdam: John Benjamins, 2003. P. 273–290.

Д. Д. Белова

МГУ, Москва

СОБЫТИЙНАЯ СТРУКТУРА КАУЗАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ НА -Т В ТАТЫШЛИНСКОМ ГОВОРЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА¹

Работа посвящена событийной структуре каузативных дериватов с суффиксом *-t* в татышлинском говоре удмуртского языка². Мы рассмотрим особенности взаимодействия временных модификаторов с семантикой каузативных глаголов и их следствия для определения контактности/дистантности.

Один из типологически релевантных факторов для описания каузативных дериватов в языке — это количество подсобытий в их событийной структуре. Морфологические каузативы от неэргативных и переходных глаголов (т. н. *external* или *factitive causatives*) могут быть как бисобытийными, так и монособытийными [Horváth, Siloni 2006; Bartos 2011]. Возможность отделения каузируемого подсобытия от каузирующего также связана с одним из пониманий термина дистантности каузатива (см., в частности, [Лютикова и др. 2006]). В литературном удмуртском каузатив считается бисобытийным [Tánczos 2015].

В бисобытийной структуре различные временные модификаторы могут относиться к двум подсобытиям по отдельности, вызывая семантическую неоднозначность. В татышлинском говоре

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

² Материал собран методом анкетирования носителей в с. Нижнебалтачево и окрестностях в Татышлинском районе респ. Башкортостан в 2021–2022 гг.

адвербиалы длительности могут модифицировать каузируемое подсобытие (1a) или всю ситуацию целиком (1b), но не каузирующее подсобытие отдельно (1c):

- (1) *anaj-ez kâk sâgât maša-jez šâd*
 мама-POSS.3SG два час Маша-ACC суп
s'iâ-t-i-z
 есть-CAUS-PST-3SG
 a. 'Мама заставила Машу есть суп два часа'.
 b. 'Мама два часа кормила Машу супом'.
 c. *'Мама два часа уговаривала Машу съесть суп'.

Адвербиалы кратности могут модифицировать каузируемое подсобытие (2a) либо всю ситуацию целиком (2b). Модификация отдельно каузирующего подсобытия (2c) доступна только в тех идиолектах, где каузатив на *-t* не является имплицативным, то есть каузативная форма глагола может иметь значение неудачной попытки ('X заставлял Y-а, но Y отказался').

- (2) *tren'er ruslan-ez kâk pol stad'ion kotâr-ti*
 тренер Руслан-ACC два раз стадион круг-PROL
biz'â-t-i-z
 бежать-CAUS-PST-3SG
 a. 'Тренер заставил Руслана пробежать два круга по стадиону'.
 b. 'Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион {один раз сказал обежать, потом второй раз сказал, и Руслан оба раза обегал}'.
 c. %'Тренер дважды заставил Руслана обежать стадион {а Руслан пробежал только один раз}'.

Каузирующее и каузируемое подсобытия не могут быть разведены во времени:

- (3) **vas'a kn'iga lâ'ž'-o-z ma-lâ ke šu-ono*
 Вася книга читать-FUT-3SG что-DAT CONJ говорить-DEB
dâšetis' so-je lâ'ž'â-t-i-z
 учитель тот-ACC читать-CAUS-PST-3SG
 Ожид.: 'Вася будет читать книгу, потому что учитель его заставил'.

Перечисленные свойства отражаются на неоднозначности тестов на дистантность, используемых в [Лютикова и др. 2006]: каузативный глагол может описывать ситуацию с нарушением единства участников и места (4)–(5a), однако нарушение единства времени затруднено (5b).

(4) *nač'al'n'ik gožtet pâr-ti maša-jez*
начальник письмо через-PROL Маша-ACC
uža-t-i-z
работать-CAUS-PST-3SG
'Начальник с помощью записки заставил Машу работать'.

(5) *uč'kâ, anaj-ez vas'a-jez pin'-ze*
смотреть.IMP мама-POSS.3SG Вася-ACC зуб-ACC.POSS.3SG
mis'kâ-t-e!
мыть-CAUS-PRS.3SG

'Смотри, мама заставляет Васю чистить зубы!'

a. ^{ok} {Я захожу в ванную комнату и вижу, как Вася один стоит и чистит зубы, но без маминого напоминания он бы не стал этого делать}.

b. [%] {Я захожу в комнату и вижу, как мама говорит Васе пойти почистить зубы}.

Таким образом, мы наблюдаем, что, во-первых, в отличие от литературного удмуртского, в татышлинском говоре проведенные тесты не свидетельствуют об однозначной бисобытийности; во-вторых, в ряде идиолектов каузирующее подсобытие проявляет различную степень «доступности» для модификации адвербиалами разного рода (длительности, кратности и временной локализации — похожие свойства зафиксированы у каузатива в адыгейском языке [Аркадьев, Летучий 2007]).

Список условных сокращений

3 — третье лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; DEB — дебитив; CAUS — каузатив; CONJ — союз; FUT — будущее время; PL — множественное число; POSS — посессив; PROL — пролатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Аркадьев, Летучий — П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий. Типологически нетривиальные свойства морфологического каузатива в адыгейском языке // Д. В. Герасимов, С. Ю. Дмитренко, С. С. Сай (ред.). Четвертая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей, Санкт-Петербург, 1–3 ноября 2007. Материалы. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 10–15.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Bartos 2011 — H. Bartos. Hungarian external causatives: Monoclausal but bi-eventive // T. Laczko, C. O. Ringen (eds.). Approaches to Hungarian. Vol. 12. Papers from the 2009 Debrecen Conference. Amsterdam, John Benjamins, 2011. P. 1–38.
- Horváth, Siloni 2006 — J. Horváth, T. Siloni. Causativization and the lexicon-syntax parameter. Paper presented at Syntax, Lexicon and Event Structure: A Research Workshop of the Israel Science Foundation for Theoretical Linguistics. The Hebrew University of Jerusalem, Israel, 4–6 July 2006.
- Tánczos 2015 — O. Tánczos Causative constructions and their syntactic analysis in the Udmurt language. PhD thesis. Budapest: Pázmány Péter Catholic University, 2015.

О. И. Беляев

МГУ — ИЯз РАН, Москва

ОСЕТИНСКИЕ СОЧИНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТИПОЛОГИИ ПОЛИПРЕДИКАЦИИ

Осетинский язык¹ (иранские > индоевропейские) традиционно рассматривается как язык, обладающий классическими сочинительными конструкциями, известными из грамматик индоевропейских языков. В таких конструкциях в обеих клаузах используются те же глагольные формы, которые используются в независимых предложениях (т. е. они относятся к «балансирующему» типу [Stassen 1985; Cristofaro 2003]), при этом союз находится строго посередине между двумя клаузами, см. (1) для конъюнкции и (2) для адверсативного сочинения².

(1) *Сæ кой æлдар-мæ бай-хъуыст-и, æмæ сæм*
их молва князь-ALL PV-слышаться-PST.3SG и они.ALL
æлдар ра-цыд-и æмæ сын загъ-та.
князь PV-идти-PST.3SG и они.DAT сказать-PST.3SG
'Молва о них дошла до князя, и князь вышел к ним и сказал им...' [Ахвледиани (ред.) 1969: 290]

(2) *Пец-ы ма зынг-тæ ис, фæлæ хæдзар*
печь-IN еще уголь-PL EXST но дом

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 22-18-00528 «Связь пропозициональных единиц в предложении и в тексте: семантика и пути грамматикализации». Я благодарен сотрудникам СОИГСИ им. В. И. Абаева и студентам СОГУ им. К. Л. Хетагурова за предоставленный языковой материал, а также Э. Ш. Гутиевой и Э. Т. Гутиевой за оказанную поддержку. Все ошибки — на моей совести.

² Осетинские примеры, не имеющие источника, получены методом элицитации летом 2022 г.

ны-ууазал.

PV-холодный[PRS.3SG]

‘В печи еще есть угли, но дом остыл’. [ibid.: 297]

Однако союзы *æмаæ* и *фæлаæ* могут также находиться в конце предложения, при этом оформляя предшествующую им клаузу как причинную (3) и уступительную (4) соответственно; этот факт практически не упоминается в грамматиках, за исключением краткой ремарки в работе [Кулаев 1959: 73]. При этом союз присоединяется к последнему слову в предложении (чаще всего к глаголу) в качестве энклитики.

(3) ...*фæлаæ* *сыл* *йæ* *бон* *ни-цы* *цыд-ис*
но они.SUPER его возможность NEG-что быть-PST.3SG
чысыл *уыд-ис* *æмаæ.*
маленький быть-PST.3SG и
‘Но он ничего не мог с ними сделать, **потому что** был маленький’. [ОНК]

(4) *Ды дзæгъæлхæт* *цы-дæр* *дæ,* *дворянин*
ты бродяга что-INDEF быть.PRS.2SG
дæ, *фæлаæ.*
быть.PRS.2SG но
‘Ты какой-то бродяга, **хотя** ты дворянин’. [ОНК]

За клаузами с конечным *æмаæ* может следовать местоимение-коррелят со значением причины (5); так же ведут себя коррелятивные клаузы в конечной позиции [Беляев 2014; Беляев 2014].

(5) *Заур* *куыст-мæ* *не* *‘рба-цыд-и,* *рынчын* *уыд-и*
3. работа-ALL NEG PV-идти-PST.3SG больной быть-PST.3SG
æмаæ *уым-æн* / *уый* *тыххæй* / *уыцы* *æххос-æй.*
и тот-DAT тот[GEN] для тот причина-ABL
‘Заур не пришел на работу, **потому что** болел’ (букв. ‘Заур не пришел на работу, (он) болел **и потому / из-за того / по той причине**’).

Конструкции с конечными *æмаæ* и *фæлаæ* демонстрируют некоторые свойства подчинения. В частности, они могут быть свободно вложены в главное предложение (6) и могут служить ответом на вопрос.

- (б) *Зауыр, йæ машина а-саст æмæ,*
3. его машина PV-ломаться[PST.3SG] и
(*уым-æн*) *куыст-мæ не 'рба-цъд-и.*
тот-DAT работа-ALL NEG PV-идти-PST.3SG
'Заур, **поскольку** его машина сломалась, не пришел не работу'.

На мой взгляд, конструкции с конечными союзами нельзя искусственно отделять от «канонических» сочинительных конструкций (1)–(2). Во-первых, сочинительные союзы в осетинском языке зачастую выступают в качестве энклитик [Абаев 1949: 539], поэтому просодических отличий между союзами в (1)–(2) и (3)–(4), как правило, нет. Во-вторых, эти позиционные варианты семантически связаны друг с другом. В частности, сужение значения от общей сочинительной семантики до причины при гнездовании и постпозиции зафиксировано для деепричастных конструкций в цахурском [Kazenin, Testelec 2004] и мегебском даргинском [Kustova 2019]. Таким образом, три типа позиционирования клауз с *æмæ* можно рассматривать как три варианта одной конструкции (7).

- (7) а. препозиция:
[Y [X ... **æмæ**] (уымæн) ...]
'X, и (поэтому) Y'
б. гнездование:
[Y ... [X ... **æмæ**] (уымæн) ...]
'Y, поскольку X, Y'
в. постпозиция:
[Y ... [X ... **æмæ**] (уымæн)]
'Y, потому что X'

Очевидно, такую конструкцию уже нельзя трактовать как канонически сочинительную. Напротив, несмотря на использование финитного глагола, по своим свойствам она весьма напоминает «нарративные» или «медиальные» деепричастные конструкции, распространенные в языках Северной Евразии и Юго-Восточной Азии. В докладе будут подробно рассмотрены свойства осетинских «сочинительных» конструкций и представлен их анализ с ареально-типологической точки зрения.

Список условных сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; ABL — аблатив; ALL — аллатив; DAT — датив; EXST — экзистенциальный предикат; GEN — генитив; IN — локализация ‘в’; INDEF — показатель неопределенной серии местоимений; NEG — отрицание; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PV — преевѣрб; SG — единственное число; SUPER — локализация ‘на’.

Литература

- Абаев 1949 — В. И. Абаев. Ритмика осетинской речи // Осетинский язык и фольклор. Т. 1. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1949. С. 529–560.
- Ахвледиани (ред.) 1969 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. II. Синтаксис. Орджоникидзе: НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969.
- Беляев 2014 — О. И. Беляев. Коррелятивная конструкция в осетинском языке в типологическом освещении. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2014.
- Кулаев 1959 — Н. Х. Кулаев. Союзы в современном осетинском языке. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
- Belyaev 2014 — O. Belyaev. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining // P. Suihkonen, L. Whaley (eds.). On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia (Studies in Language Companion Series 164). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2014. P. 275–310.
- Cristofaro 2003 — S. Cristofaro. Subordination. Oxford: Oxford University press, 2003.
- Kazenin, Testelec 2004 — K. I. Kazenin, Ya. G. Testelec. Where coordination meets subordination: converb constructions in Tsakhur (Daghestanian) // M. Haspelmath (ed.). Coordinating constructions (Typological Studies in Language 58). Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2004. P. 227–239.
- Kustova 2019 — M. Kustova. General converbs in Mehweb // M. Daniel, N. Dobrushina, D. Ganenkov (eds.). The Mehweb language: Essays on

phonology, morphology and syntax. Berlin: Language Science Press, 2019. P. 255–270.

Stassen 1985 — L. Stassen. Comparison and universal grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

Е. И. Будзинская

РГГУ, Москва

ГЛАГОЛЬНАЯ РЕДУПЛИКАЦИЯ В АБАЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В языках мира глагольная редупликация чаще всего выражает различные значения глагольной множественности [Рожанский 2011: 64]. В данном исследовании рассматривается форма и семантика глагольной редупликации в абазинском языке (абхазо-абазинская ветвь < абхазо-адыгская семья). Цель работы — составление инвентаря глаголов, допускающих редупликацию, а также семантическая классификация редуплицированных глагольных форм. Глагольной редупликации в абхазском языке посвящена статья [Ломтатидзе 1940], откуда были почерпнуты идеи для анализа абазинского материала. Это явление упоминается в грамматических очерках абазинского языка [Ломтатидзе 1940; Ломтатидзе 1976: 204–205; Lomtatidze et al. 1989: 104; Ломтатидзе 2006: 142], однако нигде не описано сколько-нибудь подробно.

Материалом исследования послужила полная роспись редуплицированных глаголов и их нередуплицированных коррелятов (при наличии) из словаря [Клычев 1995], дополненная данными словаря [Тугов 1967]. Всего в выборку вошли 750 глагольных лексем.

В ходе работы были выделены формальные типы редупликации в зависимости характера редуплицируемого сегмента, также глаголы были классифицированы по приобретаемым значениям глагольной множественности. Отдельно были рассмотрены случаи немотивированной редупликации, то есть редуплицированные глаголы без очевидного нередуплицированного коррелята.

Ниже представлено краткое изложение полученной классификации.

1. Глаголы, имеющие нередуплицированный коррелят

1.1. Дистрибутивы

О субъектном/объектном типе дистрибутивности принято говорить, когда в ситуацию одновременно вовлечены несколько субъектов/объектов [Dressler 1968: 66–68].

Пример:

кIа-шва-ра ‘упасть, падать’ и *кIа-швшва-ра* ‘опась, опадать (о листьях)’ (субъектно-дистрибутивный)

1.2. Дисперсивы

Дисперсивы описывают ситуацию, при которой действие происходит во многих/разных местах [Dressler 1968: 72].

Пример:

хъв-жва-ра ‘прорвать, прорывать запруду’
хъвы-жвжва-ра ‘прорвать, прорывать во многих местах запруду’

1.3. Квазидистрибутивы

Квазидистрибутивным, согласно [Храковский 1989: 40], называется значение, возникающее в ситуации, когда каждое из повторяющихся действий затрагивает какую-либо часть одного целостного актанта, а все множество повторяющихся действий затрагивает все части актанта.

Пример:

а-гIвы-р-са-ра ‘разрезать что-л. надвое’
а-гIвы-р-сса-ра ‘разрезать кого/что-л. на многие куски’

1.4. Итеративы

Итеративным принято называть значение, описывающее неоднократное, относительно регулярное повторение ситуации с тем же набором участников [Храковский 1989: 41]

Пример:

шв-хIва-ра ‘стащить, стаскивать, снять, снимать что-л. с кого, чего-н’.
шв-хIвхIва-ра ‘стащить, стаскивать, снять, снимать кого, что-л. с кого, чего-н. (много раз)’

2. Глаголы без нередуплицированной пары

2.1. Мультипликативы

Мультипликативы — глаголы, обозначающие серию микродействий, регулярно повторяющихся в течение одного периода времени с тем же набором участников; при этом ситуация мыслится как единое целое [Храковский 1989: 25].

Пример:

гъьгъьа-ра ‘выскабливать, выскоблить что-л’.

2.2. Идеофоны

Идеофоны — это класс звуко-символических слов «со специфической фонетикой, морфологией, синтаксисом и семантикой», которые «служат для экспрессивного выражения признаков, действий и их характеристик» [Рожанский 2011: 108].

Идеофоны абазинского языка соответствуют многим критериям, представленным в работе [Dingemans 2019: 15].

Пример:

а-ла-ккIа-ра ‘засверкать, сверкать, блестеть’

2.3. Лексические квазидистрибутивы

Лексические квазидистрибутивы, в отличие от грамматических, не имеют нередуплицированного коррелята [Храковский 1989: 40].

Пример:

тикIара-р-къвакъва-ра ‘разрубить, измельчать что-л. во дворе’

Также имеются случаи немотивированной редупликации без очевидной семантики, например:

тикIар-кIвкIа-ра ‘исчезнуть, исчезать со двора’.

Литература

- Клычев 1995 — Р. Н. Клычев. Словарь сочетаемости локальных превербов с суффиксоидами и глагольными корнями в абазинском языке. Черкесск: Карачаево-черкесское книжное издательство, 1995.
- Ломтатидзе 1940 — К. В. Ломтатидзе. О функции редупликации в абхазском языке // Известия Института языка, истории материальной культуры. Т. V. Тбилиси: Издательство АН ГССР, 1940. С. 115–135.

- Ломтатидзе 1976 — К. В. Ломтатидзе. Историко-сравнительный анализ абхазского и абазинского языков. Фонологическая система и фонетические процессы. Тбилиси: Мецниереба, 1976.
- Ломтатидзе 2006 — К. В. Ломтатидзе. Абазинский язык (краткое обозрение). Тбилиси: Универсал, 2006.
- Рожанский 2011 — Ф. И. Рожанский. Редупликация. Опыт типологического исследования. М.: Знак, 2011.
- Тугов 1967 — В. Б. Тугов. Абазинско-русский словарь / Под ред. В. Б. Тугова. М.: Сов. Энциклопедия, 1967.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.
- Dingemanse 2019 — M. Dingemanse. “Ideophone” as a comparative concept // K. Akita, P. Pardeshi. (eds.) Ideophones, Mimetics, Expressives (Iconicity in Language and Literature 16). Amsterdam: John Benjamins, 2019. P. 13–33.
- Dressler 1968 — W. U. Dressler. Studien zur verbalen Pluralität. Graz, Wien, Köln: Böhlau in Komm, 1968.
- Lomtatidze et al. 1989 — K. Lomtatidze, R. Klychev, B. G. Hewitt. Abaza // B. G. Hewitt (ed.). The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 2: The North West Caucasian Languages. Delmar; New York: Caravan, 1989. P. 91–154.

Д. А. Буров

МГУ, Москва

О КРИТЕРИЯХ ВЫДЕЛЕНИЯ РЕЛЯЦИОННЫХ ИМЕН В КАЗЫМСКОМ ХАНТЫЙСКОМ

В настоящей работе исследуются свойства реляционных имен в казымском диалекте хантыйского языка. Используемые данные получены методом элицитации в ходе двух экспедиций (2021, 2022).

Для прауральского языка адлоги как отдельная категория традиционно не реконструируются [Хайду 1985: 220, 226–227]. Такого мнения придерживаются и современные исследователи (например, [Aikio 2022]). Источником последующей грамматикализации адлогов считаются реляционные имена. Граница между этими двумя классами в языке может быть не вполне очевидна — этот вопрос обсуждался как для различных уральских (напр, [Бирюк 2005; Arkhangel'skiy, Usacheva 2015]), так и для иных языков (например, [DeLancey 1997]).

В казымском хантыйском можно выделить класс реляционных имен, которые отличаются и от обычных имен, и от послелогов.

В группах реляционных имен предпочтительно маркирование числа и посессивности только на вершине (1). Исключение составляют случаи, когда зависимое обозначает одушевленное существо (2).

(1) *χop pǎti-λ-əw jɨŋk-ən ǎn juχət-λ-aj-ət*
лодка дно-PL-POSS.1PL вода-LOC NEG прийти-NPST-PASS-3PL
'Днища наших лодок не протекают'

(2) *up-əm uχ(-əλ) (*upi uχ-əm)*
сестра-POSS.1SG голова-POSS.3SG сестра голова-POSS.1SG
kǎši
больной
'У моей сестры болит голова (досл.: голова моей сестры больная)'

Это отличает группы реляционных имен от групп нереляционных имен со значением «часть-целое» (хотя различие прослеживается не у всех опрошенных носителей — у многих из них группы со значением «часть-целое» примыкают к группам реляционных имен):

- (3) *juχ nuw-ət-ən oməs-λ-ət tuχλ-əŋ woj-ət*
 дерево ветка-PL-LOC сидеть-NPST-3PL крыло-PROP зверь-PL
 ‘На ветках дерева сидят птицы’
 %‘На ветках деревьев сидят птицы’

В послеложных группах числовые и посессивные показатели обязательно находятся на зависимом:

- (4) *tuŋ iʃni-λ-əw muχti (*iʃni muχti-λ-əw-a)*
 мы окно-PL-POSS.1PL мимо окно мимо-PL-POSS.1PL-DAT
hawrem-ət χəχəl-λ-ət
 ребенок-PL бежать-NPST-3PL
 ‘Мимо наших окон бегут дети’

Единственный контекст, в котором на послелогое может быть (и даже обязателен) посессивный показатель — случаи, когда его зависимым является личное местоимение:

- (5) *luw ta riλ*(-em)-a mǎn-λ*
 он(а) я с-POSS.1SG-DAT уйти-NPST[3SG]
 ‘Она идет со мной’

Кроме того, реляционные имена отличаются от послелогов возможностью модифицировать другие имена (6а). Послелог не может напрямую модифицировать имя, вместо этого нужно использовать причастный оборот (6б).

- (6) а. *luw aʃkar əχti laraś-λ-aλ*
 он(а) шкаф поверхность ящик-PL-POSS.3SG
nətəlmə-s-le
 вспомнить-PST-3SG>SG
 ‘Она вспомнила про коробки на шкафу’
 б. *hərem χuwat *(mǎn-ti) jəʃ wənt*
 болото вдоль уйти-NFIN.NPST дорога лес

jəš ewəłt χuw=šək
 дорога из длинный-АТТ
 ‘Дорога через болото длиннее, чем лесная дорога’

Еще одно отличие реляционных имен от послелогов — это возможность опускать зависимое, выраженное личным местоимением. Личное местоимение может опускаться, будучи именным зависимым, но не зависимым послелогом:

- (7) а. ^{OK}*(ma) əχt-εm-ən* *peλŋa oməs-λ*
 я поверхность-POSS.1SG-LOC комар сидеть-NPST[3SG]
 ‘На мне сидит комар’
- б. *λuw *(mɯŋ) ewəłt-aw-a jira=šək mən-λ*
 он(а) мы из-POSS.1PL-DAT прочь=АТТ уйти-NPST[3SG]
 ‘Он от нас уходит’

При этом выделяется группа единиц, которая приближается к послелогам, обладая только частью свойств реляционных имен. Перенос показателей на такие единицы с зависимого затруднен во множественном числе — ср. (1) и (8).

- (8) а. ^{OK}*mɯŋ χot χonŋ-ew-ən* *ńawrem-ət*
 мы дом около-POSS.1PL-LOC ребенок-PL
χəχət’l’ə-λ-ət
 бегать-NPST-3PL
 ‘Около нашего дома играют дети’
- б. [%]*mɯŋ χot χonəŋ-λ-əw-ən* *ńawrem-ət*
 мы дом около-PL-POSS.1PL-LOC ребенок-PL
χəχət’l’ə-λ-ət
 бегать-NPST-3PL
 ‘Около наших домов играют дети’

Также эти единицы теряют возможность употребляться без поверхностно выраженного зависимого (за исключением некоторых контекстов) — ср. (7а) и (9).

- (9) **(λuw) ilp-el-a jink uw-λ*
 он(а) под-POSS.3SG-DAT вода течь-NPST[3SG]
 ‘Под него течет вода’

Список условных сокращений

1, 3 — 1-е, 3-е лицо; ATT — аттенуатив; DAT — дательный падеж; LOC — местный падеж; NEG — отрицание; NFIN — нефинитная глагольная форма; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PROP — проприетив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; X>X — субъектно-объектное согласование.

Литература

- Aikio 2022 — A. Aikio. Proto-Uralic // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford guide to the Uralic languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 12–13.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2015 — T. Arkhangelskiy, M. Usacheva. Syntactic and Morphosyntactic Properties of Postpositional Phrases in Beserman Udmurt as Part-of-Speech Criteria // *SKY Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 28. P. 103–137.
- DeLancey 1997 — S. DeLancey. Grammaticalization and the gradience of categories: Relator nouns and postpositions in Tibetan and Burmese // J. L. Bybee, J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Essays on Language Function and Language Type: Dedicated to T. Givón*. Amsterdam: John Benjamins, 1997. P. 51–69.
- Бирюк 2005 — О. Л. Бирюк. Морфосинтаксические критерии выделения послелогов в уральских языках. *Дипломная работа*. М.: МГУ, 2005.
- Хайду 1985 — П. Хайду. Уральские языки и народы. Пер. с венг. Е. А. Хелимского. М.: Прогресс, 1985.

А. А. Бызова

МГУ, Москва

НЕМАРКИРОВАННЫЕ ЗАВИСИМЫЕ В ИМЕННОЙ ГРУППЕ: ДАННЫЕ ТАТЫШЛИНСКОГО УДМУРТСКОГО

Доклад посвящен обсуждению морфосинтаксических свойств немаркированных зависимых в ИГ в татышлинском говоре удмуртского языка. В [Fejes 2005] утверждается, что немаркированные зависимые в литературном удмуртском являются составными частями композитов. Согласно [Harley 2009], в образовании композитов задействован механизм инкорпорации одной именной вершины в другую, поэтому анализ соответствующих конструкций в бесермянском удмуртском в терминах инкорпорации (см. [Симоненко, Леонтьев 2012; Arkhangelskiy, Usacheva 2017]) можно считать развитием идеи [Fejes 2005]. Мы покажем, что этот анализ неприменим к некоторым татышлинским данным. Материал собран в 2021–2022 гг. в Татышлинском районе Республики Башкортостан методом анкетирования.

Немаркированные зависимые в татышлинском говоре встречаются в большом количестве контекстов, типологически относящихся к зоне посессивных отношений (см. [Kortjevskaja-Tamm 2002]). Зависимые данного типа, при любой семантике выражаемого ими отношения, не могут маркироваться показателями числа и посессивности (1).

- (1) **mon* [*pukon-mâ* *pâd(-ez)*] / [*pukon'-n'os* *pâd-jos(-âz)*]
я стул-POSS.1PL нога-ACC стул-PL нога-PL-ACC
kujla-j-Ø
наладить-PST-1SG
Ожид.: ‘Я починил ножку нашего стула / ножки стульев’.

Немаркированные имена при этом неоднородны по своим свойствам. В частности, только зависимые, кодирующие ЛОКА-

ТИВНОЕ ОТНОШЕНИЕ, могут быть конкретно-референтными (2), что можно связывать с их особой семантикой (см. [Matushansky 2019]).

(2) а. *mi ufa stad'ion-e mân-i-m*

мы Уфа стадион-ILL идти-PST-1PL

‘Мы поехали на Уфимский стадион’.

б. **mil'am ĉorâg vas'a kot-ân kel'l'-e*

мы.POSS.1PL рыба Вася живот-LOC лежать-PRS.3SG

Ожид.: ‘Наша рыба — в Васином животе’.

Также выделяются немаркированные имена с семантикой ПРОИСХОЖДЕНИЯ, МАТЕРИАЛА и ПРЕДНАЗНАЧЕНИЯ. Они могут быть отделены от вершины как другими неоформленными именами, так и прилагательными (3), что, согласно [Trips, Kornfilt 2017], является надежным аргументом за наличие у них фразовой структуры. Более того, эти имена могут иметь другие немаркированные имена и прилагательные в качестве собственных зависимых (4).

(3) МАТЕРИАЛ

anaj bas't-i-z zarn'i ĉ'eber / nâlkâšno zundes

мама взять-PST-3SG золото красивый женщина кольцо
‘Мама купила красивое/женское золотое кольцо’.

(4) а. МАТЕРИАЛ

lavka-jân [âž gon] nâros vuza-s'k-e

магазин-LOC овца шерсть носки продавать-DETR-PRS.3SG

‘В магазине продаются носки из овечьей шерсти’.

б. ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ

[peres' kâšnomurt] des'kut lavka-jân

старый¹ женщина одежда магазин-LOC

vuza-s'k-e

продавать-DETR-PRS.3SG

‘В магазине продается одежда для старых женщин’.

¹ Интерпретация «одежда для старых женщин» является единственно возможной, так как лексема *peres'* сочетается только с одушевленными именами.

Немаркированные имена также возможны в контексте КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ. В данном случае имя в большинстве случаев имеет модификатор-числительное (5a), что невозможно для немаркированных имен, кодирующих possessive отношения, ср. (5b).

- (5) a. *vit' ares pijaš lãkt-i-z*
 пять год мальчик прийти-PST-3SG
 ‘Пришел пятилетний мальчик’.
- b. *#[kãk nãlpi] šãdon-jos korz'inka-jân kãl'l'-o*
 два ребенок игрушка-PL корзинка-LOC лежать-PRS.3PL
 ‘Две детские игрушки лежат в корзинке’.
 *‘Игрушки для двух детей лежат в корзинке’.

В докладе мы рассмотрим другие свойства неформленных зависимых: возможность сочинения и использования вопросительного местоимения в этих структурах, способность употребления в предикате и в эллиптическом контексте, что является аргументами против их анализа в терминах компаундинга [Bauer 2010].

Мы также сопоставим свойства немаркированных имен в татышлинском удмуртском с данными других языков рассматриваемого ареала: мокшанского [Плешак, Холодилова 2018], горномарийского [Плешак, в печати], коми [Некрасова 2002: 35–47; Симоненко, Леонтьев 2012], а также татарского [Лютикова 2017] и башкирского [Сай 2011; Ovsjannikova, Say 2014].

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; DETR — непереходность; ILL — иллатив; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — possessive-ность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Лютикова 2017 — Е. А. Лютикова. Синтаксис именной группы в безартиклевом языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2017.

- Некрасова 2002 — Г. А. Некрасова. Л-овые падежи в коми языке: Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2002.
- Плешак, в печати — П. С. Плешак. Базовые синтаксические характеристики именной группы // Е. В. Кашкин (отв. ред.), М.-Э. А. Винклер, Т. И. Давидюк, В. В. Дьячков, В. А. Иванов, Д. Д. Мордашова, П. С. Плешак, И. А. Хомченкова (ред.). Элементы горномарийского языка в типологическом освещении. В печати.
- Плешак, Холодилова 2018 — П. С. Плешак, М. А. Холодилова. Именная группа // С. Ю. Толдова (отв. ред.), М. А. Холодилова (отв. ред.), С. Г. Татевосов, Е. В. Кашкин, А. А. Козлов, Л. С. Козлов, А. В. Кухто, М. Ю. Привизенцева, И. А. Стенин (ред.). Элементы мокшанского языка в типологическом освещении. М.: Буки Веди, 2018. С. 272–310.
- Сай 2011 — С. С. Сай. Группа обладателя в башкирском языке: при-словная зависимость или детерминант? // А. В. Псянчин (отв. ред.). Этногенез. История. Культура: I Юсуповские чтения. Материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова. Уфа, 17–19 ноября 2011. С. 238–244.
- Симоненко, Леонтьев 2012 — А. П. Симоненко, А. П. Леонтьев. Мор-фосинтаксис именного комплекса в финно-пермских языках: анализ в рамках программы минимализма // А. И. Кузнецова (отв. ред.). Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: «Языки славянских культур», 2012. С. 262–340.
- Arkhangelskiy, Usacheva 2017 — Т. Arkhangelskiy, М. Usacheva. Morpho-logical encoding of NPs and information structure in Beserman Udmurt. Paper presented at the Conference on the Syntax of Uralic Languages. Budapest, 27–28 June 2017.
- Bauer 2010 — L. Bauer. The typology of exocentric compounding // S. Scalise, I. Vogel (eds.). Cross-Disciplinary Issues in Compounding. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2010. P. 167–176.
- Fejes 2005 — L. Fejes. Compounding in Permic languages. Paper presented at Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Yoshkar-Ola, 15–21 August 2005.
- Harley 2009 — Н. Harley. Compounding in Distributed Morphology // R. Lieber, P. Štekauer (eds.). The Oxford Handbook of Compounding. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 129–144.

- Koptjevskaja-Tamm 2002 — M. Koptjevskaja-Tamm. Adnominal possession in the European languages: form and function // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2002. Vol. 55. No. 2. P. 141–172.
- Matushansky 2019 — O. Matushansky. The case of restricted locatives // *Proceedings of Sinn und Bedeutung*. 2019. Vol. 23. No. 2. P. 161–178.
- Ovsjannikova, Say 2014 — M. Ovsjannikova, S. Say. Between predicative and attributive possession in Bashkir // P. Suihkonen, L. Whaley (eds.). *On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (Studies in Language Companion Series 164)*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 175–202.
- Trips, Kornfilt 2017 — C. Trips, J. Kornfilt. Further insights into phrasal compounding // C. Trips, J. Kornfilt (eds.). *Further Investigations into the Nature of Phrasal Compounding*. Berlin: Language Science Press, 2017. P. 1–13.

А. А. Валиева

НИУ ВШЭ, Москва

СПОСОБЫ КОДИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ВЕРШИНЫ В ОТНОСИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ СО ВЛОЖЕННОЙ ВЕРШИНОЙ

Относительные конструкции со вложенной вершиной — один из типов релятивных конструкций, в котором семантическая вершина (по крайней мере линейно) вложена в релятивную клаузу [Cole 1987; Keenan, Comrie, 1977]; ср.:

- (1) Анкашский кечуа, кечуанская семья [Cole 1987: 277]

[*nuna bestya-ta ranti-shqa-n*]

мужчина конь-ACC купить-PRF-3

alli bestya-m ka-rqo-n

хороший конь-VAL быть-PST-3

‘Конь, которого купил мужчина, был хороший конь’.

Эти конструкции могут создавать ситуацию, когда несколько именных групп претендуют на роль семантической вершины (далее — СВ). Так, в (2) и *tombhira* ‘рысь’, и *wa* ‘курица’ могут быть семантической вершиной, так что предложение получает две интерпретации:

- (2) Белхаре, сино-тибетская семья [Bickel 2003: 707]

[*tombhira wa*

рысь[SG.ABS] курица[ABS]

sei²-sa-ha *chitt-he-m*

[3SG.S]убить-TR.PRF-NMLZ найти-PST[3SG.P]-1PL.A

‘Мы нашли рысь, которая убила курицу’. или

‘Мы нашли курицу, которая была убита рысью’.

Хотя в (2) многозначность не снимается, многие языки эту проблемы все же решают. Представленное ниже исследование

стратегий выделения семантической вершины основывается на базе данных, включающей сведения об относительных конструкциях со вложенной вершиной в 47 языках из 32 семей. Правда, многие грамматические описания не содержат информации о решении поставленной проблемы, и итоговая выборка является случайной. Тем не менее, имеющийся материал обнаруживает разные стратегии разрешения многозначности.

I. Кодирование через порядок слов. В этом случае за СВ закреплена особая позиция. В (3) СВ *jínàŋa* ‘джин’ вынесена на левую периферию зависимой клаузы.

- (3) Суппире, нигеро-конголезская семья [Carlson 1994: 498–499]
Ali níŋjàà [jínàŋa à yaagé ñké-mù
 даже сегодня джин.DEF PRF предмет.DEF DEM(2SG)-REL
kàlìfá ú ná ge] kuru na wá aní.
 доверить ему на REL он(EMPH) PROG быть_там там
 ‘Даже сегодня джинн, доверенный ему, находится там’.

II. Зависимостное маркирование, при котором СВ маркируется особым образом.

- а. Семантическая вершина получает особое маркирование, как в (4), где СВ *mángo* ‘манго’ в примере (4) маркируется релятивным суффиксом:

- (4) Були, атлантико-конголезская семья [Hiraiwa 2003: 63]
n de [Àtìm li dà mango-ku:y diě lá]
 я есть.PST Атин С купить.PST манго-REL вчера PART
 ‘Я съел манго, которое Атим купил вчера’.

В частном случае, особый показатель замещает другую граммему. Так, в литературном адыгейском СВ маркируется «адвербиальным» суффиксом, замещающим падеж:

- (5) Адыгейский, абхазо-адыгская семья (Ю. А. Ландер, личное сообщение)
 а. *se txələ-m s-ʔəv*
 я книга-OBL 1SG.ERG-держать
 ‘Я держу книгу’.

- b. [*se txəl-ew s-ʔəvə-m-č'e*] *təke-nebzəj-xe-m*
я книга-ADV 1SG.ERG-держать-OBL-INS солнце-луч-PL-OBL
z-a-š'ə-s-e-kebələ
RFL.ABS-3PL.IO-LOC-1SG.ERG-DYN-прятать
'Книгой, которую я держу, заслоняюсь от солнечных лучей'.
- b. Потеря грамматического показателя, как в (6), где *wəne*
'дом' просто теряет падежный суффикс:
- (6) Шапсугский адыгейский [Ландер 2012: 357]
[*t:xe-m wəne t:a-te-m*] *se-šə-ʔ*
гора-OBL дом LOC-стоять-OBL 1SG.ABS-LOC-быть
'Я живу в доме, располагающемся на горе'

III. Вершинное маркирование: сказуемое зависимой клаузы получает особый маркер, указывающий, какая позиция релятивизируется. В (7) сказуемое зависимой клаузы маркировано инфиксом *-um-*, который показывает, что релятивизируется субъект:

- (7) Туканг-беси, австронезийская семья [Donohue 2011: 372]
No-lagu-mo na La Judi [b[um]alu te loka ako
3REAL-песня-PF NOM La Judi купить.SF CORE банан для
te ina-no].
CORE мать-3POSS
'Ла Джуди, купившая маме бананы, поет'.

Эти стратегии не исключают друг друга, и описание относительных конструкций со вложенной вершиной должно учитывать все возможности. С другой стороны, они не равноправны: маркирование на сказуемом допустимо и в конструкциях с внешней вершиной, а ограничения на порядок слов могут иметь и другую мотивацию. В типологической перспективе интересно понять, коррелируют ли разные стратегии с другими свойствами языка, но исследование этого остается на будущее.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; А — субъект переходного глагола; ABS — абсолют; ACC — аккузатив; ADV — адвербиализатор; С — комплементаризер;

CORE — артикль ядерного аргумента; DEF — определенный артикль; DEM — демонстратив; DYN — динамичность; EMPH — эмфаза; ERG — эргатив; INS — инструменталис; IO — непрямой объект; LOC — локатив; NMLZ — номинализация; NOM — номинатив; OBL — косвенный падеж; P — объект переходного глагола; PART — частица; PF — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессив; PRF — перфект; PROG — прогрессив; PST — прошедшее время; REL — релятив; RFL — рефлексив; S — субъект непереходного глагола; SF — субъектный фокус; SG — единственное число; TR — транзитивность; VAL — валидатор.

Литература

- Ландер 2012 — Ю. А. Ландер. Релятивизация в полисинтетическом языке: адыгейские относительные конструкции в типологической перспективе. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2012.
- Bickel 2003 — B. Bickel. Belhare // G. Thurgood, R. J. LaPolla (eds.). *The Sino-Tibetan Languages*. London: Routledge, 2003. P. 696–721.
- Carlson 1994 — R. Carlson. *A Grammar of Supyire*. [Mouton Grammar Library 14]. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994.
- Cole 1987 — P. Cole. The structure of internally headed relative clauses // *Natural Language & Linguistic Theory*. 1987. Vol. 5. No. 2. P. 277–302.
- Donohue 2011 — M. Donohue. *A grammar of Tukang Besi*. [Mouton Grammar Library 20]. Berlin: Mouton de Gruyter, 2011.
- Hiraiwa 2003 — K. Hiraiwa. Relativization in Buli // G. Akanlig-Pare, M. Kenstowicz (eds.). *MIT Working Papers in Endangered and Less Familiar Languages*. Vol. 4: *Studies in Buli Grammar*. Cambridge: Department of Linguistics, 2003. P. 45–84.
- Keenan, Comrie 1977 — E. L. Keenan, B. Comrie. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // *Linguistic Inquiry*. 1977. Vol. 8. No. 1. P. 63–99.

Е. Е. Войтович
НИУ ВШЭ, Москва

СОГЛАСОВАНИЕ ПРИЧАСТИЙ В ГОВОРЕ ДЕРЕВЕНЬ ШЕТНЕВО, МАКЕЕВО, ЩЕЛКИНО, СТЕПАНЬКОВО

В рамках данного исследования изучается согласование причастий на материале корпуса и полевых данных, собранных в деревнях Шетнево, Макеево, Щелкино и Степаньково Западнодвинского района Тверской области (Псковская группа говоров < западные акающие среднерусские говоры).

В исследуемом говоре причастия, являющиеся мишенью согласования, могут как иметь форму рода и числа, совпадающую с формой именной составляющей-контролера согласования (1), так и принимать другую форму рода и числа (2). В работе В. И. Трубинского [Трубинский 1983] описаны два типа результативных конструкций с причастиями с суффиксами *-н*, *-т*: тип с согласующимся причастием (к этому типу относятся и общерусские конструкции) и тип с несогласующимся причастием. Цель данного исследования — изучить соотношение этих двух типов конструкций в упомянутом говоре.

- (1) *На этой печке поставлен домкратик.*
- (2) *Но и то это свой личный магазин поставлено.*

Интерес также представляют причастные конструкции с глаголом-связкой в прошедшем времени. Глагол-связка *быть* может согласовываться или не согласовываться с контролером вне зависимости от того, согласуется ли причастие с контролером (3)–(4).

- (3) *Был староста выбрано по всей деревне.*
- (4) *Да, он и сейчас вон есть, куплено было сепаратор у меня.*

В работе используются данные корпуса [Ронько и др. 2022] и полевые данные автора.

Были извлечены и проанализированы примеры причастных конструкций с глаголом-связкой *быть* в прошедшем времени и конструкции с причастиями без глагола-связки. Данные по согласованию причастий в конструкциях без связки представлены в Таблице 1. В конструкциях с контролером в форме м. р. и мн. ч. причастия в большинстве случаев не согласуются с контролером. В конструкциях же с контролером в форме ж. р. и ср. р. причастия с контролером согласуются.

Таблица 1. Согласование причастий с суффиксами *-н, -т* в зависимости от класса контролера

согласовательный класс	ж. р.	м. р.	ср. р.	мн. ч.	всего
стандартное согласование	26	5	25	5	61
другая модель согласования	1 (м. р.)	18 (ср. р.)	1 (м. р.)	16 (ср. р.)	36

В результате анализа извлеченных причастных конструкций, содержащих связку прошедшего времени, получилось подтвердить замечание из работы И. Б. Кузьминой [Кузьмина 1993] про преобладание случаев «координации» связки и «именного компонента» над случаями «координации» причастной формы и «именного компонента». В нашем материале не было задокументировано примеров, в которых причастие бы совпадало по форме с именем, а связка имела бы отличную форму. Обратная же ситуация возможна: при контролерах м. р. и мн. ч. встречаются конструкции, в которых связка согласована с именной составляющей, а причастие — нет (3).

При этом, все извлеченные конструкции с контролером в форме м. р. согласуются с причастием по модели среднего рода (содержат причастную форму на *-но, -то*), то есть ни в одном примере со связкой причастие не согласуется с контролером по м. р. (5).

(5) *У меня был телефон проведено мне.*

Связка может как согласовываться, так и не согласовываться с контролером по м. р. вне зависимости от формы причастия.

В конструкциях с контролером в форме мн. ч. возможно как согласование обоих компонентов (связки и причастия) с именем, так и согласование только связки при причастии на *-но*, *-то*. Во всех встретившихся предложениях с контролером в форме ж. р. и ср. р. и связка, и причастие принимают форму контролера (с оговоркой на редукцию безударного окончания причастий, затрудняющую точное определение формы).

По сравнению с СРЛЯ в изучаемом говоре возможно отсутствие согласования причастия с именем-контролером. Некоторые обобщения:

- 1) С контролером в форме м. р. или мн. ч. причастие чаще не согласуется, а стоит в форме ср. р. (на *-но*, *-то*).
- 2) С контролером в форме ж. р. или ср. р. причастие почти всегда согласуется.
- 3) Связка чаще согласуется, но может не согласовываться с контролером в форме м. р. или мн. ч.
- 4) Замечено следующее правило согласования мишеней: если причастие согласуется, то связка тоже согласуется. Обратное неверно.

Литература

- Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингво-географическом аспекте. М.: Наука, 1993.
- Ронько и др. 2022 — Р. В. Ронько, А. С. Азанова, З. А. Бутенко, М. С. Замбрицкая, И. А. Марченко, Д. И. Мочульский, Е. И. Цейтина, Е. Ю. Волошина. Корпус деревень Шетнево и Макеево 2022, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН 2022, Москва (Доступен по ссылке: <http://lingconlab.ru/shetnevo/#/>)
- Трубинский 1983 — Трубинский В. И. Результатив, пассив и перфект в некоторых русских говорах // В. П. Неядяков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 216–226.

Т. И. Давидюк

ИЯз РАН — МГУ, Москва

СУБЪЕКТ ПРИЧАСТИЙ НА -М В КОНСТРУКЦИЯХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМИ АКТАНТАМИ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

Доклад посвящен маркированию субъекта в конструкциях с сентенциальными актантами (КСА) в татышлинском говоре удмуртского языка. Данные собраны в ходе лингвистической экспедиции в Татышлинский район Республики Башкортостан в 2022 г. Одной из стратегий оформления сентенциального актанта (СА) в удмуртском языке является конструкция с причастием на *-(e)m* (1). Согласно [Сердобольская и др. 2012], в бесермянском удмуртском субъект причастия на *-m* в КСА всегда оформляется генитивом (или «вторым» генитивом, если СА занимает позицию прямого объекта). Это утверждение оспаривается в [Georgieva 2016], где обсуждается немаркированный субъект в других вариантах удмуртского. В татышлинском говоре субъект причастия на *-m* также может быть не маркирован (2).

- (1) *maša adž'-e pet'a-les' dor-a-z*
Маша видеть-PRS.3SG Петя-GEN2 сторона-LOC/ILL-POSS.3SG
košk-em-ze
уйти-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
'Маша видит, что Петя идет домой'.
- (2) *vas'a kâl-e pünə üt-em-ez*
Вася слышать собака лаять-PTCP.PST-ACC
'Вася слышит, что собака лает'.

В [Georgieva 2016] удмуртские немаркированные субъекты СА анализируются как инкорпорированные именные основы. В частности, такие субъекты не могут присоединять маркеры числа и посессивности, иметь модификаторы и быть оторванными от

причастия. В татышлинском говоре немаркированные субъекты СА также не могут иметь именные морфологические показатели (3а)–(3б). Однако они модифицируются прилагательными и указательными местоимениями (4). Немаркированные субъекты могут быть отделены от причастия прямым объектом (5); помещению между немаркированным субъектом и причастием обстоятельства в локативном падеже отвергается большинством носителей. Кроме того, как видно из (5), немаркированные субъекты СА в татышлинском говоре способны связывать рефлексивное местоимение. Представленные факты создают трудности для анализа таких субъектов как элементов компаундов.

(3) а. **vas'a tod-e* *püni-jos* *üt-em-ez* /
 Вася знать-PRS.3SG собака-PL лаять-PTCP.PST-ACC
üt-em-zeš

лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3PL

Ожид.: 'Вася знает, что собаки лают'.

б. **vas'a käl-e* *püni-je*
 Вася слышать-PRS.3SG собака-POSS.1SG
üt-em-ez / *üt-em-ze*
 лаять-PTCP.PST-ACC лаять-PTCP.PST-ACC.POSS.3SG
 Ожид.: 'Вася слышит, что моя собака лает'.

(4) *ruslan adž'i-z* *gord* / *ta karandaš*
 Руслан видеть-PST-3SG красный этот карандаш
üs'-em-ez
 падать-PTCP.PST-ACC
 'Руслан видел, как красный / этот карандаш упал'.

(5) *ruslan adž'-e* *pünä* *as-se*
 Руслан видеть-PRS.3SG собака REFL-ACC.POSS.3SG
n'ul-em-ez
 лизать-PTCP.PST-ACC
 'Руслан видит, что собака вылизывает себя'.

Маркирование субъекта причастия в КСА в татышлинском удмуртском коррелирует как минимум с иерархией одушевленности и синтаксической позицией СА. К примеру, субъекты — личные местоимения не могут быть немаркированными, если СА

занимает позицию подлежащего (6); если же СА — косвенное дополнение, то для большинства носителей немаркированная форма становится приемлема (7). Для субъектов — неодушевленных существительных позиция СА нерелевантна: они достаточно свободно допускают немаркированную форму. Одушевленность влияет на маркирование субъекта причастия в КСА и в других финно-угорских языках [Сердобольская 2008]. Идея о влиянии синтаксической позиции СА высказывается в [Georgieva 2016], но не получает в цитируемой работе должного подтверждения.

(6) **tamara-lâ kel'š-e mon kârž'a-m(-e)*
 Тамара-DAT нравиться-PRS.3SG я петь-PTCP.PST-POSS.1SG
 Ожид.: 'Тамаре нравится, что я пою'.

(7) ?*maša âšan-e mon lâkt-em-lâ*
 Маша верить-PRS.3SG я приходиться-PTCP.PST-DAT
 'Маша верит, что я пришел'.

Причастия на *-m* употребляются также в составе относительных и адьюнктных клауз (например, в клаузах следования с послелогом *bere* 'после'); в докладе мы сравним маркирование и посессивное согласование субъектов причастий в аргументных, относительных и адьюнктных клаузах.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; DAT — датив; GEN2 — второй генитив (аблатив); LOC — локатив; ILL — иллатив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

- Сердобольская 2008 — Н. В. Сердобольская. Факторы оформления субъекта при номинализации в марийском и коми-зырянском языках // Типология аргументной структуры и синтаксических отношений. Труды международного симпозиума. КГУ, Казань, 2008. С. 64–77.
- Сердобольская и др. 2012 — Н. В. Сердобольская, А. А. Ильевская, С. А. Минор, П. С. Митева, А. В. Файнвейц, Н. С. Матвеева. Конст-

рукции с сентенциальными актантами в финно-угорских языках // А. И. Кузнецова, Н. В. Сердобольская, С. Ю. Толдова, С. С. Сай, Е. Ю. Калинина (ред.). Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2012. С. 382–476.

Georgieva 2016 — E. Georgieva. The case-marking of subjects in Udmurt, Komi-Zyryan, and Meadow Mari non-finite clauses // *Nyelvtudományi Közlemények*. 2016. Vol. 112. P. 77–107.

А. А. Дмитриева
НИУ ВШЭ, Москва

ИМЕННЫЕ ПРИЧИННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Данная работа основана на полевых данных, собранных в с. Казым Белоярского р-на ХМАО в июле-августе 2022 г. Предметом исследования являются именные причинные конструкции в хантыйском языке. Исследование проводится в рамках коллективного проекта «Причинные конструкции в языках мира: семантика и типология» на основе исследовательской анкеты С. С. Сая [Сай, в печати]. Исследование предлагает гипотезы о дистрибуции именных причинных конструкций.

1. Послелог *p̄ta* и *ew̄lt* в причинных конструкциях

В тех случаях, когда причинное значение передается в хантыйском языке с помощью именной группы, часто используются послелог *p̄ta* ‘из-за; для’ и *ew̄lt* ‘из-за; из’. В некоторых случаях большинство опрошенных носителей разрешали употребить только *p̄ta*, не *ew̄lt*:

- (1) *t̄m ik-en* *kał-s-a* *juwra*
этот мужчина-POSS.2SG поймать-PST-PASS неправильный
*w̄er p̄ta/*ew̄lt*
дело из-за
‘Мужчину задержали по ошибке’.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

В других случаях, напротив, большинство носителей сообщили вариант с *ewəlt*, запрещая *pāta*:

- (2) *iki poŋ tułəχ-ət ewəlt/*pāta surma ji-s*
 мужчина яд гриб-PL от умереть-PST
 ‘Мужчина умер от ядовитых грибов’.

Кроме того, иногда носители допускали вариативность *pāta* и *ewəlt*:

- (3) *im-en pəseŋ pāta/ewəlt xəλλ’-əλ*
 женщина-POSS.2SG дым из-за кашлять-NPST
 ‘Женщина кашляет от дыма’.

Выбор того или иного послелога в одних случаях и их варьирование в других можно объяснить, основываясь на семантических параметрах. В частности, непосредственная причина может кодироваться с помощью как *pāta*, так и *ewəlt*, а опосредованная причина кодируется только посредством *pāta*. Кроме того, есть тенденция к кодированию субъективной причины с *pāta*.

Наблюдается вариативность конструкций с *ewəlt* и агентивным локативом (с *pāta* агентивный локатив не варьируется):

- (4) а. *juχ wət-ən il pawət-s-a*
 дерево ветер-LOC вниз упасть-PST-PASS
 б. *juχ wət ewəlt/*pāta il pawət-s-a*
 дерево ветер от вниз упасть-PST-PASS
 ‘Дерево упало от ветра’.

Хотя в рамках исследования агентивные конструкции не интерпретируются как причинные, это может быть аргументом в пользу наличия у *ewəlt* значения физического воздействия.

Другой аргумент в пользу этого — при одном и том же типе причины может употребляться *ewəlt* при значении прямого физического воздействия и *pāta* при значении рациональной причины:

- (5) а. *χəλ ewəlt/*pāta tur-əm kăši*
 кашель от горло-POSS.1SG боль
 ‘От кашля у меня болит горло’.

- b. *xəł pǎta/*ewəłt aškola-ja ǎn mǎn-s-əm*
 кашель из-за школа-DAT NEG пойти-PST-1SG
 ‘Из-за кашля я не пошел в школу’.

Еще одна возможная причина наблюдаемой дистрибуции послелогов — влияние русского языка. Можно отметить, что некоторые опрошенные носители соотносили *pǎta* с русским предлогом *из-за*, а *ewəłt* с русскими предлогами *из* и *от*; впрочем, это не объясняет сильную корреляцию между значением физического воздействия и употреблением *ewəłt*.

2. Другие способы выражения причинного значения

Кроме описанных выше послелогов, для передачи причинных значений используется также локативная конструкция *untasən* ‘с помощью; благодаря’, по-видимому, подвергшаяся грамматикализации. Она, как правило, употребляется при кодировании благоприятной причины:

- (б) *iki amr-əł untas-ən jǎta*
 мужчина собака-POSS.3SG помощь-LOC хорошо
welrəslə-s
 охотиться-PST
 ‘Мужчина удачно сходил на охоту благодаря собаке’.

В целом для хантыйского языка характерна передача причинного значения посредством не именной группы, а нефинитной формы или конверба. Подобную ситуацию можно наблюдать в чувашском языке [Зайка 2022]. Тем не менее, конструкции с послелогом и именными группами тоже часто обозначают причину, и тенденции в их употреблении можно объяснить, основываясь на семантических параметрах.

Список условных сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; DAT — датив; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; PASS — пассив; PL — множественное число; POSS — possessивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Заика 2022 — Н. М. Заика. Именные причинные конструкции в малокарачкнском говоре чувашского языка. Доклад, прочитанный на конференции «Малые языки в большой лингвистике». МГУ, Москва. 22–23 апреля 2022.
- Сай, в печати — С. С. Сай. Именные причинные конструкции: параметры типологической вариативности и исследовательская анкета // Типология причинных конструкций. Заика Н. М. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, в печати.

В. В. Дьячков

ИЯз РАН, Москва

К ТИПОЛОГИИ EXCEED-КОМПАРАТИВОВ: ДАННЫЕ ЯЗЫКА НАТИОРО¹

Настоящий доклад посвящен синтаксису и семантике т. н. exceed-компаративов в языке натиоро (< гур). Exceed-компаративы — это конструкции, содержащие (как правило) переходный глагол со значением ‘превосходить’ [Stassen 2013]. Такие конструкции широко распространены в языках Западной Африки, и в докладе мы рассмотрим материал языка натиоро, в котором существует несколько аналитических стратегий выражения компаративов. Данные собраны в ходе полевой работы в Буркина-Фасо в 2019–2022 гг. Первоочередная задача доклада — установить существенные различия между различными компаративными конструкциями и описать их дистрибуцию.

В натиоро компаративное значение выражается двумя способами. В конструкциях первого типа используется глагол *téŋ* ‘превосходить’², а морфосинтаксис клаузы зависит от класса предиката, с которым он сочетается. Лексемы со значением признака являются, как правило, глаголами, которые могут выражают значение ‘быть А’ или ‘стать А’. Регулярные непереходные глаголы сочетаются с *téŋ*, за которым следует стандарт сравнения (1). В случае большинства прилагательных (которые в предикативной позиции, в отличие от глаголов первого типа, должны быть употреблены с особым суффиксом) *téŋ* присоединяется к голой основе (2). В случае некоторых прилагательных с именными свойствами между прилагательным и показателем *téŋ* вставляется имя с абстрактным значением ‘состояние’ (3).

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 18-00285.

² Этот глагол может претерпевать различные тоновые наложения, о природе которых мы подробно расскажем в докладе.

- (1) *nāⁿ bómboró téŋ mádū*
1SG толстеть превосходить М.
'Я толще, чем Маду'.
- (2) *nà làmbī[̄] †téŋ mā*
1SG стать.высоким превосходить 2SG
'Я выше тебя'.
- (3) *nà móbīlí kā-sō nīmù*
1SG.POSS автомобиль КА-старый состояние.NEUT
†téŋ mā wāⁿ
превосходить 2SG POSS
'Мой автомобиль более старый, чем твой'.

Компаративные конструкции второго типа состоят из обычной клаузы, за которой следует глагол 'превосходить', согласуемый с субъектом этой клаузы. Стандарт сравнения маркируется в этом случае дативом:

- (4) *mādū sà:-kā á=lá-kā zàkí tō*
М. молодой-PTCP 3SG=превосходить-PTCP З. DAT
'Маду моложе, чем Заки'.

Синтаксис COMP-конструкций представляет описательную проблему сразу в силу нескольких причин: 1) падежное маркирование субъекта в компаративной конструкции и в обычной предикации различно; в последнем случае субъект должен быть маркирован обликвусом, ср. (2) и (5); 2) и регулярные глаголы, и прилагательные в COMP-конструкции лишены любой морфологии: к примеру, глагол из (1) в обычной финитной клаузе должен быть маркирован медиопассивом, а прилагательное в (2) — предикативным показателем *-ka/-ga*; 3) если предположить, что сочетание предиката с *téŋ* является сложным предикатом или сериальной конструкцией, такой анализ был бы проблематичен для натиоро, где не наблюдается других подобных конструкций.

- (5) *nā-mí làmbīⁿ-gā*
1SG-OBL стать.высоким-PTCP
'Я высокий'.

В докладе мы рассмотрим факты, свидетельствующие в пользу того или иного синтаксического анализа СОМР-конструкций. В частности, с помощью конкретноязыковых тестов мы представим аргументы в пользу следующих утверждений:

1. Ключевое различие между двумя типами компаративов — статус предикатов со значением ‘превосходить’. В конструкциях первого типа элемент *téŋ* является вершиной компаративной конструкции, в то время как предикат в конструкциях второго типа возглавляет адьюнктную клаузу.
2. Два типа компаративов различаются по способности присоединять фразовый стандарт — она есть у *laka*-компаративов, но не у *téŋ*-компаративов.
3. Лексический глагол в *téŋ*-компаративах не является составляющей с глагольной дистрибуцией, однако также и не совпадает с номинализацией. Не исключено, что глагол интегрируется в конструкцию в виде акатегориального корня, а сама конструкция, таким образом, представляет потенциальный контрпример к обобщению [Grano 2011], согласно которому сравнительная степень прилагательного должна быть морфологически сложнее положительной степени.

Список условных сокращений

↓ — понижение тона; 1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DAT — датив; KA — префикс *ka-*; NEUT — нейтральное число; OBL — обликвус; POSS — посессор; PTCP — причастие; SG — единственное число.

Литература

- Stassen 2013 — L. Stassen. Comparative Constructions // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013.
- Grano 2011 — T. Grano. Mandarin *hen* and Universal Markedness in Gradable Adjectives // Natural Language & Linguistic Theory. 2011. Vol. 30. P. 513–565.

А. Н. Закирова
НИУ ВШЭ, Москва

СОГЛАСОВАНИЕ ПО ЧИСЛУ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ: ОБЗОР

Одна из ярчайших черт нахско-дагестанских языков — разнообразные механизмы согласования, прежде всего класно-числовое (КЧ-) согласование, которое имеется почти во всех языках семьи [Daniel, Lander 2011: 138]. КЧ-согласование встречается на разных типах мишеней: это глаголы, прилагательные, числительные, послелогии, наречия, некоторые клитики и падежные формы существительных, а также различные местоимения. Так, в лакском примере (1) согласуются все словоформы в предложении, кроме абсолютных аргументов (= подлежащих непереходного глагола) *ars* ‘сын’ и *ššarssa* ‘женщина’.

(1) ЛАКСКИЙ [Forker 2018]:

a. *x̂xu-w-aj* *k'i<j>a* *quna-ma* *ars* *ša<w>a*
ночь-M-DIR два<M> старый-ATTR.M сын(M) дома<M>
Ø-u=r
M-быть=3

‘Ночью два старых сына дома’.

b. *x̂xu-r-aj* *k'i<r>a* *qun-mur* *ššarssa* *ša<rd>a*
ночь-F-DIR два<F> старый-ATTR.F женщина(F) дома<F>
d-u=r
F-быть=3

‘Ночью две старые женщины дома’.

Кроме КЧ-согласования, в нахско-дагестанских языках имеются также механизмы согласования по лицу и числу. Личное согласование обсуждалось, например, в работах [Helmbrecht 1996] и [Сумбатова 2015]. В этом докладе речь пойдет о специализированном согласовании по числу, т. е. о согласовании, которое морфологически выражается отдельно от категории класса.

Обзор стратегий специализированного согласования по числу дает следующие результаты.

Специализированное согласование по числу встречается на прилагательных [Закирова 2022], местоимениях и других именных зависимых, на формах генитива [Lander 2010], глаголах и наречиях.

Способы выражения специализированного согласования по числу отличаются от КЧ-согласования: для согласования по числу характерны суффиксальное и инфиксальное выражение, а также супплетивизм основы в случае глаголов и прилагательных, и не характерно префиксальное выражение.

Согласование по числу, как и КЧ-согласование, в большинстве языков, где оно обнаруживается, возможно только для части глагольных корней. Например, в андийском согласование, выражаемое чередованием гласного в корне, возможно только для корней, имеющих слот для КЧ-показателя, после которого идет гласный верхнего подъема.

Глаголы, согласующиеся по числу, обычно согласуются во всех формах, финитных и нефинитных, ср. пример локативного-конверба в (2):

- (2) ГУНЗИБСКИЙ [van den Berg 1995: 91]
əg-ra bac'-ba ko.ra-baa-č xor zəğ-ər
 тот-PL волк(N1)-PL выть-PL-GLOC барашек(N2) найти-PRET
 'В месте, где выли волки, они нашли барашка'.

Однако в некоторых языках существуют стратегии глагольного согласования по числу, возможность которого обуславливается не лексическим свойством глагольного корня, а ТАМ-формой глагола (ср. андийский, тукитинский, даргинские).

Прилагательные в некоторых языках семьи могут выражать согласование по числу с помощью супплетивизма, но чаще всего согласуются по числу с помощью суффиксов; в таком случае возможность согласования не зависит от конкретной лексемы. Один из факторов, вызывающих суффиксальное согласование прилагательных, — контрастивная семантика [Закирова 2022].

Специализированное согласование по числу наречий и послелогов обнаружено только в верхнеандийских диалектах [Закирова

2020]; по-видимому, такое согласование регулируется лексическими факторами.

(3) АНДИЙСКИЙ (с. Зило, элиц.)

he-ge-w-ul χ:εχ:i / χ:εχ:-ol helli-r

DEM-LL-M-PL быстрый / быстрый-PL бежать-PROG

‘Они бегут быстро’.

Таким, образом, показатели согласования по числу встречаются в основном на тех же мишенях, что и КЧ-показатели. Согласование по числу имеет тенденцию выражаться с помощью суффиксов и супплетивных вариантов корня, но, в отличие от КЧ-согласования, обычно не выражается с помощью префиксов.

Синтаксически согласование по числу ведет себя тем же образом, что КЧ-согласование: оно контролируется вершиной ИГ / абсолютным аргументом клаузы и оказывается возможно как в финитных, так и в нефинитных клаузах. Этим оно отличается от личного согласования (ср. [Forker 2018]).

Список условных сокращений

ATTR — атрибутивизатор; DEM — указательное местоимение; DIR — директив; F — женский класс; GLOC — локативный конверб; LL — демонстратив нижнего уровня; M — мужской класс; N1 — средний класс 1; N2 — средний класс 2; PL — множественное число; PRET — претерит; PROG — прогрессив.

Литература

- Закирова 2020 — А. Н. Закирова. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных // Родной язык. 2020. № 2. С. 94–123.
- Закирова 2022 — А. Н. Закирова. Согласование прилагательных по числу в нахско-дагестанских языках: генеалогические и ареальные закономерности // Родной язык. 2022. № 1. С. 5–49.
- Сумбатова, Ландер 2014 — Н. Р. Сумбатова, Ю. А. Ландер. Даргинский говор селения Танта: грамматический очерк, вопросы синтаксиса. М.: Языки славянской культуры, 2014.

- Daniel, Lander 2011 — M. Daniel, Y. Lander. The Caucasian languages // J. van der Auwera, B. Kortmann (eds.). *The Languages and Linguistics of Europe: a Comprehensive Guide*. (The World of Linguistics. Vol. 1). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2011. P. 125–157.
- Forker 2018 — D. Forker. Gender agreement is different // *Linguistics*. 2018. Vol. 56. No. 4. P. 865–894.
- Helmbrecht 1996 — J. Helmbrecht. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 1996. Vol. 49. No.2. P. 127–148.
- Lander 2010 — Y. Lander. Dialectics of adnominal modifiers: On concord and incorporation in nominal phrases // Franck Floricic (éd.). *Essais de typologie et de linguistique générale. Mélanges offerts à Denis Creissels*. Lyon: ENS Éditions, 2010. P. 287–311.
- van den Berg 1995 — H. van den Berg. *A grammar of Hunzib*. (Lincom Studies in Caucasian Linguistics 1). München: Lincom Europa, 1995.

М. С. Замбрыцкая

НИУ ВШЭ, Москва

ОПИСАНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФОНЕМЫ /В/ В ПСКОВСКИХ ГОВОРАХ

В псковских и в смоленских говорах наблюдаются разнообразные реализации фонемы /в/: [в], [w] или же [у]. Предметом настоящей работы является описание реализации фонемы /в/ говора деревни Макеево (псковская группа > акающие западнорусские говоры > среднерусские говоры). Деревня Макеево расположена на границе псковской группы говоров и смоленских говоров. Такое положение наводит на мысли о смешении различных диалектных черт в речи ее жителей. Целью работы является описание распределения реализации фонемы /в/ в д. Макеево и сравнение этого распределения с другими псковскими говорами, один из которых прототипический псковский (говор Опочецкого района), а другой пограничный (говор Невельского района).

Материал для описания говора д. Макеево был собран в диалектологической экспедиции в 2021 г. Из записи речи местной жительницы 1953 г. р. взято 193 словоформы с фонемой /в/. Из Корпуса Опочечских говоров [Ронько и др. 2019] взято 207 контекстов куста деревень близ Опочки. Данные по деревням Невельского района были собраны из НКРЯ [НКРЯ 2003–2022]: 149 словоформ говора д. Новохованск, 92 — д. Усть-Долыссы, 113 — д. Церковище.

При анализе данных использовалась классификация ДАРЯ [Захарова, Орлова 1970] с некоторыми модификациями: рассмотрена интервокальная позиция; [ў] и [w] считались одним аллофоном. В ходе работы собранные данные разделялись на следующие контексты:

— внутрисловные реализации:

- 1) перед согласным в начале слова;
- 2) перед гласным в начале слова;

- 3) перед согласным в середине слова;
 - 4) перед гласным в середине слова;
 - 5) на конце слова;
 - 6) в интервокальной позиции;
- в предлоге в:
- 1) перед гласным;
 - 2) перед согласным.

Согласно полученным данным в д. Макеево в предлоге *в* фонема /в/ реализуется как [у] или [w]; аллофон [в] почти не встречается: реализаций предлога *в* в виде [уў] или же [ув], встречаемых в Невельском районе псковского говора [Пшеничнова 2008], не обнаружено. Внутри слова аллофон [ў] встречается вдвое чаще, чем [в]. Распределение этих реализаций равномерно по всем позициям, за исключением конца слова, где встречается только [ў]. Аллофон [у] встречается только в двух словах — *вкусно* ([укўснь]) и *вчера* ([уч'ира]). Полученные результаты совпадают с данными ДАРЯ.

В кусте деревень близ Опочки в предлоге *в* аллофон [в] встречается втрое чаще аллофона [w]; аллофон [у] практически не встречается. Во внутрисловных позициях доминирует аллофон [в], за исключением позиций перед согласным в начале слова и конца слова; аллофон [у] не встречается.

Распределение реализации фонемы /в/ в деревнях Невельского района неоднородны ввиду специфики лингвогеографического расположения района.

Для попарного статистического сравнения данных, собранных по говорам каждой из деревень¹, был применен критерий χ^2 . В случае, если при сопоставлении двух деревень по некоторым признакам минимальное ожидаемое значение было менее 5, использовался критерий Фишера. В качестве нулевой гипотезы предполагалось, что различий по типу реализации между говорами различных деревень не будет, вне зависимости от места реализации. Гипотеза не подтвердилась. Было выяснено, что реализации фонемы /в/

¹ Для этого была составлена таблица, в которой суммировались статистически значимые различия реализации фонемы /в/ в каждой из исследованных внутрисловных позиций по деревням.

в говоре д. Усть-Долыссы имеют больше различий с реализациями в говоре д. Церковище, чем д. Новохованск. Точно так же различаются говоры каждой из деревень Невельского района с говорами деревень других районов. Особо выделяются говоры деревень Опочецкого и Западнодвинского районов: они различаются между собой так же сильно, как с говорами деревень Невельского района.

Таблица 1. Сумма статистически значимых различий реализации фонемы /в/ по деревням

	Опочка	Макеево	Усть-Долыссы	Церковище	Новохованск
Опочка	X	2	1	2	2
Макеево		X	2	1	2
Усть-Долыссы			X	1	0
Церковище				X	0
Новохованск					X

Ниже предложены результаты тестов, показавшие значимые различия (при $\alpha = 0.05$) внутри слова в различных местах реализации между парами деревень.

1. Перед гласным в начале слова
 - а. Опочка/Новохованск (при $p\text{-value} = 0,004095$, $\chi^2 = 8.2412$);
 - б. Опочка/Церковище (при $p\text{-value} = 0.001523$, $\chi^2 = 9.9335$).
2. Интервокальная
 - а. Опочка/Макеево (при $p\text{-value} = 0.000378$, $\chi^2 = 12.6393$);
 - б. Опочка/Усть-Долыссы (при $p\text{-value} < 0.05$, значение теста Фишера = 0.0311);
 - в. Опочка/Церковище (при $p\text{-value} < 0.05$, значение теста Фишера = 0.0078);
 - г. Опочка/Новохованск (при $p\text{-value} < 0.05$, значение теста Фишера = 0.0113);

- e. Макеево/Усть-Долыссы (при p -value < 0.05, значение теста Фишера = 0,00001);
- f. Макеево/Церковище (при p -value < 0.05, значение теста Фишера = 0.00001);
- 3. Макеево/Новохованск (при p -value < 0.05, значение теста Фишера = 0.00001).

Перед гласными в середине слова

- a. Опочка/Макеево (при p -value < 0.05, значение теста Фишера = 0.0001);
- b. Макеево/Усть-Долыссы (при p -value < 0.05, значение теста Фишера = 0);
- c. Макеево/Новохованск (при p -value < 0.05, значение теста Фишера = 0.047);
- d. Церковище/Усть-Долыссы (при p -value < 0.05, значение теста Фишера = 0.0452).

У полученных результатов есть лингвогеографическое толкование: деревни Опочецкого и Западновинского районов принадлежат к разным диалектным типам, что не совпадает с классификацией К. Ф. Захаровой и Б. Г. Орловой [Захарова, Орлова 1970], зато совпадает с классификацией Н. Н. Пшеничной [Пшеничная 2008]. Иначе говоря, структурная классификация Н. Н. Пшеничной предсказывает диалектную вариативность реализации /в/ точнее, чем данные ДАРЯ.

Источники

ДАРЯ — Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части СССР / Под ред. Р. И. Аванесова, С. В. Бромлей. Вып. I. Фонетика. М., 1986. Вып. II. Морфология. М., 1989. Вып. III. Часть 1. Лексика. М., 1997; Часть 2. Синтаксис и лексика. М., 2004.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс). URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Ронько и др. 2019 — Р. В. Ронько, Е. А. Вольф, М. Ю. Гребёнкина, М. Ю. Ершова, А. В. Охупкина, А. С. Хадасевич, В. А. Морозова. Корпус опочечских говоров 2019, Москва: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Электронный ресурс: <https://lingconlab.ru/opochka>.

Литература

- Захарова, Орлова 1970 — К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука, 1970.
- Пшеничнова 2008 — Н. Н. Пшеничнова. Лингвистическая география. М.: Азбуковник, 2008.

И. В. Калякин

ИЯз РАН, Москва

СЛОЖНЫЕ ПРЕДИКАТЫ С КОВЕРБАМИ-СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМИ В МУИРИНСКОМ ЯЗЫКЕ ДАРГИНСКОЙ ГРУППЫ¹

В докладе рассматриваются дистрибутивные свойства муиринских сложных предикатов (СП), в состав которых входят имена существительные, а также предлагается предварительный анализ структуры события некоторых из них в рамках синтаксиса первой фазы [Ramchand 2008]. Материал для исследования был собран с помощью метода элицитации в ходе лингвистической экспедиции в селение Калкни (Дахадаевский район, Республика Дагестан, Россия) в июле-августе 2022 года.

В муиринском языке (< северно-центрально-даргинские < даргинские < нахско-дагестанские [Коряков 2021]), как и в прочих родственных языках, крайне широкое распространение получили СП — конструкции, состоящие из неглагольного элемента (коверба) и легкого глагола (ЛГ). К примеру, в (1) представлен СП ‘подогревать’: ковербом является прилагательное *wana* ‘теплый’, в качестве же ЛГ выступает глагольная лексема *arq'* ‘сделать’.

(1) *pat'imat-li χureg wana-b-arq'-ib*

П.-ERG еда.ABS теплый-М-делать.PFV-AOR

‘Патимат подогрела еду’.

Коверб представляет собой неизменяемый элемент, который может быть выражен основами или корнями существительных, прилагательных, наречий, числительных, идеофонами, а также

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 22-28-01648 «Вариативность в дискурсе и словаре: исследование близкородственных языков цифровыми методами».

единицами, встречающимися исключительно в составе СП (к ним в том числе относятся и разнообразные заимствования). Легкие глаголы, в свою очередь, образуют относительно небольшой класс глаголов, которые характеризуются размытой семантикой и, употребляясь совместно с ковербом, используются для образования предиката. Линейно ковербы располагаются непосредственно слева от ЛГ, при этом в общем случае ковербы-существительные не являются аргументом глагола (соответственно, согласование ЛГ с таким существительным не имеет места).

Один из важных вопросов, возникающих при изучении СП, связан с выявлением тех свойств, которые позволяют говорить о СП как едином, упорядоченном целом. На то, что СП обладает свойствами лексической единицы, указывает ряд фактов. Так, коверб не может являться антецедентом анафорического местоимения (2), характеризуется нейтральностью к числу (3), не допускает присоединения детерминаторов (4) и лексических зависимых (5). Помимо этого, коверб и ЛГ, по-видимому, образуют фонетическое слово, о чем свидетельствует, например, отсутствие дегеминации конечного согласного коверба, см. *las*: ‘вокруг’ и *lak*: ‘вверх’ в (6).

- (2) **pat'imat-li χureg c:e-b-arq'-ib, il-t:i*
 П.-ERG еда соль-N-делать.PFV-AOR это-PL
d-erc'-ib-ti=ri
 NPL-жарить.PFV-AOR-PL=PST
 ‘Патимат посолила еду, она (соль) была жареная’.
- (3) **nuni xunul č^w-al ummaj-r-arq'-ib=ra*
 я.ERG жена два-CARD поцелуй-F-делать.PFV-AOR=1
 ‘Я поцеловал жену два раза’.
- (4) **pat'imat ašura-čuli iš iχtilat-ka-r-uq-un*
 П. А.-COMIT этот разговор-DOWN-F-идти.PFV-AOR
 ‘Патимат провела с Ашурой этот разговор’.
- (5) **murad čiq:-a ta^h-uq-un*
 М. высокий-ADJ прыжок-идти.PFV-AOR
 ‘Мурад высоко прыгнул’.

(6) *purust'in las:-a-b-arq'-ib-li*

простыня вокруг-UP-N-делать.PFV-AOR-CONV

b-uqin-a-či c'ub-a si-k'al

N-длинный-ADJ-SUPER белый-ADJ что-INDEF

lak:-a-b-ic:-ur-li sai

вверх-UP-N-стоять.IPFV-AOR-CONV <N>COP

‘[Магомедрасул] завернулся в простыню — стоит что-то белое’.

Однако, несмотря на то, что в абсолютном большинстве случаев коверб линейно предшествуют ЛГ, порядок компонентов СП оказывается относительно свободным: допускается как правая дислокация коверба (7), так и отделение элементов СП друг от друга различными составляющими (8).

(7) *darħa w-ik'-ur=ri duc'*

мальчик M-говорить.IPFV-AOR=PST бег

‘Мальчик бегал’.

(8) *pat'imat-li t'ama sabijat-li-c:i d-irq'-i*

П.-ERG голос С.-OBL-INTER NPL-делать.IPFV-НАВ.3

‘Патимат звонила Сабият’.

Как можно видеть в примере (8), существуют такие ковербы, которые имеют сходство с прямыми дополнениями, поскольку они могут являться мишенью согласования и, соответственно, занимать аргументную позицию. В рамках нашего анализа предлагается считать, что коверб может лексикализовать более чем одну проекцию внутри глагольной группы. В тех случаях, когда существительное является ковербом, но при этом обладает способностью выступать в качестве мишени согласования, оно одновременно является и аргументом, и частью предиката:

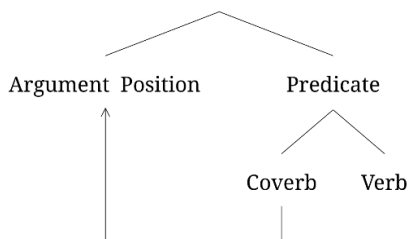

Рис. 1. Коверб, допускающий передвижение в аргументную позицию

Во всех прочих случаях передвижение отсутствует: коверб находится лишь в позиции, связанной с образованием предиката, в то время как аргументную позицию занимает полноценная DP, см. Рис. 2.

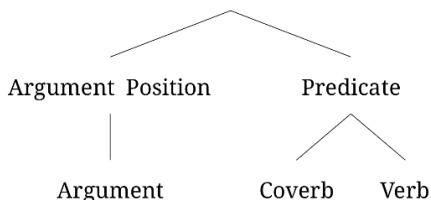

Рис. 2. Коверб, не способный выступать мишенью согласования

Список условных сокращений

1, 3 — первое и третье лицо; ABS — абсолютив; ADJ — прилагательное; AOR — аорист; CARD — количественное числительное; COMIT — комитатив; CONV — простое деепричастие; COP — идентифицирующая связка; DOWN — показатель направления ‘вниз’; ERG — эргатив; F — женский класс; HAB — хабитуалис; INDEF — неопределенное местоимение; INTER — локализация ‘внутри’; IPFV — имперфектив; M — мужской класс; N — неличный класс; NPL — неличный множественный класс; OBL — косвенная основа; PFV — совершенный вид; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SUPER — локализация ‘на’; UP — показатель направления ‘вверх’.

Литература

- Коряков 2021 — Ю. Б. Коряков. Даргинские языки и их классификация // Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец (ред.). Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова. М.: БукиВеди, 2021. С. 139–154.
- Ramchand 2008 — G. Ramchand. Verb Meaning and the Lexicon: A First Phase Syntax. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

Е. Р. Козлова

НИУ ВШЭ, Москва

ТРИ СТАКАНА НА ГРАНИЦЕ ПРИБЛИЗИТЕЛЬНОСТИ: СЕВЕРНОХАНТЫЙСКИЙ АППРОКСИМАТИВ -КЕМ

Существует несколько стратегий выражения приблизительности в количественных конструкциях (КК). Так, О. Б. Стрелкова выделяет два способа, характерных для севернохантыйского: морфологически при помощи суффикса *-кѐт* (1) и сочетанием двух числительных (2) [Стрелкова 2013].

(1) *tām kōrt-ŋəl-an kūt-ən*
этот стойбище-DU-POSS.2SG между-LOC
χəłəm jaŋ-kem kilometra
три десять-APPR километр
‘Между этими стойбищами примерно 30 километров’.

(2) *annaj-en χot ewəłt juχan wənta*
Аня-POSS.2SG дом от река до
kāt χəłəm kilometra
два три километр
‘От дома Ани до реки 2-3 километра’.

При этом в примере (2) возможен (а для половины консультантов предпочтителен) вариант *kāt χəłəm-kem kilometra* [два три-APPR километр] с тем же значением.

Существующие работы, посвященные аппроксимативным конструкциям в уральских языках, для севернохантыйского в основном рассматривают материалы шурышкарского и березовского диалектов [Сидорова 2017; Винклер 2020]. Настоящее же исследование посвящено системе казымского хантыйского, которая заметно отличается. Данные были получены методом элицитации с носителями в 2022 г.

Суффикс *-kɛt* в КК может примыкать как к числительным, так и к некоторым существительным. При этом лишь ограниченный класс существительных способен присоединять аппроксиматив (ср. (3) и (4)).

(3) *anna-j-en jǎŋ-kɛt pišəχ / *jǎŋ pišəχ-kɛt*
 Анна-POSS.2SG десять-APPR яйцо / *десять яйцо-APPR
lɔt-əs
 купить-PST[3SG]
 ‘Анна купила около десяти яиц’.

(4) *wašaj-en jǎŋχ-əs χot-kɛt piš / χot*
 Вася-POSS.2SG ездить-PST[3SG] шесть-APPR раз / шесть
piš-kɛt nórəm-a
 раз-APPR тундра-DAT
 ‘Вася ездил в тундру около шести раз’.

Моя гипотеза заключается в том, что вариант [Num N-*kɛt*] возможен только с именами **меры** (в широком смысле, включая контейнеры, типа ‘стакан’ [Борщёв, Парти 2011]), такими как ‘раз’ или ‘килограмм’. Не присоединяют же суффикс, допуская лишь конструкцию [Num-*kɛt* N], существительные, обозначающие **сущности** (units vs. entities [Rothstein 2017], см. Рис. 1).

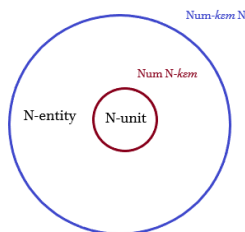

Рис. 1. Зависимость позиционных вариантов от семантики имени

Отдельного внимания заслуживают псевдопартитивы, которые могут иметь обе интерпретации:

- а. *Официант принес **стакан** воды.* СУЩНОСТЬ
- б. *Добавьте в суп **стакан** воды и перемешайте.* МЕРА

В севернохантыйском тип (а) выражается конструкцией, где содержимое находится в препозиции ('бутылка воды' *jɨŋk kewan* [вода бутылка]), а присоединение *-kem* к сущности невозможно. Ожидается, что для типа (b) схема будет такой же, как и в примерах с «эталонными» мерами (5), то есть измеряемое будет в постпозиции:

- (5) *kat'aj-en lapkaj-en kilo-kem kartopka*
 Катя-POSS.2SG магазин-LOC килограмм-APPR картошка
lət-əs
 купить-PST[3SG]
 'Катя купила в магазине около килограмма картошки'.

Единственный случай, допускающий аппроксиматив после псевдопартитива, зафиксирован в примере, где содержимое становится в постпозицию, как раз сближаясь с конструкциями с «эталонными» мерами.

- (6) *χoləm kewan-kem jɨŋk səmi lot ewəlɬ tuw-a*
 три бутылка-APPR вода сердце яма от нести-IMP[SG]
 'Принеси где-то три бутылки воды с родника'.
 (например, в ведре, вмещающем несколько бутылок)

Аналогичным образом (см. Рис. 1) ведет себя слово *mulɬas* 'остаток', выражающее значение приближительности в конструкциях типа 'Num с небольшим N', что позволяет обобщить гипотезу позиционной вариативности для севернохантыйских аппроксимативных конструкций в целом.

Также есть случаи, где *-kem* обязательно присоединяется к имени: в сравнительных конструкциях с параметрическими существительными (*kārśat* 'высота', *arat* 'количество' и другими с суффиксом *-at*) [Садомина 2016] и в КК, где числительное выражено *i(t)* 'один'.

Помимо факторов, влияющих на позиционную вариативность севернохантыйского аппроксиматива, в докладе будут рассмотрены семантические сдвиги в его значении и сочетаемость. Кроме того, мы посмотрим на *-kem* с точки зрения теории грамматикализации и ответим на вопрос, можно ли действительно называть его суффиксом, как принято в существующих работах.

Список условных сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; APPR — аппроксиматив; DAT — дательный падеж; DU — двойственное число; IMP — императив; LOC — локативный падеж; POSS — поссесивность; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Борщёв, Парти 2011 — В. Б. Борщёв, Б. Х. Парти. Генитив меры в русском языке, типы и сорта // И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин (ред.). Слово и язык: Сб. статей к 80-летию академика Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянской культуры, 2011. С. 95–137.
- Винклер 2020 — М. Э. А. Винклер. Аппроксимативные количественные конструкции финно-угорских языков в типологической перспективе. Магистерская диссертация. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2020.
- Садомина 2016 — Н. С. Садомина. Сравнительные конструкции в составе простого предложения (на материале шурышкарского и казымского диалектов хантыйского языка) // Вестник угроведения. 2016. Вып. 24. № 1. 2016.
- Сидорова 2017 — М. А. Сидорова. Стратегии выражения приблизительности в хантыйском языке // Д. Ф. Мищенко (отв. ред.). Четырнадцатая Конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 23–25 ноября 2017 г.). СПб: Нестор-История, 2017. С. 162–165.
- Стрелкова 2013 — О. Б. Стрелкова. Имена числительные удмуртского языка. Ижевск: Удмуртский университет, 2013.
- Rothstein 2017 — S. Rothstein. *Semantics for Counting and Measuring*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

А. А. Куликова
НИУ ВШЭ, Москва

К ОПИСАНИЮ СЕВЕРНОХАНТЫЙСКОГО РЕЗУЛЬТАТИВА¹

Результативом называется форма, обозначающая состояние референта, которое предполагает предшествующее действие [Недялков, Яхонтов 1983: 7] В севернохантыйском языке² (с. Казым) результативное значение выражает конструкция из деепричастия и глагола ‘быть’:

- (1) *iʃn-en* *piʃ-man* *wə-λ*
окно-POSS.2SG открыть-CVB быть-NPST[3SG]
‘Окно открыто’

Цель данной работы — исследование семантических свойств севернохантыйского объектного результата, в их числе акциональную сочетаемость и сочетаемость с модификаторами разного типа [Maïenborn et al. 2015].

Результатив образуется от предельных глаголов при наличии неопредельной интерпретации.

- (2) *amp-en* *jir-man* *wə-λ* <ES P, P>³
собака-POSS.2SG привязывать-CVB быть-NPST[3SG]
‘Собака привязана’

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

² Данные были получены методом элицитации с носителями в 2022 г. в рамках совместной экспедиции НИУ ВШЭ и МГУ.

³ Здесь и далее мы понимаем акциональность по [Татевосов 2015] и используем соответствующую нотацию: <интерпретации в имперфективном видовом ракурсе, интерпретации в перфективном видовом ракурсе>.

- (3) *mašinaj-en* *mān-man* *wə-λ* <EP P, P>
 машина-POSS.2SG ехать-CVB быть-NPST[3SG]
 ‘Машина уехала’

Однако результатив возможен не со всеми предельными глаголами:

- (4) **amp-en* *pār-man* *wə-λ* <ES, ->:
 собака-POSS.2SG умирать-CVB быть-NPST[3SG]
 Ожид.: ‘Собака мертва’

Мы предполагаем, что невозможность такого употребления может быть связана с отсутствием неопредельной интерпретации. Однако кроме этого параметра на употребимость с результативом влияет необратимость состояния (результативы могут вводить обратимые и необратимые состояния [Недялков, Яхонтов 1983: 6]). Севернохантыйский результатив строго обратим: так, приемлемость конструкции с глаголом *šukatti* ‘ломать’ меняется в зависимости от обратимости состояния разбитости описываемого референта (ср. (5) и (6)).

- (5) *išn-en* *šukat-man* *wə-λ*
 окно-POSS.2SG ломать-CVB быть-NPST[3SG]
 ‘Окно разбито’. {Завтра его поменяют}

- (6) *?an-ew* *šukat-man* *wə-λ*
 чашка-POSS.1PL ломать-CVB быть-NPST[3SG]
 ‘Чашка разбита’. {Больше у нас такой не будет}

Хотя результатив описывает состояние, но не предшествующее действие, модификация предшествующего действия обстоятельствами при результативе возможна, но не полностью (так, в статье [Maienborn et al. 2015: 27] результатив с агентивными обстоятельствами считается неприемлемым по прагматическим причинам). С одной стороны, результатив не сочетается с обстоятельствами времени и кратности: нельзя указать на время вхождения в состояние и множественность событий, предшествовавших состоянию.

- (7) **išn-en* *miλχatλ* *piš-man* *wə-λ*
 окно-POSS.2SG вчера открыть-CVB быть-NPST[3SG]
 Ожид.: {Приехали домой, у нас открыто окно, спрашиваем соседей, как так. Они говорят:} ‘Окно открыто вчера’ {Мы видели, как Вася его открывал}

- (8) **amp-en* *wet* *piš* *jiŋ-man* *wə-λ*
 собака-POSS.2SG пять раз привязать-CVB быть-NPST[3SG]
 Ожид.: ‘Собака была пять раз привязана’ {А все равно пыта-
 ется сорваться}

С другой стороны, севернохантыйский результатив допускает модификацию агентивным наречием способа (подобная модификация результативных причастий в немецком обсуждаются в статьях [Kratzer 2000: 394–395; Maienborn et al. 2015: 27]).

- (9) %*išn-en* *χələn* *jəš-ən* *piš-man*
 окно-POSS.2SG грязный рука-LOC открыть-CVB
wə-λ
 быть-NPST[3SG]
 Ожид.: ‘Окно открыто грязными руками’ {На нем грязные следы}

Выражение агенса также возможно, хотя и менее приемлемо:

- (10) %*išn-en* *pet’aj-en-ən* *piš-man*
 окно-POSS.2SG Петя-POSS.2SG-LOC открыть-CVB
wə-λ
 быть-NPST[3SG]
 Ожид.: ‘Окно открыто Петей’ {Мы его накажем}

Таким образом, для севернохантыйского результатава важны такие параметры, как предельность, наличие неопредельной интерпретации и обратимость. В докладе мы также рассмотрим примеры результатава с другими глаголами класса <ES, -> и с неопредельными глаголами.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; CVB — конверб; EP — вхождение в процесс; ES — вхождение в состояние; LOC — локатив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессив; SG — единственное число.

Литература

Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (отв. ред.). Типология результативных конструкций. Л: Наука: 1983. С. 5–40.

- Татевосов 2015 — С. Г. Татевосов. Глагольные классы и типология акциональности. М.: Языки славянской культуры, 2015.
- Kratzer 2000 — A. Kratzer. Building Statives // L. J. Jonathan et al. (eds.). Proceedings of the Twenty-Sixth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society: General Session and Parasession on Aspect. Berkeley, CA: Berkeley Linguistics Society, 2000. P. 385–399.
- Maienborn et al. 2015 — C. Maienborn, H. Gese, B. Stolterfoht. Adverbial Modifiers in Adjectival Passives // Journal of Semantics. 2016. Vol. 33. No. 2. P. 299–358.

В. В. Маринина
НИУ ВШЭ, Москва

ТО, ЭТО И НЕМАРКИРОВАННОЕ: К ОПИСАНИЮ СЕВЕРНОХАНТЫЙСКИХ ДЕМОНСТРАТИВОВ¹

В языках мира встречаются системы демонстративов, ориентированные на расстояние до референта (относительно говорящего, адресата или обоих), видимость, высоту, движение референта и особенности рельефа [Diessel 1999]. Для проверки релевантности видимости, расстояния и ориентированности на участников речевого акта была разработана экспериментальная анкета Д. П. Вилкинса [Wilkins 1999]. Настоящее исследование представляет предварительное описание севернохантыйских демонстративов на основании анкеты Вилкинса и дополнительных примеров (в т. ч. по анкете [Ростовцев-Попель 2009]). Данные получены методом элицитации с носителями летом 2022 года.

Существующие описания демонстративов севернохантыйского кажутся нам неполными. В [Каксин 2010] приводится трехчастная система, в [Nikolaeva 1999] — двухчастная. Наши данные говорят в пользу наличия 2 демонстративов, ориентированных на расстояние — ближнего *tām* и дальнего *tum*, а также «немаркированного» *ši*. Их распределение, однако, нельзя назвать тривиальным.

Tām используется в ситуациях, когда референт находится в личной сфере говорящего². Так, в (1) (стимул 7 из анкеты Вилкинса,

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

² Здесь и далее под референтами в личной сфере говорящего (ЛСГ) будем понимать части тела говорящего, референты в контакте с телом говорящего и референты на расстоянии вытянутой руки (см. деление пространства на домены в [Wilkins 1999]).

далее в формате АВ7), когда говорящий и адресат рядом, референт перед говорящим на расстоянии вытянутой руки, допустим только *tām*:

- (1) *tām*/**si*/**tum* *kinškaj-en* *лы̆ѣт-s-эм*
этот книга-POSS.2SG читать-PST-1SG
'Я прочитала эту книгу'.

Напротив, в (2) (АВ10), когда референт находится за пределами ЛСГ, носители запрещали употребление *tām*:

- (2) *si*/**tum*/**tām* *kinškaj-en* *нӑ̆ѣ-en?*
этот книга-POSS.2SG ты-DAT
'Эта книга твоя?'

Tum употребляется по отношению к референту, находящемуся за пределами ЛСГ и коммуникативного пространства (при этом абсолютное расстояние может варьироваться), ср. примеры (2) и (3) (АВ24):

- (3) *tum*/**si*/**tām* *жух-en-a* *та хө̆ѣх-ijәл-s-эм*
этот дерево-POSS.2SG-DAT я залезать-FREQ-PST-1SG
'Я залезала на это дерево'.

В то время как *tām* и *tum* довольно четко противопоставлены и преимущественно находятся в дополнительной дистрибуции, *si* может как выступать в качестве единственного варианта (пример (4) (АВ16)), так и свободно заменять *tām* (пример (5) (АВ9)) или *tum* (примеры (2) и (3)):

- (4) *si*/**tām*/**tum* *kinškaj-en* *хул̆са* *ын-s-en?*
этот книга-POSS.2SG откуда брать-PST-2SG>SG
'Откуда ты взяла эту книгу?'

- (5) *tām*/**si*/**tum* *kinškaj-en* *та* *лы̆ѣт-s-эм*
этот книга-POSS.2SG я читать-PST-1SG
'Я уже прочитала эту книгу'

Согласно нашей гипотезе, *si* употребляется, когда присутствует конфликт личных сфер говорящего и адресата, а также во всех доменах, которые не входят в ЛСГ. Ситуации, когда *si* единст-

венный приемлемый вариант, — нахождение в коммуникативном пространстве, но за пределами ЛСГ, как в (4), а также когда референт невидимый и находится вне ЛСГ (см. пример (6) (AB25)):

- (6) *ma nɛtχənti ši/*tām/*tum woš-ən ʔn wəl-s-əm*
я никогда этот село-LOC NEG находиться-PST-1SG
'Я никогда не была в том селе'.

Однако представленные выше гипотезы объясняют не все имеющиеся данные. Например, в (7) (AB23) мы бы ожидали, что, по аналогии с (4), будет допустим только *ši*, однако носители также разрешали *tum*:

- (7) *muɟpāta ši/tum/*tām kinśkaj-en kamən*
почему этот книга-POSS.2SG на_улице
kerət 'l'ə-lʔ
валяться-NPST[3SG]
'Почему эта книга валяется на улице?'

В (8) (AB2) и (9) (AB4) можно ожидать конфликт личных сфер, однако он возникает только в (9):

- (8) *tām/*ši/*tum pɛŋk-en pit-a ji-s*
этот зуб-POSS.2SG черный-DAT статья-PST[3SG]
'Этот зуб почернел'.
- (9) *tām/ši/*tum pɛlnaj-en ši pur-l-aj-ən*
этот комар-POSS.2SG EMPH кусать-NPST-PASS-2SG
'Этот комар сейчас тебя укусит'.

В докладе мы постараемся объяснить проблемные для гипотез контексты, подробнее остановимся на семантике *ši*, а также рассмотрим дополнительные данные.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; DAT — датив; EMPH — эмфатическая частица; FREQ — фреквентатив; LOC — локатив; NEG — отрицание; NPST — не-прошедшее время; PASS — пассив; POSS — посессив; PST — прошедшее время; SG — единственное число; X>X — субъектно-объектное спряжение.

Литература

- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010.
- Ростовцев-Попель 2009 — А. А. Ростовцев-Попель. Типология демонстративов: средние дейктики // Вопросы языкознания. 2009. № 2. С. 22–34.
- Diessel 1999 — H. Diessel. Demonstratives: Form, Function, and Grammaticalization (Typological Studies in Language 42). Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak. München, Newcastle: LINCOM Europa, 1999.
- Wilkins 1999 — D. Wilkins. The 1999 demonstrative questionnaire: “This” and “that” in comparative perspective // D. Wilkins (ed.). Manual for the 1999 Field Season. Nijmegen: Max Planck Institute for Psycholinguistics, 1999. P. 1–24.

М. Г. Меленченко
НИУ ВШЭ, Москва

К ДИАХРОНИИ СИСТЕМ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ЛЕЗГИНСКИХ ЯЗЫКОВ¹

Доклад посвящен проблемам изучения диахронического развития систем числительных лезгинских языков (< восточнокавказская семья). Некоторые из этих языков имеют десятичные (1), некоторые — двадцатеричные (2) системы. К первым относятся арчинский, рутульский и цахурский, ко вторым — будухский, крызский, лезгинский и удинский. Разные диалекты агульского и табасаранского языков используют разные системы.

(1) рутульский (с. Кина) [Mukhin 2020]

rix-c'i-r

шесть-десять-NUM

‘60’

(2) агульский (с. Усуг) [Магометов 1970: 96]

xibu q:a-CM

три двадцать-CM

‘60’

Тема систем числительных не изучена достаточно подробно, хотя согласно общепринятой точке зрения, «исконной» системой счисления для протолезгинского является двадцатеричная [Алексеев 1985: 68–69]. Я предлагаю рассмотреть несколько явлений, которые противоречат этой позиции. В докладе представлены данные, полученные из анализа грамматик и другой литературы.

¹ В работе использованы результаты проекта «Процессы языковой конвергенции: проблема взаимодействия факторов разного порядка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

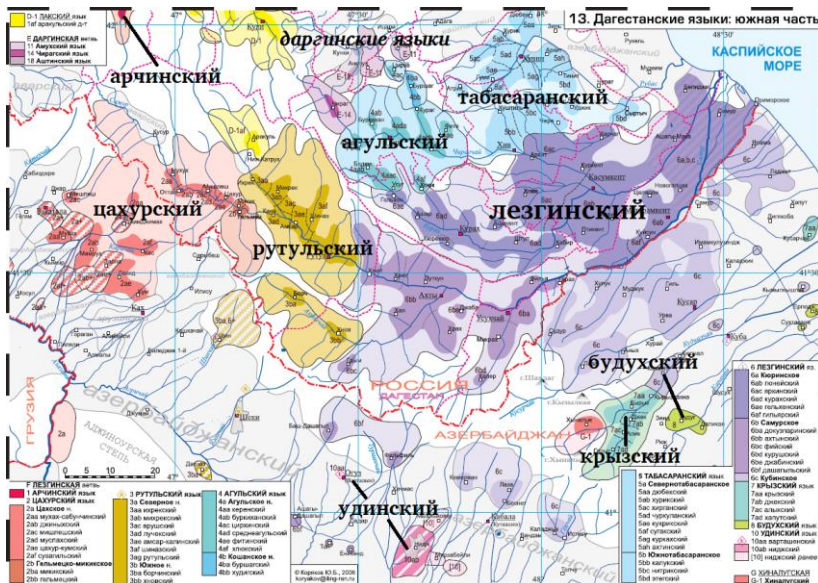

Рис. 1. Карта лезгинских языков. Оригинал взят из [Коряков 2006: 13], крупные подписи мои

Обратимся к теме диалектной вариативности в системах числительных. Агульский и табасаранский языки граничат с даргинскими языками (использующими десятичную систему) на севере и с лезгинским языком на юге. Соответственно, их диалекты обнаруживают сильную вариативность: северные диалекты используют десятичную систему, южные — двадцатеричную [Ganenko, Maisak 2008: 7; Магомедов 1965: 159–163; Магомедов 1970: 94–96]. Лезгинский — большой и влиятельный язык; известно, что он повлиял на многие грамматические черты южных говоров этих языков [Ganenko, Maisak 2008]. Многие их носители владеют лезгинским [Ganenko, Maisak 2008; Dobrushina et al. (eds.) 2017]. Между тем в литературе нет данных об интенсивных контактах с даргинцами и о влиянии даргинских языков в этом регионе. Это позволяет предположить, что лезгинский является вероятным источником заимствования двадцатеричной системы. Если агульские и табасаранские диалекты заимствовали двадцатеричную систему у лезгинского, до этого все они имели десятичную систему. Дру-

гое возможное объяснение: десятичная система является инновацией агульского и табасаранского языков, «подавленной» на юге под влиянием лезгинского (см. [Ganenkov, Maisak 2008]).

Другое важное явление — совпадение форм числительного '40' в агульском (*jä:učʷur*), лезгинском (*jaχcʷur*), рутульском (*joχcʷur*) и табасаранском языках (*jaγcʷur*). Формы этого числительного почти одинаковы, но другие десятки в этих языках выглядят совсем по-разному, в том числе образуются по разным системам. Например, в говоре агульского села Усуг используется двадцатеричная система (2), но '40' ей не подчиняется. Это общее числительное имеет очевидно десятичное происхождение: *jaqʷ*- '4' + (*j*)*icʷu*- '10' + *-r* (застывший маркер именного класса), его происхождение неизвестно. Самым влиятельным из лезгинских языков в последние столетия является лезгинский, но предположение его влияния приводит к тому же парадоксу: сам лезгинский имеет двадцатеричную систему.

Можно выдвинуть альтернативные гипотезы: лезгинский раньше также имел десятичную систему и передал соседям свое '40' до того, как изменил систему счисления на двадцатеричную; источником заимствования является другой лезгинский язык, о влиятельности которого в древности нам (пока) ничего не известно; '40' — не заимствование, а сохранившаяся древняя форма, по какой-то причине не вытесненная более поздними образованиями, в том числе двадцатеричными. Все эти гипотезы требуют множества допущений, при этом все они так или иначе противоречат идее «исконности» двадцатеричности.

Приведенные данные показывают, что проблема «исконности» той или иной системы для лезгинской ветви нетривиальна и требует изучения, а традиционная точка зрения, представляющая двадцатеричный счет как более древний, не сочетается с некоторыми особенностями современных лезгинских языков. В устном докладе я покажу больше конкретных примеров и подробнее прокомментирую предложенные гипотезы.

Список условных сокращений

CM — маркер именного класса; NUM — маркер числительного.

Литература

- Алексеев 1985 — М. Е. Алексеев. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис / Отв. ред. Т. И. Дешериева. Москва: Наука, 1985.
- Коряков 2006 — Ю. Б. Коряков. Атлас кавказских языков. М.: Институт языкознания, 2006.
- Магометов 1965 — А. А. Магометов. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
- Магометов 1970 — А. А. Магометов. Агульский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
- Dobrushina et al. (eds.) 2017 — N. Dobrushina, D. Staferova, A. Belokon (eds.). Atlas of Multilingualism in Dagestan Online. Linguistic Convergence Laboratory, HSE University, 2017. (URL: <https://multidagestan.com>.)
- Ganenkov, Maisak 2008 — D. Ganenkov, T. Maisak. Contact-induced morphological change in Agul dialects. Paper presented at the workshop “Morphological Variation and Change in Languages of the Caucasus,” Vienna, 5–6 February 2008.
- Mukhin 2020 — Mukhin, Timofey. Numerals in Kina Rutul. Higher School of Economics Research Paper No. WP BRP 100/LNG/2020. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3745558>.

Д. Д. Мордашова

МГУ — ИЯз РАН, Москва

**К ТИПОЛОГИИ ВЫРАЖЕНИЙ,
НЕ СПЕЦИФИЦИРОВАННЫХ ПО МОДАЛЬНОЙ СИЛЕ:
ПРИЧАСТИЕ НА -(O)NO
В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ¹**

В докладе речь пойдет о семантике причастия на -(o)no в татышлинском говоре удмуртского языка. Данные собраны методом анкетирования в ходе полевой работы в с. Нижнебалтачево, Старый Кызыл-Яр, Ивановка и Новые Татышлы Татышлинского района респ. Башкортостан в 2022 г. Кроме того, мы задействуем данные корпуса текстов, записанных в экспедиции.

В [ГСУЯ 1962: 264–266] указывается, что «причастия на -но выражают действие, которое необходимо совершить над предметом и воспринимаемое в качестве его пассивного признака», а также могут выражать «действие, которое должно совершить то или иное лицо». Аналогичные употребления возможны и в исследуемом идиоме:

- (1) *mon vaj-i-∅ mis'k-ono derem-ez*
я приносить-PST-1SG мыть-DEV рубашка-ACC
'Я принесла рубашку, которую нужно постирать'.
- (2) *mon adž'-is'ko-∅ šunât pala lob-ono*
я видеть-PRS-1SG теплый к лететь-DEV
tâloburdo-os-âz
птица-PL-ACC
'Я вижу птиц, которые должны лететь в теплые края'.

Наши полевые данные показывают, что данная форма не так строго специфицирована по модальной силе, как следует из

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00285, <https://rscf.ru/project/22-18-00285/>.

грамматик, т. е. она может выражать значение возможности наряду со значением необходимости. Характеристика модальной силы прагматически выводится из более широкого контекста:

- (3) a. *dâšet-is' bas't-ono kn'iga-les' n'im-ze*
 учить-PTCP.ACT братъ-DEV книга-GEN2 имя-ACC.POSS.3SG
vera-∅-z
 говорить-PST-3SG
 ‘Учитель сказал название книги, которую **надо** купить’.
- b. *mânam uks'o-je ôžât, ta odig gine*
 я.GEN деньги-POSS.1SG мало этот один только
bas't-ono kn'iga
 братъ-DEV книга
 ‘У меня мало денег, это единственная книга, которую я **могу** купить’.

В некоторых случаях значение необходимости может ослабляться до возможности, см. контекст отрицания, где форма с показателем отрицания *-tem* в некоторых контекстах может интерпретироваться только как отрицание возможности (4), причем с широкой сферой действия отрицания [NEG>CAN] (прочтение с отрицанием необходимости ни с узкой [MUST>NEG], ни с широкой [NEG>MUST] сферой действия не доступно).

- (4) *ton mânâm les't-on-tem už-ez s'ot-i-d*
 ты я.DAT делать-DEV-NEG работа-ACC давать-PST-2SG
 ‘Ты дал мне непосильную работу’. [NEG>CAN]
 *‘Ты дал мне работу, которую не надо делать {можно ее отложить до следующей недели}’. [NEG>MUST = CAN>NEG]
 *‘Ты дал мне работу, которую запрещено делать’. [MUST>NEG]

Однако интерпретация с отрицанием возможности не является абсолютным правилом: в (5) допускается отрицание необходимости как с узкой, так и с широкой сферой действия.

- (5) *mis'k-on-tem derem*
 стирать-DEV-NEG рубашка
 ‘рубашка, которую не надо стирать {чистая}’ [NEG>MUST = CAN>NEG]

‘рубашка, которую нельзя стирать {из особого материала}’
[MUST>NEG]

?‘рубашка, которую невозможно отстирать {пятна не выведятся}’ [NEG>CAN]

Единственным контекстом, снимающим неоднозначность формы на *-(o)no* в пользу возможности, является конструкция с эквативным маркером *kad'* (ср. (6a)–(6b)), см. о ней [Мордашова 2021], где, однако, не рассматривается семантика причастия на *-(o)no* в изолированном употреблении и неоднозначность его интерпретаций.

- (6) a. *mon uža-no zadač'a-jez tod-is'ko-∅*
я работать-DEB задача-ACC знать-PRS-1SG
‘Я знаю задачу, над которой нужно/можно работать’.
- b. *mon uža-no kad' zadač'a-jez tod-is'ko-∅*
я работать-DEB EQU задача-ACC знать-PRS-1SG
‘Я знаю задачу, над которой можно работать’.

В докладе мы подробнее рассмотрим эти и некоторые другие контексты (рестриктор квантора всеобщности, вопросительные предложения и др.), отмечавшиеся в исследованиях конструкций с вариативной модальной интерпретацией (ср. [Fortuin 2005; Моргунова 2021]). Для сопоставления будут привлекаться также данные литературного удмуртского корпуса. Мы обсудим подходы к анализу выражений, не специфицированных по модальной силе (см. [Rullman et al. 2008; Deal 2011]), и оценим, в какой степени эти подходы приложимы к анализу исследуемой формы.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; DEB — дебитив; EQU — экватив; GEN — генитив; GEN2 — 2-й генитив; NEG — отрицание; PL — множественное число; POSS — посессивный маркер; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PST2 — 2-е прошедшее время; PTCP.ACT — активное причастие; SG — единственное число.

Литература

- ГСУЯ 1962 — Грамматика современного удмуртского языка: фонетика и морфология / Отв. ред. П. Н. Перевошиков. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Моргунова 2021 — Е. В. Моргунова. Синтаксис и семантика дативно-инфинитивных структур в русском языке. Дипломная работа. М.: МГУ, 2021.
- Мордашова 2021 — Д. Д. Мордашова. Дебитивно-эквативный тандем, или об одной модальной конструкции в татышлинском удмуртском. Доклад, прочитанный на Восемнадцатой Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей, Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021.
- Deal 2011 — A. R. Deal. Modals without scales // *Language*. 2011. Vol. 87. No. 3. P. 559–585.
- Fortuin 2005 — E. Fortuin. From Possibility to Necessity: The Semantic Spectrum of the Dative-Infinitive Construction in Russian // B. Hansen, P. Karlik (eds.). *Modality in Slavonic Languages: New Perspectives*. München: Otto Sagner, 2005. P. 39–60.
- Rullman et al. 2008 — H. Rullman, L. Matthewson, H. Davis. Modals as distributive indefinites // *Natural Language Semantics*. 2008. Vol. 16. No. 4. P. 317–357.

Р. Р. Насырова, П. О. Россяйкин

МГУ, Москва

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ МЕСТОИМЕНЕНИЯ В БАЛКАРСКОМ И КУМЫКСКОМ ЯЗЫКАХ

Работа посвящена трем сериям неопределенных местоимений в балкарском (черекский диалект) и кумыкском (терский диалект, существенно отличающийся от дагестанских диалектов) языках, дистрибуция которых указана на семантических картах [Haspelmath 1997] (Рис. 1 и Рис. 2): неопределенным местоимениям серий *WH e-se da* (WH AUX-COND ADD) в балкарском и *bir NP-č(I)* (один NP-INDEF) в кумыкском; отрицательно-полярным местоимениям (NPI) серии *bir NP da* (один NP ADD) и местоимениям свободного выбора (FCI) *WH da* (имеют одинаковую морфологическую форму в обоих языках)¹.

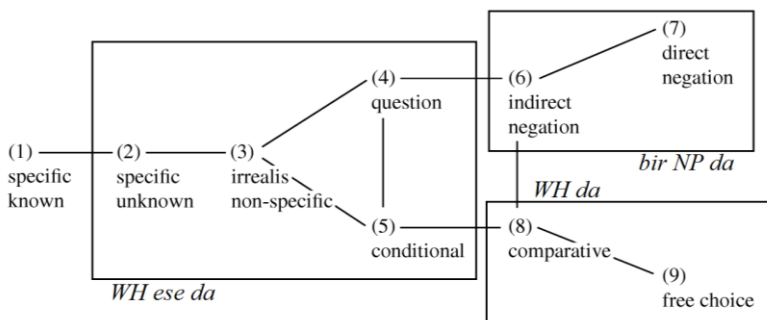

Рис. 1. Семантическая карта балкарских неопределенных местоимений

¹ Данные собраны методами элицитации и оценки приемлемости при работе с носителями обсуждаемых языков. Исследование поддержано грантом РФФ 22-18-00285.

Заглавные буквы в морфемах (-A, -I) обозначают неспецифицированный по гармонии гласный.

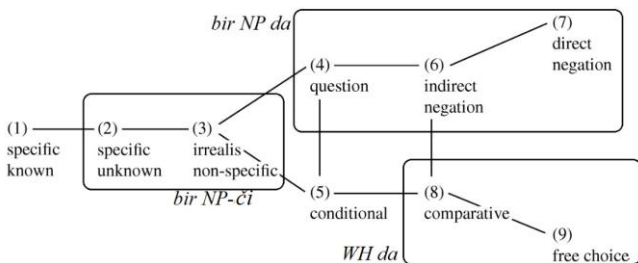

Рис. 2. Семантическая карта кумыкских неопределенных местоимений

Неопределенные местоимения в кумыкском языке (1) содержат показатель контрастивного топика *-č(I)* (2), составляя таким образом типологическую параллель с русским (ср. *кто-то*).

(1) *xabib bir zaman-čï beslan-da jaša-kan* —
 Хабиб один время-INDEF Беслан-LOC жить-PFCT
*#ne zaman?*²
 что время
 ‘Хабиб когда-то жил в Беслане — Когда?’

(2) *mişik uxla-j, it-č kapla-j*
 кошка спать-IPFV собака-CT лаять-IPFV
 ‘Кошка спит, а вот собака лает’.

Однако их дистрибуция существенно уже. Они допустимы в некоторых нереферентных контекстах (*irrealis non-specific* в терминологии [Haspelmath 1997]), а именно императивах (3), и недопустимы во всех прочих контекстах, например, в общих/полярных вопросах (4).

(3) *bir zat-č(i) aša!*
 один вещь-INDEF есть.IMP
 ‘Съешь хоть что-нибудь!’

(4) *sen bir zat(*-č) aša-di-ng-m?*
 ты один вещь-INDEF есть-PST-2SG-Q
 ‘Ты что-то съел?’

² Если не указано иное, пример взят из кумыкского языка.

Балкарские неопределенные местоимения серии *WH ese da* по своей дистрибуции совпадают с русской *то*-серией. Помимо референтных контекстов (5) они также допустимы в общих вопросах и протасисе условной конструкции (6). Отметим, что и эта серия содержит показатель контрастивного топика, поскольку условный показатель *-sA* имеет контрастивную функцию по крайней мере в некоторых тюркских языках [Patridou 2013].

(5) балкарский

kim e-se da kel-di

кто AUX-COND ADD приходиться-PST.3SG

‘Кто-то пришел’.

(6) балкарский

kim e-se da kel-se, alim

кто AUX-COND ADD приходиться-COND Алим

quani-riq-di

радоваться-FUT-3SG

‘Если кто-то придет, Алим будет рад’.

NPI в балкарском и кумыкском языках формируются по типологически устойчивой модели ‘нижняя точка шкалы (*bir*) + скалярно-аддитивный показатель (*da*)’ (ср. *Петя не сказал и слова*). Как правило, подобные NPI в языках мира являются сильными, т. е. лицензируются только отрицанием в той же или подчиняющей клаузе (7) [Россяйкин 2022]. Это относится и к балкарским местоимениям, примеры для которых здесь не приводятся. Кумыкские NPI интересны тем, что также грамматичны в общих вопросах (8), что в случае балкарского допускается не всеми носителями (9).

(7) *men xabib bir čudu(-nu) da aša-kan dep*

я Хабиб один пирог-ACC ADD есть-PFCT что

ojla-ma-j-man

думать-NEG-IPFV-1SG

‘Я не думаю, чтобы Хабиб съел хоть один пирог’.

(8) *bir adam da gel-di-m?*

один человек ADD приходиться-PST-Q

‘Хоть один человек приходил?’

- (9) %*sen bir xicin-ni da aša-di-ng-mi?* (балкарский)
ты один хычин-ACC ADD есть-PST-2SG-Q
'Ты съел хоть один хычин?'

FCI в обоих рассматриваемых языках также образуются по типологически устойчивой модели 'вопросительное слово + аддитивная частица'. Их дистрибуция также типична: они грамматичны в контекстах свободного выбора (10) и стандарте сравнения сравнительной конструкции (11) (по соображениям объема приводятся примеры только из кумыкского языка).

- (10) *axmat ne-ni-de aša-j*
Ахмат что-ACC-ADD есть-IPFV
'Ахмат ест (все) что угодно'.

- (11) *ajgul kim-nen-ne erü*
Айгуль кто-ABL-ADD красивый
'Айгуль красивее всех'.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — согласование по 1, 2, 3 лицу; ABL — аблатив; ACC — аккузатив; ADD — аддитивность; AUX — вспомогательный глагол; COND — показатель условной клаузы; CT — контрастивный топик; FUT — будущее время; IMP — императив; INDEF — неопределенность; IPFV — имперфектив; NEG — отрицание; LOC — локатив; PFCT — перфект; PST — прошедшее время; SG — единственное число; Q — общий/полярный вопрос.

Литература

- Россыйкин 2022 — П. О. Россыйкин. Фокусные частицы и отрицательная полярность // Вопросы языкознания. 2022. No. 2. С. 30–64.
Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford: Oxford University Press, 1997.
Iatridou 2013 — S. Iatridou. Looking for free relatives in Turkish (and the unexpected places this leads to) // U. Özge (ed.). Proceedings of the 8th Workshop on Altaic Formal Linguistics (WAFL 8). Cambridge, MA: MITWPL, 2013. P. 129–152.

В. А. Орлов

ИЯз РАН — МГУ, Москва

СТАТУС И СВОЙСТВА ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ГРУПП В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

Доклад посвящен свойствам вопросительной группы (ВГ) в татышлинском говоре удмуртского языка. Обсуждается категориальный статус ВГ, а также механизм интерпретации вопросительных предложений. Данные были собраны с помощью элицитации в ходе полевой работы в 2022 г. в с. Нижнебалтачево, Старый Кызыл-Яр и Новые Татышлы (Татышлинский р-н, респ. Башкортостан).

Удмуртский часто относят к типу SOV-языков с факультативным передвижением ВГ (см., например, [Понарядов 2001: 72]). В рассматриваемом идиоме в простом предложении позиция ВГ свободна (1). Порядок слов в (1) естественно было бы отнести на счет скрэмблинга, что, однако, не объясняет неграмматичность ВГ в постглагольной позиции (ср. (2а) и (2б)).

При рассмотрении категориального статуса ВГ мы опираемся на типологию, предложенную в [Cable 2010] где свойства ВГ объясняются существованием отдельной вершины Q, которая может либо адьюнговаться к ВГ, либо заключать ее в свою максимальную проекцию. По диагностикам, приводимым в [Cable 2010], татышлинский удмуртский принадлежит к языкам с проецирующей вершиной Q, что проявляется в том, что при перемещении ВГ невозможен отрыв детерминатора от ИГ (3а) или зависание послелого (3б). Эффект крысолова делает примеры допустимыми. Неграмматичность вызывается нарушением условия интервенции QR (QR intervention condition, [Cable 2010: 57]), которое блокирует появление QR между функциональной вершиной и ее комплементом. Кажущимся контрпримером предлагаемому анализу выступает (4а), где возможно отделение ВГ-посессора от вершины. Однако статус посессора в идиоме как спецификатора ИГ отнюдь не бесспорен, о чем, помимо делимости, свидетель-

ствует возможность помещения в сферу действия вопросительного оператора только посессора, но не вершины (4б).

В идиоме наблюдается также интервенция фокуса (5а) — явление, при котором вопросительное предложение становится неграмматичным, если ВГ линейно предшествует фокусный оператор [Beck 2006]. При этом допустим порядок слов, при котором фокусный оператор следует за ВГ (5б). Это свидетельствует о том, что вершина Q, находящаяся в CP, связывается с ВГ посредством исчисления фокусных альтернатив, что и делает часть структуры между ВГ и Q подверженной интервенции фокуса (подробнее см. [Cable 2010; Kotek 2019]). Таким образом, данные дают разные предсказания относительно позиции и статуса Q в идиоме.

Можно предложить несколько объяснений данным. Во-первых, можно предположить, что в идиоме вопросы образуются путем адьюнкции Q, а запреты в (3) на самом деле обусловлены иной природой. Альтернативный анализ предполагает выдвижение Q из QR благодаря механизму, схожему с предлагаемым в [Kotek 2019] анализу с частичным передвиганием QR. Запрет на постглагольные ВГ в таком случае может следовать из более общих принципов устройства постглагольной зоны и правой периферии в идиоме. О существовании последней говорит, в частности, наличие многочисленных дискурсивных частиц, дефолтно занимающих постглагольную позицию.

Примеры

- (1) *(mar) pet'a (mar) tolon (mar) lâmšor-ân*
что Петя что вчера что полдень-LOC
(mar) s'i-i-z?
что есть-PST-3SG
'Что Петя ел вчера на обед?'
- (2) а. *ton gorod-e mân-o-d šukaje*
ты город-ILL идти-FUT-2SG завтра
'Ты завтра едешь в город'.
б. **ton gorod-e mân-o-d kû*
ты город-ILL идти-FUT-2SG когда
'Когда ты поедешь в город?'

- (3) а. *kâše *(pi) tolon klub-e *(pi) lâkt-i-z*
 какой мальчик вчера клуб-ILL мальчик приходить-PST-3SG
 ‘Какой мальчик приходил вчера в клуб?’
- б. **mar s'aris' ti tolon (*s'aris') vera-s'k-i-dâ*
 что о вы вчера о говорить-DETR-PST-2PL
 ‘О чем вы вчера разговаривали?’
- (4) а. *ʔkin-len ž'ók vâl-ân kn'iga-jez kâl'l'-e*
 кто-GEN стол верх-LOC книга-POSS.3SG лежать-PRS.3SG
 ‘Чья книга лежит на столе?’
- б. *kâše ruslan-len agaj-ez-lâ*
 какой Руслан-GEN брат-POSS.3SG-DAT
ton kn'iga s'ot-i-d
 ты книга дать-PST-2SG
 # ‘Которому из братьев Руслана ты отдал книгу?’
 ‘Брату какого Руслана ты отдал книгу?’
- (5) а. **ruslan gine kâše kn'iga-jez lâž'-i-z*
 Руслан только какой книга-ACC читать-PST-3SG
- б. *kâše kn'iga-jez ruslan gine lâž'-i-z*
 какой книга-ACC Руслан только читать-PST-3SG
 ‘Какую книгу прочитал только Руслан?’

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; DAT — датив; DETR — детранзитив; FUT — будущее время; GEN — генитив; ILL — иллатив; INDEF — неопределенное местоимение; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число; VN — отлагательное имя.

Литература

Понарядов 2001 — В. В. Понарядов. Порядок слов в пермских языках в сравнительно-типологическом освещении (простое предложение). Дисс. ... канд. филол. наук. Сыктывкар: РАН, Уральское отделение, Коми научный центр, 2001.

Beck 2006 — S. Beck. Intervention Effects Follow from Focus Interpretation
// *Natural Language Semantics*. 2006. Vol 14. No. 1. P. 1–56.

Cable 2010 — S. Cable. *The Grammar of Q: Q-Particles, Wh-Movement,
and Pied-Piping*. (Oxford Studies in Comparative Syntax). Oxford: Oxford
University Press, 2010.

Kotek 2019 — H. Kotek. *Composing Questions*. Cambridge, MA: MIT Press,
2019.

Л. И. Паско

МГУ, Москва

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОКАТИВА *K'IT'U* 'КОТ' В ХВАРШИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В докладе будет представлен анализ вокатива *k'it'u* 'кот' в хонохском диалекте хваршинского языка (цезские < нахско-дагестанские)¹. Этот вокатив демонстрирует нетривиальные свойства: различия в семантике обращения находят выражение в синтаксисе императивных конструкций с вокативом.

K'it'u обладает двумя прямыми значениями: 'кот' и 'котенок'. Семантические различия маркируются показателями классного согласования: если *k'it'u* значит 'кот', предикат согласуется по III классу, как и многие другие названия животных; значение 'котенок' требует согласования по V классу, к которому относится большинство названий детенышей [Khalilova 2009: 46]. Такой способ дифференциации значений нормален для случаев, когда у детенышей животных нет специального названия. Помимо этого, *k'it'u* обладает двумя переносными оценочными значениями: 1) 'трус' ('трусливый, как кот'), 2) 'милый человек' ('милый, как котенок').

В роли приложения *k'it'u* может использоваться только в первом из переносных значений. При этом предикат может согласовываться с составляющей, включающей приложение, как по III классу, так и по классу ИГ, которой приписывается свойство, — в примере (1) по I классу с *Rasul*.

(1) *Rasul k'it'u m-iλ'λ'a / iλ'λ'a.*

Расул.ABS кот.ABS III-уйти.AOR / I.уйти.AOR

'Расул-кот (трус) ушел. *Расул-котенок (милый) ушел'.

¹ Материал был собран методом элицитации в ходе полевой работы в с. Хонох Цумадинского р. Дагестана в 2022 г.

K'it'u в переносных значениях может использоваться в вокативной функции по отношению к человеку. Интересный случай представляют собой императивные предложения с материально выраженным подлежащим *ma* 'ты': в таких контекстах классное согласование императива зависит от того, в каком из переносных значений выступает вокатив *k'it'u*. Возможны две ситуации: 1) императив согласуется с *k'it'u* по III классу, возможно только значение 'трус' (2a); 2) императив согласуется по классу с адресатом императива, возможны оба переносных значения (2b).

(2) а. *Ma k'it'u m-iλ'a!*

ты.ABS кот.ABS III-уйти.IMP

'Ты (мужчина), кот (трус), уходи! *Ты (мужчина), котенок (милый), уходи!'

б. *Ma k'it'u iλ'a!*

ты.ABS кот.ABS I.уйти.IMP

'Ты (мужчина), кот (трус), уходи! Ты (мужчина), котенок (милый), уходи!'

Если бы *k'it'u* в обоих значениях синтаксически был вокативом, различия в значении не могли бы влиять на выбор стратегии согласования в пределах клаузы. Мы предлагаем анализ, согласно которому *k'it'u* в первом из переносных значений может предцироваться подлежащему императива *ma* 'ты'. Аналогично составляющим с приложением, которые способны вызывать предикативное согласование как по классу самого приложения, так и по классу ИГ, которой предцируется свойство (1), составное подлежащее императива вызывает согласование по любому из двух классов (2a)–(2b). Во втором переносном значении *k'it'u* не может предцироваться подлежащему императива, как и не может быть приложением. В этом случае *k'it'u* — синтаксически вокатив, и поэтому не может вызывать классное согласование императива (2b). Синтаксическим вокативом *k'it'u* может быть и в значении 'трус' при классном согласовании с адресатом императива. В таком случае доступны оба приведенных анализа — две структурные репрезентации поверхностно совпадают.

Таким образом, за предложениями, поверхностно демонстрирующими несовпадение в выборе стратегии согласования, кро-

ются различные синтаксические структуры. Структурные различия, в свою очередь, обуславливаются собственными синтаксическими свойствами каждого из двух переносных значений лексемы. Кроме того, данные хваршинского языка подтверждают высказывавшееся в литературе (например, в [Slocum 2016]) предположение о сходствах между приложением и вокативом.

Список условных сокращений

I, III — именной класс; ABS — абсолютив; AOR — аорист; IMP — императив.

Литература

- Khalilova 2009 — Z. Khalilova. A Grammar of Khwarshi. Doctoral dissertation. Leiden University, Utrecht: LOT, Netherlands Graduate School of Linguistics, 2009.
- Slocum 2016 — P. M. Slocum. The syntax of address. Doctoral dissertation. Stony Brook, NY: Stony Brook University, 2016.

Д. О. Петелин
НИУ ВШЭ, Москва

СЕМАНТИКА И ДИСТРИБУЦИЯ ЯКУТСКИХ ЛЕГКИХ ГЛАГОЛОВ *uul* И *tys*

Эта работа посвящена грамматической семантике и дистрибуции двух легких глаголов якутского языка: *uul* ‘брать, взять’ и *tys* ‘падать’. Помимо своих лексических значений они могут также модифицировать акциональную семантику основного лексического глагола. Глагол при этом стоит в нефинитной форме: в сочетании с *uul* используется деепричастная форма на *-an*, для *tys* же используется форма на *-a*. Оба этих легких глагола имеют в своей основе аттенуативную семантику, однако отличаются в некоторых аспектах, о которых мы расскажем далее. Данные собраны в с. Кэнтик (Верхневилуйский улус, Республика Саха) методом анкетирования.

В большинстве контекстов эти два глагола ведут себя одинаково и имеют делимитативную семантику или семантику отменного результата:

- (1) *ku:s oran-ŋu sut-an uul-la /*
девушка кровать-ACC лежать-CVB.ANT брать-PRET
sut-a tys-te
лежать-CVB.SIM падать-PRET
‘Девочка полежала на кровати (и встала)’.

Однако существуют также контексты, в которых значение этих глаголов различается:

- (2) a. *uot otoj-on uul-la*
огонь гореть-CVB.ANT брать-PRET
‘Огонь то загорался, то гас’.
b. *uot otoj-o tys-te*
огонь гореть-CVB.SIM падать-PRET
‘Огонь резко загорелся’.

Подобные семантические оттенки зафиксированы в литературе. Согласно [Харитонов 1960], глагол *tys* несет значение «моментальности, внезапности, мимолетности или неполноты действия». [Убрятова (ред.) 1982] так же выделяет значения «кратковременности, неполноты, внезапности и неожиданности проявления действия». При этом авторы не упоминают, в каких контекстах появляются какие из значений. Наши данные указывают на то, что причиной подобного поведения могут быть характеристики актантов. В частности, на миративно-инхоативную интерпретацию у глагола *tys* может влиять неодушевленность подлежащего. На это указывает набор глаголов, в сочетании с которыми эта семантика отмечалась информантами чаще прочих: *otoj* ‘гореть’, *orguj* ‘кипеть’, *u:l* ‘таять’ и *tavus* ‘выходить (о солнце)’. Подробнее эти предположения мы рассмотрим в докладе.

В некоторых же контекстах приемлемым оказывается только один из глаголов:

- (3) *ebe:m ačukku-tu:n bul-an ul-la /*
бабушка очки-3SG.POSS находить-CVB.ANT брать-PRET
**bul-a tys-te*
находить-CVB.SIM падать-PRET
‘Бабушка нашла очки и сразу потеряла’.

Мы предполагаем, что данное поведение связано с акциональным классом глагола: *tys*, в отличие от *ul*, не сочетается с сильными предельными глаголами. Подтверждением этому может служить неприемлемость сочетания *tys* с глаголом *syter* ‘терять’ и *bul* ‘находить’, в то время как *ul* свободно сочетается с обоими этими глаголами. Иные подтверждения нашей гипотезе мы представим в докладе.

Помимо этого, мы рассмотрим типологические сходства с аттенуативными легкими глаголами в других языках. Так, якутский легкий глагол *ul* имеет набор значений и дистрибуцию, практически аналогичные таковым чувашского легкого глагола *il* ‘брать’ (здесь и далее согласно данным из [Шлуинский 2006]):

- (4) а. ЧУВАШСКИЙ
ivan šivăr-sa il-č-e
Иван спать-CVB брать-PST-3
‘Иван немного поспал’.

в. ЯКУТСКИЙ

ivan utuj-an ul-la

Иван спать-CVB.ANT брать-PRET

‘Иван немного поспал’.

При этом семантика отмененного результата в якутском языке оказывается доминирующей. В случае необратимости процесса невозможность интерпретировать предложение с семантикой отмененного результата блокирует остальные значения (например, делимитативное), что позволяет предположить наличие иерархии значений, более точные характеристики которой, впрочем, предстоит уточнить.

(5) а. ЧУВАШСКИЙ

kupǎsta šer-se il-č-e

капуста гнить-CVB брать-PST-3

‘Капуста немного подгнила’.

в. ЯКУТСКИЙ

**kapu:sta sutuj-an ul-la*

капуста гнить-CVB.ANT брать-PRET

Ожид.: ‘Капуста немного подгнила’.

Таким образом, легкие глаголы *ul* ‘брать, взять’ и *tus* ‘падать’ в сочетании с деепричастными формами основных лексических глаголов имеют набор значений аттенуативной семантической зоны. При этом интерпретация и допустимость предложений с использованием этих глаголов в качестве вспомогательных зависит как от одушевленности актантов, так и от характеристики ситуации: ее обратимости и ее акциональных свойств.

Список условных сокращений

3 — третье лицо; ACC — аккузатив; CVB — деепричастие; CVB.ANT — деепричастие предшествования; CVB.SIM — деепричастие одновременности; POSS — поссесив; PRET — претерит; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Убрятова (ред.) 1982 — Е. И. Убрятова (ред.). Грамматика современного якутского литературного языка. Т. I. Фонетика и морфология. Новосибирск: Наука, 1982.
- Харитонов 1960 — Л. Н. Харитонов. Формы глагольного вида в якутском языке. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Акциональность и аспектуальный показатель: конструкция со вспомогательным глаголом *il-* в чувашском языке // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2006. № 1. С. 32–47.

П. С. Петрова

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ РУССКИХ ФОКУСНЫХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ ЧАСТИЦ

В настоящей работе рассматриваются русские ограничительные (эксклюзивные в терминологии [König 1991: 32]) частицы *только*, *лишь*, *исключительно*, *только*. В части контекстов все четыре лексемы могут быть взаимозаменяемы, ср. (1) и (2). Однако такая замена возможна не во всех случаях, ср., например, (3).

- (1) ^{OK}Он полиглот, но из всех романских языков знает *только/лишь/исключительно* итальянский.
- (2) «⟨...⟩ Он оставил *только* вероломного Скварчафика, главного виновника гибели Кафы, коего отослал на казнь в Царь-град» (С. Сестрэнцевич) (Юрий Черниченко. Небесная глина (1968) // «Юность», 1969).
- (2') ^{OK}Он оставил *только/лишь* вероломного Скварчафика, главного виновника гибели Кафы, коего отослал на казнь в Царь-град.
- (3) И все замечали это, *только/*исключительно* он не замечал и честно считал себя весельчаком.

С опорой на работы [Пайар 1998; Сахно 1998] и найденные в НКРЯ примеры было установлено три типа контекстов, в которых все или некоторые из рассматриваемых частиц взаимозаменяемы. В частности, базовым значением для *только* и *лишь* стало такое, где *x* не обладает свойством *p* по сравнению с остальными элементами множества, как в примерах (4) и (5).

- (4) Шутка Мануильского, раскаты хохота заставили почти всех обернуться. *Лишь* Сталин мерно шагал к противоположной стене (А. Бек) [Сахно 1998: 57].
- (5) ^{OK}Шутка Мануильского, раскаты хохота заставили почти всех обернуться. *Только* Сталин мерно шагал к противоположной стене.

Возможными значениями для всех четырех русских ограничительных частиц *только*, *лишь*, *исключительно*, *только* стали, в свою очередь случаи, когда *x* является фокусом высказывания, а остальные компоненты множества игнорируются (ср. (6) и (7)), а также когда *x* передает минимальное и несущественное положение вещей из всех возможных (примеры (8) и (9)).

- (6) ^{OK}А сейчас могу себе позволить *только/лишь/исключительно* Турцию.
- (7) <...> Воззрю *только* на кроткого! И молчаливаго! (А. Терехов. Каменный мост, 1997–2008)
- (8) ^{OK}<...> он *только/лишь/исключительно* для приличия пригнется <...>.
- (9) <...> богатства *только* ради женихи-то подманивают, а денежки вытрясут — и поминай, как звали (Д. С. Мережковский. Александр Первый, 1922).

Частицы *только* и *только* в своем центральном значении были рассмотрены в диахронии на материале исторического и основного подкорпусов. Было выявлено, что указанные лексемы взаимосвязаны. Частицы начинают конкурировать с XIV века, после чего частотность *только* постепенно снижается, а *только*, заменившей впоследствии *только*, возрастает (см. Таблицы 1 и 2).

Таблица 1. Частицы *только* и *только* в диахронии. Исторический подкорпус

	1100– 1200 гг.	1201– 1300 гг.	1301– 1400 гг.	1401– 1500 гг.	1501– 1600 гг.	1601– 1700 гг.
<i>Только</i>	1 (100%)	3 (100%)	15 (75%)	30 (63%)	60 (60%)	20 (20%)
<i>Только</i>	0 (0%)	0 (0%)	5 (25%)	18 (38%)	40 (40%)	80 (80%)

Таблица 2. Частицы *только* и *только* в диахронии. Основной подкорпус

	1701– 1750 гг.	1751– 1800 гг.	1801– 1850 гг.	1851– 1900 гг.	1901– 1950 гг.	1951– 2000 гг.	2001– 2022 гг.
<i>Только</i>	100 (70%)	42 (21%)	6 (3%)	2 (1%)	1 (1%)	1 (1%)	0 (0%)
<i>Только</i>	43 (30%)	158 (79%)	194 (97%)	198 (99%)	199 (100%)	199 (100%)	200 (100%)

Кроме того, было выяснено, что в сфере действия лексемы *исключительно* не входит глагольная группа: частица не употребляется с финитными глаголами. На основе составленных выборок с последующей проверкой статистической значимости гипотезы и применением поправки Холма-Бонферрони было выявлено, что отрицание накладывает ограничение на употребление частицы *исключительно* в той же клаузе, по сравнению с лексемой *только* ($p < 0,05$), см. Таблицу 3.

Таблица 3. Влияние отрицания на выбор частицы

Частица	Глагол с отрицанием	Глагол без отрицания	% с отрицанием
<i>Исключительно</i>	7	193	4%
<i>Только</i>	22	178	11%
<i>Лишь</i>	17	183	9%

Было также установлено, что из пары *только* — *лишь* первая частица тяготеет к контекстам со значением «компромисс», вторая — к контекстам со значением «вместо того, чтобы».

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс).
URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Литература

- Пайар 1998 — Д. Пайар. Только // К. Киселева, Д. Пайар (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. С. 45–55.
- Сахно 1998 — С. Л. Сахно. Лишь // К. Киселева, Д. Пайар (ред.). Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М.: Метатекст, 1998. С. 55–61.
- König 1991 — E. König. The Meaning of Focus Particles: A Comparative Perspective. London; New York: Routledge, 1991.

Д. Ю. Писаренко
НИУ ВШЭ, Москва

СУБЪЕКТНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ ГРУПП С ЧИСЛИТЕЛЬНЫМИ В СЕВЕРНОХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Доклад посвящен числовому согласованию субъектов, включающих числительное, с глаголами в казымском диалекте севернохантыйского языка. Данные собраны методом элицитации в ходе экспедиции в с. Казым Белоярского р-на ХМАО (июль-август 2022 г.).

В севернохантыйском языке, согласно [Каксин 2010], существительное при числительном не может нести показатель множественного числа (1). Согласно [Ortmann 2000: 254], группы *числительное + существительное* в таких языках могут согласовываться с глаголом только по единственному числу. Однако данные севернохантыйского языка нарушают это обобщение, так как в нем такие группы могут согласовываться как по единственному, так и по множественному числу (2). В докладе рассматриваются некоторые факторы, от которых может зависеть выбор той или иной стратегии числового согласования групп с числительными с глаголом.

(1) *wet kinška / *kinškaj-ət*

пять книга книга-PL

‘пять книг’

(2) *wet kinška pāsan ɔxtij-ən* ^{OK}*ul-λ* /

пять книга стол на-LOC лежать-NPST[3SG]

^{OK}*ul-λ-ət*

лежать-NPST-3PL

‘Пять книг на столе лежат’.

¹Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 20-512-26004 «Морфология согласования».

1. Обязательное согласование по множественному числу

Субъект с числительным обязательно согласуется по множественному числу, если он:

- контролирует PRO

(3) a. [wet amp]_i [∅_i mānti ελti₁ juχətti₂]
 пять собака PRO я.АСС догонять_{1,2}
^{OK}wutś-λ-ət / *wutś-əλ
 собираться-NPST-3PL собираться-NPST[3SG]
 ‘Меня пытаются догнать пять собак’.

b. wet amp mānti ^{OK}ελti₁ juχt₂-λ-ət /
 пять собака я.АСС догонять_{1,2}-NPST-3PL
^{OK}ελti₁ juχət-λ₂
 догонять_{1,2}-NPST[3SG]
 ‘Меня догоняют пять собак’.

- имеет посессивный показатель, ср. (2) и (4)

(4) pāsən əχti-jən ma wet kinška-jem ^{OK}uλ-λ-ət /
 стол на-LOC я пять книга-POSS.1SG лежать-NPST-3PL
 *uλ-λ
 лежать-NPST[3SG]
 ‘На столе лежит пять моих книг’.

- эксплицитно атомизирован, например, с помощью адвербиала *i jurijən* ‘один за другим’

(5) a. wet kinška i₁ jurijən₂ iλ ^{OK}pit-s-ət /
 пять книга один за другим_{1,2} вниз стать-PST-PL
 *pit-əs
 стать-PST[3SG]
 ‘Пять книг упали одна за другой’.

b. wet kinška iλ ^{OK}pit-s-ət / ^{OK}pit-əs
 пять книга вниз стать-PST-PL стать-PST[3SG]
 ‘Пять книг упали’.

Согласование обязательно для субъекта, отсылающего к уже упомянутой группе с числительным, даже если антецедент согласуется по единственному числу.

- (6) *kat-ən* [λapət amp]_i χurt-əs. Ø_i *si jupijən*
 снаружи-LOC семь собака лаять-PST[3SG] PRO это за
 ОК *mān-s-ət* / **mān-s*
 идти-PST-3PL идти-PST[3SG]
 ‘Семь собак лаяли на улице. Потом они ушли’.

2. Информационная структура

При фокусе на числительном предпочтительно согласование по единственному числу.

- (7) *aškola-je tər λapət hawrem juχt-əs* /
 школа-DAT только семь ребенок прийти-PST[3SG]
 ?*juχt-s-ət*
 прийти-PST-3PL
 ‘В школу только семь детей пришли’.

3. Одушевленность

Выбор модели согласования, вероятно, зависит от одушевленности субъекта. Для одушевленных существительных наблюдается тенденция предпочитать вариант с согласованием по множественному числу, ср. (2) и (8).

- (8) *wet amp wəšχuli χuwat* ОК *χoχət-λ-ət* /
 пять собака улица по бегать-NPST-3PL
 ?*χoχt-əl*
 бегать-NPST[3SG]
 ‘Пять собак бегают по улице’.

4. Обсуждение

Обсуждаемое выше обобщение из [Ortmann 2000] объясняется тем, что группы *имя + числительное* в языках типа севернохантыйского не несут семантической множественности, т. е. глагол согласуется со всем множеством, а не с индивидуальными сущностями [Rijkhoff 2002; Görgülü 2012]. В некоторых из таких языков (напр., в финском, см. [Danon 2011: 301]) согласование по множественному числу может быть доступно, только если мно-

жественное число морфологически выражено на демонстративе или прилагательном.

Данные севернохантыйского языка демонстрируют, что в языках, запрещающих грамматическое выражение числа на имени при числительном, конструкции *имя + числительное* все равно несут семантическую и синтаксическую множественность, что делает их доступными для согласования. Более того, в некоторых контекстах множественное согласование в таких языках бывает обязательным.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — аккузатив; DAT — датив; LOC — локатив; NPST — непростшедшее время; PL — множественное число; POSS — посесив; PST — простшедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд., доп. Ханты-Мансийск: Югорский государственный университет, 2010.
- Danon 2011 — G. Danon. Agreement and DP-internal feature distribution // Syntax. 2011. Vol. 14. No. 4. P. 297–317.
- Görgülü 2012 — E. Görgülü. Semantics of Nouns and the Specification of Number in Turkish. Doctoral dissertation. Simon Fraser University, 2012.
- Ortmann 2000 — A. Ortmann. Where plural refuses to agree: feature unification and morphological economy // Acta Linguistica Hungarica. 2000. Vol. 47. No. 1. P. 249–288.
- Rijkhoff 2002 — J. Rijkhoff. The noun phrase. Oxford: Oxford University Press, 2002.

А. Д. Подгорная

МГУ, Москва

УПОТРЕБЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТИВА НА *-(e)tân* В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

В работе рассматривается глагольная форма на *-(e)tân* в татышлинском удмуртском, ранее не исследованная в данном говоре и не упоминающаяся в наиболее объемном его описании [Baidoullina 2003]. Привлекаются данные анкетирования, проведенного в 2022 г. в Татышлинском районе Республики Башкортостан (с. Нижнебалтачево, с. Новые Татышлы, д. Старый Кызыл-Яр, д. Ивановка), и диалектного корпуса (<http://udmurt.web-corpora.net/tatyshly/>).

Результативная семантика (обозначение состояния предмета, предполагающее предшествующее действие [Недялков, Яхонтов 1983: 7]) во многих уральских языках свойственна предикативным употреблениям причастий, см. о коми [Leinonen, Vilkuna 2000: 503–507], о мокшанском [Козлов 2016], о горномарийском [Закирова, Муравьев 2021]. В удмуртском соответствующее значение имеет форма на *-(e)tân*, не употребляющаяся атрибутивно и, предположительно, являющаяся поздним образованием от причастия на *-(e)t*, не зафиксированным в близкородственном языке коми [Серебренников 1963: 299–300].

Как в литературном [ГСУЯ 1962: 268–269], так и в татышлинском удмуртском форма на *-(e)tân* свободно образуется от предельных переходных глаголов (1) и непереходных с единственным пациентивным участником (2). В первом случае обязательно изменение диатезы (1b) и возможно выражение агенса в инструменталисе (1a), в отличие, например, от результатава в горномарийском [Закирова, Муравьев 2021: 25].

- (1) а. *mil'am busâ-mâ* *kôrăš-jos-ân gâr-emân*
мы.GEN поле-POSS.1PL сосед-PL-INS пахать-RES

b. **mil'es'tâm busâ-mes* *kôrâš-jos gâr-emân*
 мы.GEN2 поле-ACC.POSS.1PL сосед-PL пахать-RES
 ‘Наше поле вспахано соседями’.

(2) *gruša-jos kis'ma-mân, kema-tek bič'a-lo-m*
 груша-PL созреть-RES долго-CAR собирать-FUT-1PL
 ‘Груши созрели, скоро будем собирать’.

Для большинства опрошенных носителей также приемлемо образование результата от глаголов с единственным агентивным участником, см. текстовый пример (3). Это не отмечается в [ГСУЯ 1962: 268–269], хотя соответствующие примеры находятся также в [Leinonen, Vilkula 2000: 505; Winkler 2001: 58; Asztalos 2022].

(3) *kâ²-na-mâ* *ul-is'ko-m* *in'de s'emn'a-en-âm*
 два-COLL-POSS.1PL жить-PRS-1PL уже семья-INS-POSS.1SG
nâlpri-jos ves' košk-âl-emân
 ребенок-PL весь уходить-ITER-RES
 ‘Живем уж вдвоем с супругой. Дети все уехали’ [Baidoullina 2003: 158].

Кроме того, для многих носителей возможно образование данной формы от непредельных глаголов (4), что говорит о расширении ее сочетаемости по сравнению с прототипическим результатом. Такие примеры зафиксированы и в корпусах литературного удмуртского [Asztalos 2022]. Предельная интерпретация в (4) исключается, в отличие, например, от результата в мокшанском [Козлов 2016: 60].

(4) *so-os ufa-jân vit' ar / *ar-skân ul-emân*
 тот-PL Уфа-LOC пять год год-TEMP жить-RES
 ‘Они прожили в Уфе пять лет / *за пять лет {и все еще живут / переехали в деревню}’.

Для некоторых глаголов употребление рассматриваемой формы требует экспериментивного (5a) или инферентивного контекста (5b).

(5) а. *mon no kârt-en šud-emân, ojdo valekt-o*
 я ADD карта-INS играть-RES давай объяснять-FUT.1SG
 ‘{А: Я совсем не знаю, как играть. — Б:} Я играл в карты, давай объясню’.

- b. *so újbât kárt-en šud-emân*
тот целый_ночь карта-INS играть-RES
{А видит сонного Б и знает о его привычках. А:} Он всю
ночь играл в карты’.

В докладе мы подробнее рассмотрим данные татышлинского удмуртского в сравнении с другими уральскими языками и в свете эволюции результативных форм в сторону перфектной грамматики, см. [Bybee et al. 1994: 68–69], обсудив, в том числе на материале удмуртских корпусов, совместимость форм на *-(e)tân* с глаголами различных акциональных классов, интерпретации этих форм и сочетаемость с адвербиалами времени различных типов.

Список условных сокращений

I — 1 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CAR — каритив; COLL — показатель собирательного числительного; FUT — будущее время; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; INS — инструменталис; ITER — показатель глагольной множественности; LOC — локатив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; RES — результатив; SG — единственное число; TEMP — темпоральный маркер.

Литература

- ГСУЯ 1962 — П. Н. Перевошиков (отв. ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Ижевск: Удмуртское книжное издательство, 1962.
- Закирова, Муравьев 2021 — А. Н. Закирова, Н. А. Муравьев. Падежное кодирование пациенса в причастно-пассивной конструкции горномарийского языка // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. Вып. 32. № 2. С. 23–38.
- Козлов 2016 — А. А. Козлов. Мокшанский результатив и диахрония результативной конструкции // Вопросы языкознания. 2016. № 1. С. 51–75.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // В. П. Недялков (отв. ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–40.

- Серебренников 1963 — Б. А. Серебренников. Историческая морфология пермских языков. М.: Издательство АН СССР, 1963.
- Asztalos 2022 — E. Asztalos. Diagnosing unaccusatives in Udmurt // *Syntax of Uralic Languages (SOUL-4)*, 2022. Abstracts. Online publication: <https://sites.google.com/view/soul4/programme?authuser=0>
- Baidoullina 2003 — A. Baidoullina. Татышлинский говор удмуртского языка: фонетика и морфология [Udmurdi keele Tatõšlõ murrak: foneetika ja morfoloogia]. Magistritöö. Tartu: Tartu Ülikool, 2003.
- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Leinonen, Vilkuna 2000 — M. Leinonen, M. Vilkuna. Past tenses in Permic languages // Ö. Dahl (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 495–514.
- Winkler 2001 — E. Winkler. *Udmurt*. München & Newcastle: Lincom Europa, 2001.

Е. Е. Полякова

РГГУ, Москва

К ОПИСАНИЮ СВЯЗИ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО МАРКИРОВАНИЯ ОБЪЕКТА И СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА В ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Дифференцированное объектное маркирование (ДОМ) — явление, существующее во многих уральских языках и характерное почти для всех прибалтийско-финских языков [Oranen 2019]. В качестве маркера прямого объекта в них обычно конкурируют несколько падежей, на выбор одного из которых могут влиять разные факторы.

Для тверского карельского (прибалтийско-финская подгруппа < финно-волжская группа < финно-угорская ветвь < уральская семья) совокупность этих факторов описана в статье [Oranen 2019]. Основным из них является «(акциональная) целостность» глагольной группы (boundedness) — критерий, введенный для объединения кумулятивной характеристики глагола и количественной определенности объекта, от которых зависит выбор между партитивом и одним из двух других падежей (аккузативом и номинативом). Выбор падежа, в свою очередь, может влиять на интерпретацию высказывания. Так, при исчисляемом объекте в единственном числе использование партитива будет говорить о неопределенности глагола, использование другого падежа — о его определенности. Однако существуют глаголы, не поддающиеся такой метаморфозе — они всегда требуют при себе объект в определенном падеже. Таким образом, выбор глагола может влиять на выбор падежа, и в идеале можно классифицировать глаголы с точки зрения этого влияния.

Данное исследование посвящено изучению влияния семантики глагола на выбор падежа объекта в людиковском наречии карельского языка (прибалтийско-финская подгруппа < финно-волжская

группа < финно-угорская ветвь < уральская семья). Материалы для исследования были собраны в с. Михайловское Олонецкого района республики Карелия в июне 2022 года.

В отличие от тверского карельского, в людиковском конкурируют партитив, номинатив и генитив (выделению в отдельный падеж аккумулятива мешает отсутствие у последнего морфологической самостоятельности). В исследуемых контекстах (реальных ситуациях в прошлом) выбор в основном происходит между генитивом и партитивом, однако для целого ряда предикатов оказываются возможными оба падежа без заметных семантических различий, поэтому речь в большей степени идёт о тенденции к выбору одного из них. Для составления списка проверяемых глаголов использовались некоторые из критериев переходности [Hopper, Thompson 1980]. С каждым из проверяемых глаголов было составлено два предложения для элицитации, в одном из которых референциальный статус прямого объекта был определённым (и задавался определённым местоимением), в другом — неопределённым (задавался контекстно или неопределённым местоимением). Влияние всех прочих типологически влияющих на ДОМ факторов (одушевленности, коммуникативного статуса, видовременных характеристик глагола, модальности и т. д.) было сведено к минимуму.

В результате анализа собранных материалов каждому глаголу был присвоен маркер типа $[X, X]$, где левый элемент указывает на тенденцию при выборе падежа в неопределённых контекстах, правый — в определённых; сам элемент выбирается из пяти возможных вариантов:

- G — используется только генитив
- $G > P$ — генитив предпочтительнее партитива
- $G = P$ — предпочтений в выборе не выявлено
- $P > G$ — партитив предпочтительнее генитива
- P — используется только партитив

Расположив все возможные маркеры в виде графа, мы получили сетку для семантической карты (рис. 1).

Семантическую карту мы получили, расположив на полученной сетке все проверенные глаголы в соответствии с присвоенными им маркерами (рис. 2).

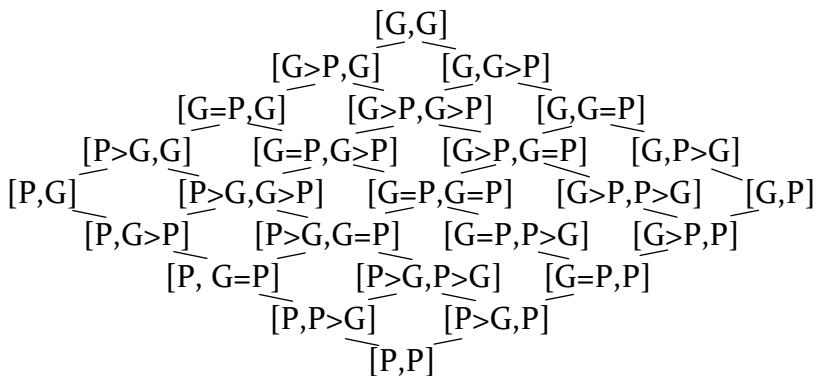

Рис. 1. Сетка для семантической карты

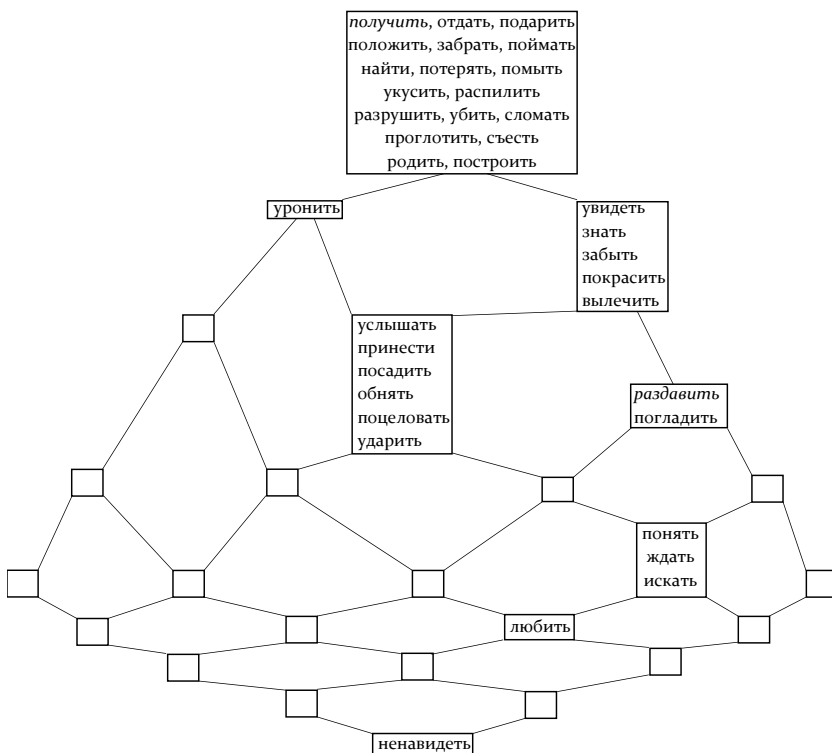

Рис. 2. Семантическая карта

В построенной карте есть несвязанные друг с другом области — предмет для дальнейшего исследования. Возможно, их наличие связано с недостаточностью собранного материала и необходимостью расширить список проверяемых глаголов. Возможно, однако, что эти разрывы имеют другое объяснение, которое в таком случае еще предстоит найти.

Литература

- Hopper, Thompson 1980 — P. J. Hopper, S. A. Thompson. Transitivity in grammar and discourse // *Language*. 1980. Vol. 56. No. 2. P. 251–299.
- Oranen 2019 — N. B. Oranen. Differential object marking in Tver Karelian // *Linguistica Uralica*. 2019. Vol. 55. No. 4. P. 261–278.

В. А. Поцелуев
НИУ ВШЭ, Москва

ОТРИЦАНИЕ В КИЛЬДИНСКОМ СААМСКОМ: СОГЛАСОВАНИЕ¹

Настоящее исследование посвящено устройству согласования отрицательной частицы *ejj*² в кильдинском саамском языке (далее — саамский язык). Данные для этого исследования были собраны методом элицитации в ходе экспедиции в с. Ловозеро Мурманской области в 2022 году.

В имеющихся описаниях саамского языка указывается, что в этом языке отрицание реализуется с помощью отрицательного вспомогательного глагола, на котором выражаются признаки лица и числа, а лексический глагол оказывается в особой форме коннегатива [Керт 1971: 180; Riessler 2022: 235]. Так, в примере (1) отрицательный глагол выступает в форме 1SG, а на лексическом глаголе маркируется только время. Для сравнения: в неотрицательном контексте лексический глагол полностью согласуется по лицу и числу (2).

(1) *tunn emt pue'd*
1SG.NOM NEG.1SG прийти.NPST.CNG
'Я не прихожу' [Riessler 2022: 235].

(2) *tunn puad-a*
1SG.NOM прийти-NPST[1SG]
'Я прихожу' [Riessler 2022: 235].

Как нам кажется, на современном этапе необязательно прибегать к понятию вспомогательного глагола при описании *ejj* и при

¹ Работа поддержана грантом РФФИ 20-512-26004 «Морфология согласования».

² Для обозначения лексемы выбрана форма NEG.3SG.

создании анализа выгоднее считать этот показатель согласующейся частицей. В докладе мы обсудим это более подробно.

Как выяснилось в ходе исследования, отрицательная частица согласуется с подлежащим собственной клаузы (3). Однако не любое подлежащее оказывается доступным для согласования. Неноминативные подлежащие недоступны для согласования (4).

(3) *munn tiedd-e što tonn ek podl-a*
1SG знать-NPST.1SG что 2SG NEG.2SG прийти-PST.CNG
'Я знаю, что ты не приходил'.

(4) *min 'n'-e ejj/*emm kaštadd što tonn*
1SG-DAT NEG.3SG/NEG.1SG казаться.CNG что 2SG
l'aa-k tirvas
быть-NPST.2SG здоровый
'Мне не кажется, что ты здоров'.

Помимо собственно клаузального отрицания эта частица также может выступать в качестве термового отрицания (5). Интересно, что в этих случаях, согласование на *ejj* опционально и варьируется по контекстам в зависимости от носителя.

(5) *munn vuulgx-e ton'n'-e emm/ejj/*ek*
1SG слать-PST.1SG 2SG-DAT NEG.1SG/3SG/2SG
kir'j-et' a mur'j-et'
письмо-ACC.PL а ягода-ACC.PL
'Я посылал тебе не письма, а ягоды'.

Несмотря на это, существуют контексты, в которых согласование термового отрицания является обязательным. Таким контекстом является отрицание номинативного участника (6).

(6) *emm/*ek/*ejj munn a tonn joadj-ex lujavr-a*
NEG.1SG/2SG/3SG 1SG а 2SG ехать-PST.2SG Л.-DAT
'Не я, а ты поехал в Ловозеро'.

На основании примеров типа (6) мы предполагаем, что частица вне зависимости от своей синтаксической позиции обязана согласоваться всегда, когда ей доступен для согласования номинативный участник. Случаи, в которых несмотря на наличие подлежащего 1 или 2 лица частица не согласуется с ними, мы

предлагаем анализировать таким образом, что согласовательный зонд на частице не может найти подходящего (номинативного) участника.

Если наше допущение верно, то вариативность в примерах типа (5) должна объясняться двумя возможными структурами. Мы предполагаем, что полноценным проявлением термового отрицания является ситуация, в которой частица не согласуется с подлежащим.

В случаях, когда отрицание согласуется с подлежащим, мы предлагаем считать, что на самом деле в момент своего появления в дереве это отрицание с-командовало подлежащим и поэтому должно было получить его ϕ -признаки (Рис. 1).

- (7) *tonn vualt-ek ek mun pas'tem'*
 2SG взять-PST.2SG NEG.2SG 1SG.GEN ложка.ACC.SG
 'Ты взял не мою ложку'.

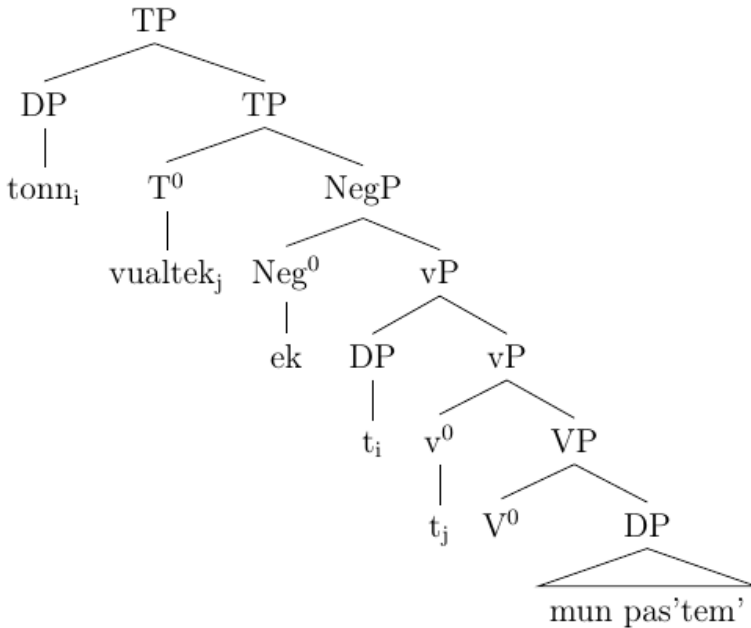

Рис. 1. Примерная структура предложения (7) с согласуемым отрицанием

Список условных сокращений

1, 2, 3 — лицо; ACC — аккузатив; CNG — коннегатив; DAT — датив; NEG — отрицание; NOM — номинатив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Керт 1971 — Г. М. Керт. Саамский язык (кильдинский диалект): фонетика, морфология, синтаксис. Л.: Наука, 1971.
- Riessler 2022 — M. Riessler. Kildin Saami // M. Bakró-Nagy, J. Laakso, E. Skribnik (eds.). *The Oxford Guide to the Uralic Languages*. Oxford: Oxford University Press, 2022. P. 219–239.

А. А. Русских

НИУ ВШЭ, Москва — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

**ЛОКУС МАРКИРОВАНИЯ В АТРИБУТИВНЫХ
ПОСЕССИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ С ЧАСТИЦЕЙ *ət*
В УРМИЙСКОМ НОВОАРАМЕЙСКОМ¹**

Настоящее исследование посвящено установлению локуса маркирования синтаксической связи в атрибутивных посессивных конструкциях с релятором *ət* в урмийском новоарамейском. Конструкция с релятором в урмийском новоарамейском является основным способом выражения как прототипических, так и типологически периферийных значений посессивной зоны [Русских 2021]. В докладе будет показано, что несмотря на то, что фонетически частица *ət* ассоциируется с вершиной посессивной конструкции, синтаксически она образует одну составляющую с зависимым. Данные для настоящего исследования собраны с помощью метода элицитации в 2021–2022 г. в с. Урмия (Краснодарский край).

Во всех северо-восточных новоарамейских языках обнаруживаются посессивные конструкции с использованием на посессоре т. н. релятора, который содержит согласный элемент /d/ или /t/ и в некоторых случаях краткий гласный /ə/ [Gutman 2018: 79]. Исторически релятор восходит к генитивной частице *d*, которая присоединялась препозитивно к зависимому. Однако синхронно он имеет вид постпозитивного маркера, который фонетически связан с вершиной [Gutman 2018: 35].

В урмийском новоарамейском, как и в других северо-восточных новоарамейских идиомах, в посессивных конструкциях зависимое обычно следует за вершиной, к которой примыкает реля-

¹ Это исследование выполнено в рамках проекта, поддержанного Российским фондом фундаментальных исследований: «Документация северо-восточных новоарамейских идиомов на территории России» (грант № 20-012-00312).

тор: *brun=ət Ašur* [сын(М)=REL Ашур] ‘сын Ашура’. В случаях, когда вершина кончается на гласную, как существительное *bruna* ‘сын’, эта гласная выпадает. Данные полевого корпуса показывают, что паузация в таких конструкциях встречается только после частицы, например: *brun=ət // Ašur*. В связи с тем, что в северо-восточных новоарамейских идиомах релятор обычно фонетически связан с обладаемым, маркирование в атрибутивных посесивных конструкциях с релятором обычно анализируется как вершинное [Gutman 2018: 35]. Однако, как будет показано ниже, синтаксические тесты позволяют установить, что структурно релятор относится к зависимому.

Одним из синтаксических критериев фразовой категории является (не)отделимость, для проверки которой может использоваться фрагментирование. Так, в ответе на вопрос перед зависимым обязательно частица *ət*, в то время как после вершины она не допустима:

- (1) [— ЧЕЙ пришел сын?]

*ət Ašur / *Ašur!*

REL Ашур Ашур

‘ — Ашура!’.

- (2) [— Суп или каша Самиры очень вкусная?]

*šila / *šil=ət / *šila ət*

каша(F) каша(F)=REL каша(F) REL

‘ — Каша!’.

Такие же стратегии оформления зависимого и вершины наблюдаются при частичном отрицании, ср. (3)–(4):

- (3) *aha brat=ət Sargon, la ət Ašur / *la Ašur*

DEM1.SG дочь(F)=REL Саргон NEG REL Ашур NEG Ашур

‘Это дочь Саргона, а не Ашура’.

- (4) *xat=ət Ašur ti-la, la brata /*

сестра(F)=REL Ашур прийти.PST-LS.3F NEG девочка(F)

**la brat=ət*

NEG девочка(F)=REL

‘Пришла сестра Ашура, а не дочь’.

Необходимость при вынесении зависимого оформлять его релятором указывает на бóльшую связанность релятора с зависимым,

а не с вершиной. Это же подтверждается и конструкцией с экстрапозицией обладаемого, как в (5):

- (5) *ət d-a baxta cosa +raba*
REL OBL-DEM1.SG женщина(F) волосы(M) много
šapir=ələ
красивый=3М
'Волосы этой женщины очень красивые'.

Таким образом, в урмийском новоарамейском, несмотря на фонетическую связанность вершины и релятора, необходимость использования посессора с зависимым при фрагментировании и в конструкциях с экстрапозицией показывает, что структурно релятор относится к зависимому. В [Nichols 1992: 55] такое маркирование называется обособленным² ("detached") и рассматривается среди других типов синтаксических отношений (вершинного, зависимостного, двойного и нулевого). Вывод об обособленном маркировании в посессивных конструкциях в урмийском новоарамейском согласуется и с исторической перспективой: в арамейских языках в конструкциях с проклитикой *d*, к которой восходит релятор *ət*, отмечался зависимостный тип маркирования. Это позволяет заключить, что в урмийском новоарамейском *d* поверхностно приобрела вид энклитики, относящейся к вершине, однако структурно локус маркирования остался прежним.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; DEM — указательное местоимение; F — женский род; LS — L-суффикс; M — мужской род; NEG — отрицание; OBL — косвенная форма; PL — множественное число; PST — претерит; REL — релятор; SG — единственное число.

Литература

Русских 2021 — А. А. Русских Приименные посессивные конструкции в урмийскомновоарамейском // Д. Ф. Мищенко, Д. В. Герасимов (ред.).

² Нам неизвестна устоявшаяся традиция перевода этого термина.

Восемнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 г.). СПб: ИЛИ РАН, 2021. С. 168–172.

Gutman 2018 — A. Gutman. *Attributive constructions in North-Eastern Neo-Aramaic (Studies in Diversity Linguistics 15)*. Berlin: Language Science Press, 2018.

Nichols 1992 — J. Nichols. *Linguistic diversity in space and time*. Chicago: University of Chicago Press, 1992.

Д. А. Сапарова

НИУ ВШЭ, Москва — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

НЕГЛАГОЛЬНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ В ЯЗЫКАХ ПОВОЛЖЬЯ¹

В литературе отмечаются давние контакты между финно-угорскими и тюркскими языками Поволжья, ср., например, [Серебренников 1960; Johanson 2000]. Существуют работы, сравнивающие отдельные фрагменты грамматики в языках Поволжья, см. [Закирова 2019]. В частности, в работе [Закирова, Сапарова 2021] обсуждалось устройство конструкций с неглагольным предикатом в горномарийском и чувашском языках; полученные результаты сравнивались с данными остальных языков Поволжья. Рассматривалось выражение неглагольных предикатов только в настоящем времени. Данный доклад посвящен обзору маркирования времени и отрицания в конструкциях с неглагольным предикатом в семи языках Поволжского языкового союза: литературном чувашском (< тюркские), малокарачклинском чувашском (< тюркские), татарском (< тюркские), башкирском (< тюркские), горномарийском (< финно-угорские), луговом марийском (< финно-угорские), удмуртском (< финно-угорские).

В Таблице 1 представлены типы неглагольной предикации (НП) и способы их выражения в данных языках в настоящем времени.

Как было установлено в [Закирова, Сапарова 2021], во всех рассматриваемых языках наблюдаются следующие характерные черты:

1. В каждом языке есть отдельный бытийный глагол, который употребляется в бытийных и посессивных предложениях и не может использоваться в других типах НП, ср. примеры (1)–(2).

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 20-512-14003 АНФ-а «Языковое разнообразие в Поволжском языковом союзе. Типология грамматических явлений и языковые контакты».

Таблица 1. Неглагольная предикация в поволжских языках
в настоящем времени [Закирова, Сапарова 2021]

Тип предикации	Малокарач- кинский чувацкий	Литера- турный чувацкий	Горно- марийский	Луговой марийский	Удмурт- ский	Татар- ский	Башкир- ский
Индивид — Тожество (Я Маша)	∅	∅/нул-	∅/âl-	∅/ul-	∅	∅/bul-	∅
Индивид — Включение (Маша красивая)			âl-				
Локативная (Я дома)							
Класс — Тожество (Золовка — это сестра мужа)	(vəl) + pol- (vəl) + ∅	1. (vǎl) + нул- 2. (vǎl) + ∅	1. (tidǎ) + âl- 2. (tidǎ) + ∅	(tide) + ∅	(co) + ∅	(ul) + ∅	(ul) + ∅
Класс — Включение (Клубника — это ягода)							
Бытийная (Бог есть)	por	nur	ulǎ	ulo	вань	bar	bar
Посессивная (У Пети есть книга)							

(1) ТАТАРСКИЙ

а. *Алла бар.*

Бог ЕХ
‘Бог есть’.

б. *Машиа укытучы (*бар).*

М. учитель ЕХ
‘Маша — учительница’.

2. Во всех языках противопоставляются предложения идентификации [Hengeveld 1992] (Индивид-Тождество и Индивид-Включение) и классификации (Класс-Тождество и Класс-Включение). Так в последних могут употребляться указательные местоимения в предикации классификации, см. (2).

(2) МАЛОКАРАЧКИНСКИЙ ЧУВАШСКИЙ

а. *xër boldər (vəl) obaška-n eki-zë*
девушка золовка он муж-GEN сестра-Р.3
‘Золовка — это сестра мужа’.

б. *maşə (*vəl) xitre*
М. он красивый
‘Маша красивая’ [Закирова, Сапарова 2021].

Однако у рассматриваемых языков наблюдаются и различия в кодировании неглагольной предикации в настоящем времени. Например, в некоторых языках невозможно употребление эквативной связки в настоящем времени: малокарачкинский чувашский, удмуртский, башкирский.

(3) БАШКИРСКИЙ

bəl balta ataj-əm-dəqə
этот топор отец-Р.1SG-POSS.SUBST
‘Этот топор — моего отца’ [Мищенко 2017].

При этом ни в одном из языков копула в настоящем времени не обязательна:

(4) ГОРНОМАРИЙСКИЙ

tädä stud'ent (əl-eš)
тот студент быть-NPST.3SG
‘Он студент’.

Таблица 2. Неглагольная предикация в поволжских языках
в прошедшем времени

Тип предикации	Малокарач- кинский чувашский	Литературный чувашский	Горномарий- ский	Луговой марийский	Удмурт- ский	Татарский	Башкирский
Эквативная	1. <i>pol-</i>	1. <i>пул-</i>	<i>âl-</i>	<i>li-</i>	<i>вал</i>	1. <i>ide</i>	1. <i>ine</i>
Локативная	2. <i>тэ</i>	2. <i>ччӗ</i>				2. <i>bul-</i>	2. <i>bul</i>
Бытийная/ посессивная	1. <i>pol-</i> 2. <i>por=тэ</i>	1. <i>пул-</i> 2. <i>пур=ччӗ</i>	1. <i>âl-</i> 2. <i>ulâ+ âl-</i>	1. <i>li-</i> 2. <i>ul-</i>		1. <i>bul-</i> 2. <i>bar ide</i>	1. <i>bul-</i> 2. <i>bar ine</i>

Однако в других временах граница, разделяющая кодирование различных типов НП, отличается от настоящего времени. В Таблице 2 приведены способы выражения неглагольной предикации в прошедшем времени.

В прошедшем времени эквативная и бытийная предикации могут кодироваться с помощью схожих средств, ср. (5).

(5) УДМУРТСКИЙ

а. *Мон чебер вал.*

я красивый быть.PST
‘Я был красивым’.

б. *Толон инбам-ын кизили-ос вал.*

вчера небо-LOC звезда-PL быть.PST
‘Вчера на небе были звезды’.

В докладе планируется сравнить имеющиеся данные с данными родственных уральских и тюркских языков, не входящих в Поволжский языковой союз.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; EX — бытийная связка; GEN — генитив; LOC — локатив; NPST — не прошедшее время; P — посессивность; PL — множественное число; POSS.SUBST — абсолютный посессивный показатель; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Закирова 2019 — А. Н. Закирова. Частицы эмфатической идентичности в поволжском языковом союзе. Дипломная работа. М.: МГУ, 2019.
- Закирова, Сапарова 2021 — А. Н. Закирова, Д. А. Сапарова. Неглагольная предикация в чувашском и горномарийском языках // Д. Ф. Мищенко, Д. В. Герасимов (ред.). Восемнадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 25–27 ноября 2021 г.). СПб: ИЛИ РАН, 2021. С. 93–98.
- Мищенко 2017 — Д. Ф. Мищенко. Неглагольные предложения башкирского языка и способы выражения отрицания в них // Acta Linguistica

- Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017. Т. 13. № 1. С. 110–146.
- Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Издательство АН СССР, 1960.
- Hengeveld 1992 — К. Hengeveld. Non-verbal predication. Theory, typology, diachrony. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1992.
- Johanson 2000 — L. Johanson. Linguistic convergence in the Volga area // Studies in Slavic and General Linguistics. 2000. Vol. 28. P. 165–178.

А. П. Сербина

МГУ, Москва

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС РЕФЛЕКСИВОВ В ТАТЫШЛИНСКОМ УДМУРТСКОМ

Предметом исследования в нашей работе является синтаксический статус рефлексивов в татышлинском говоре удмуртского языка. В языках мира рефлексивы могут обладать дистрибуцией DP, или проявлять свойства клитики, или иметь некий промежуточный статус (см. [Déchaine, Wiltschko 2017] и цитируемую в этой статье литературу, а также обсуждение данных горномарийского языка в [Bugukina 2021]). Мы проанализируем синтаксические свойства рефлексивов в татышлинском удмуртском в свете этой дискуссии, сопоставив их со свойствами именных групп. Для удмуртского языка такой вопрос эксплицитно не ставился (ср. наиболее подробное описание удмуртских рефлексивов на материале бесермянского идиома в [Volkova 2014: 111–128]). Материал собран методом анкетирования в Татышлинском районе Республики Башкортостан (с. Нижнебалтачево, Новые Татышлы, Старый Кызыл-Яр) в 2022 г. Также привлекались данные расшифрованных в экспедиции текстов.

Во-первых, рефлексивы, как и именные группы, способны присоединять различные модификаторы, см., в частности, постпозитивные адьюнкты (1), именные группы (2)–(3), фокусные частицы (4).

(1) *mon as-me pinal dârja*
я REFL-ACC.POSS.1SG молодость во_время
aʔʒ'-i-∅
видеть-PST-1SG
'Я видел себя в молодости [на фотографии]'.

(2) *mon küzgi-is' püni-jen as-me*
я зеркало-EL собака-INS REFL-ACC.POSS.1SG

aʔʒ'-i-∅

видеть-PST-1SG

‘Я видел в зеркале себя с собакой’.

(3) *mon kūzgi-is' vož derem-en as-me*

я зеркало-EL зеленый платье-INS REFL-ACC.POSS.1sg

aʔʒ'-is'ko-∅

видеть-PRS-1SG

‘Я вижу в зеркале себя в зеленом платье’.

(4) *mon as-me gine aʔʒ'-is'ko-∅*

я REFL-ACC.POSS.1SG только видеть-PRS-1SG

‘Я вижу только себя’.

Во-вторых, рефлексивы способны сочиняться с именными группами:

(5) *so as-se no as-les't-âz*

тот REFL-ACC.POSS.3SG ADD REFL-GEN2-1SG

anaĵ-ze no aʔʒ'â-t-i-z

мама-ACC.POSS.3SG ADD видеть-CAUS-PST-3SG

‘Он показал себя и свою маму’.

В то же время, в (6) в позиции предиката предпочтительно употребление личного местоимения (6b), тогда как использование рефлексива предполагает интенсификаторную интерпретацию (‘сам’), как в (6a); ср., однако, [Birikina 2021: 134] о допустимости рефлексива в позиции именного предиката в горномарийском языке.

(6) а. *mon ač'-im*

я REFL-POSS.1SG

‘Я сам (что-нибудь сделаю)’.

б. *mon so mon*

я тот я

‘Я это я’.

Некоторую проблему представляют контексты типа (7), в которых грамматичной конструкцией является не отрицание самого рефлексива, а отрицание глагольной составляющей. Однако их

свойства связаны, по-видимому, с общим устройством отрицательных конструкций в исследуемом идиоме, что мы подробнее обсудим в докладе.

- (7) *mon as-me kuzgi-is' oj a'ž'â,*
 я REFL-ACC.POSS.1SG зеркало-EL NEG.PST.1SG видеть
vas'a-jez a'ž'-i-∅
 Вася-ACC видеть-PST-1SG
 'Я увидел в зеркале не себя, а Васю (букв.: «Я не увидел в зеркале себя, а Васю увидел»)'.

Кроме того, мы рассмотрим употребление рефлексива без выраженного antecedента (8) и возможный теоретический анализ его синтаксического статуса.

- (8) *as'-mi-jos ufa stad'ion-e mân-is'ko-m*
 REFL-POSS.1PL-PL Уфа стадион-ILL идти-PRS-1PL
 'Мы едем на уфимский стадион'.

В докладе мы подробнее обсудим перечисленные выше и некоторые другие синтаксические свойства рефлексивов (отдельно остановившись, в частности, на приименных и припослеложных контекстах) и предложим теоретическую интерпретацию наблюдаемых фактов в свете подхода, представленного в [Déchaine, Wiltschko 2017].

Список условных сокращений

1; 3 — 1; 3 лицо; ACC — аккузатив; ADD — аддитивная частица; CAUS — каузатив; EL — элатив; GEN — генитив; GEN2 — второй генитив; ILL — иллатив; INS — инструменталис; NEG — отрицание; NEG.EX — экзистенциальное отрицание; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; REFL — рефлексив; SG — единственное число.

Литература

Burukina 2021 — I. Burukina. Profile of reflexives in Hill Mari // *Folia Linguistica*. 2021. Vol. 55. No. 1. P. 127–162.

- Déchaine, Wiltschko 2017 — R.-M. Déchaine, M. Wiltschko. A formal typology of reflexives // *Studia Linguistica*. 2017. Vol. 71. P. 60–106.
- Volkova 2014 — A. Volkova. Licencing reflexivity: Unity and variation among selected Uralic languages. Doctoral dissertation. Utrecht: Utrecht University, 2014.

Г. О. Сибилев

РГГУ, Москва

ТИПОЛОГИЯ ДВУХ-/ТРЕХПЕРСОННЫХ МЕСТОИМЕННЫХ СИСТЕМ НА БАЗЕ АВСТРОНЕЗИЙСКИХ ЯЗЫКОВ ТАЙВАНЯ

Местоимения третьего лица часто рассматриваются как отдельная категория или по крайней мере противопоставляются местоимениям первого и второго лица [Bhat 2004; Cysouw 1997]. На наш взгляд, наиболее интересный подход представлен в работе Д. Н. С. Бхата [Bhat 2004: 134–138]: языки, в которых местоимение третьего лица «идентично или деривационно связано» с указательным местоимением, относятся к языкам двухперсонного типа, а языки, где местоимение третьего лица не связано с демонстративами, относятся к языкам с трехперсонной системой.

Идея двух- и трехперсонности получила развитие в виде классификации “Third Person Pronouns and Demonstratives” [Bhat 2013]. Согласно этой классификации, среди языков, которые демонстрируют связь местоимения третьего лица с демонстративами, можно выделить три типа, в которых:

- местоимения третьего лица связаны с указательными;
- местоимения третьего лица связаны с указательными через маркеры категории рода;
- местоимения третьего лица находятся с указательными в дополнительной дистрибуции по признаку одушевленности/неодушевленности.

Мы применили классификацию Д. Н. С. Бхата к австронезийским языкам Тайваня и, с одной стороны, полученные результаты демонстрируют довольно скудную картину. С другой же, при более детальном анализе местоименных систем оказывается, что на самом деле в рассмотренных тринадцати языках наблюдается значительное разнообразие в позиции местоимений третьего лица внутри прономинальных систем. Поэтому мы предлагаем свою

систему классификации с ортогональными критериями парадигматического отличия местоимений третьего лица от прочих личных местоимений с одной стороны и лексической связи этих местоимений с демонстративами, с другой. Эти критерии для простоты предлагается называть парадигматическим и лексическим, соответственно.

Необходимость введения парадигматического критерия хорошо демонстрирует амисский язык. В нем местоимение третьего лица принимает не местоименные падежные маркеры, а маркеры имен собственных [Wu 2006].

Более того, введение парадигматического критерия позволяет выделить особый тип системы внутри двухперсонных языков, где местоимение третьего лица не имеет общих паттернов формообразования с местоимениями первого и второго лица, но и не демонстрирует связи с дейктическими единицами. Примером такого языка может служить сайсиатский язык [Zeitoun et al. 2015]. Такую прономинальную систему, где местоимение третьего лица фактически образует особый, отдельный лексико-грамматический класс, мы предлагаем именовать трехчастной.

Результаты классификации австронезийских языков Тайваня по двум предлагаемым критериям представлены в таблице ниже.

Таблица 1. Двух- и трехперсонные австронезийские языки Тайваня

Язык	Лексический критерий	Парадигматический критерий	Тип системы
каваланский	есть связь	формы генитива не различают число	двухперсонный
пазехский	есть связь	не различают число	двухперсонный
рукайский	есть связь	–	двухперсонный
саароа	есть связь	не используют особую лексему для образования свободных форм	двухперсонный
седекский	есть связь	используют именной маркер для образования форм множественного числа	двухперсонный

Язык	Лексический критерий	Парадигматический критерий	Тип системы
ями	есть связь	другой способ формообразования множественного числа	двухперсонный
атаяльский	нет связи	–	трехперсонный
тхао	нет связи	–	трехперсонный
амисский	нет связи	особые падежные маркеры	трехчастный
бунунский	нет связи	для выражения необходим именной маркер	трехчастный
канака-набский	нет связи	особые падежные маркеры	трехчастный
пайваньский	нет связи	различают маркер множественного числа; нет связанных форм местоимений	трехчастный
пуюмский	нет связи	не различают число	трехчастный
сайсиатский	нет связи	другой способ формообразования множественного числа	трехчастный
сирайский	нет связи	для выражения необходим именной маркер	трехчастный
цоу	нет связи	различают оппозицию «виден/невиден»	трехчастный

Литература

- Bhat 2004 — D. N. S. Bhat. Pronouns. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Bhat 2013 — D. N. S. Bhat. Third Person Pronouns and Demonstratives // M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. Available at: <http://wals.info/chapter/43>, Accessed on 2022-09-03.
- Cysouw 1997 — M. Cysouw. 3rd Person Personal Pronoun: a Universal Category? Unpublished Manuscript. 1997. Available at: <https://cysouw.de/home/manuscripts.html>.

- Wu 2006 — J. J. Wu. Verb Classification, Case Marking, and Grammatical relations in Amis. Doctoral dissertation. Buffalo: State University of New York at Buffalo, 2006.
- Zeitoun et al. 2015 — E. Zeitoun, T. Chu, A. Lalo. A Study of Saisiyat Morphology. [Oceanic Linguistics Special Publications 40]. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2015.

Д. С. Сидоркина
НИУ ВШЭ, Москва

ДЕЛУ ВРЕМЯ..., ИЛИ О РОЛИ ВРЕМЕННЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ХАНТЫЙСКОЙ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ¹

В казымском хантыйском² есть конструкция вида V-NFIN *wer wə-(N)PST*, обозначающая эпистемическое долженствование. В настоящей работе я утверждаю, что значение временных компонентов этой конструкции аналогично значению времени и аспекта в модальных конструкциях тех языков, где такие конструкции выражаются синтетически.

Данные были собраны методом элицитации с носителями языка.

Для формального анализа модальности [Condoravdi 2001] вводит понятия временной перспективы (*temporal perspective*) и ориентации (*temporal orientation*), где перспектива — это время, относительно которого устанавливается модальная база (множество миров, по которым ведется квантификация), а ориентация — это темпоральное отношение между перспективой и вложенным в модальность событием. [Rullmann, Matthewson 2018] предлагают универсальную композиционную структуру для клауз с модальными показателями, в которой временная перспектива задается временем над модальностью, а ориентация — аспектуальными показателями, вложенными в модальность.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

² Здесь и далее под казымским хантыйским я имею в виду диалект севернохантыйского языка (уральская семья > хантыйские), распространенный в с. Казым.

Эпистемическая модальность в казымском хантыйском выражается конструкцией, состоящей из причастия, слова *wer* ‘дело’ и финитной связки:

- (1) $V-\frac{ti}{\partial m}$ *wer* $w\theta-\frac{\lambda}{s}$
 $V-\frac{nfin.npst}{nfin.pst}$ дело быть- $\frac{npst}{pst}$

Причастие имеет прошедшую и непрошедшую формы, обозначающие завершённое и текущее действие соответственно. Я предполагаю, что компоненты этой структуры функционируют аналогично аспекту и времени в модели Рудльманна и Мэттьюсон: причастие кодирует временную ориентацию модальности, а время связки — перспективу.

Это предположение подтверждается регулярными соответствиями маркирования и значения, проиллюстрированными в (2)–(4).

- (2) {А: Загляни в шкаф — Б: Зачем?}
šata maw *w\theta-ti* *wer* *w\theta-\lambda*
там конфета быть-NFIN.NPST дело быть-NPST[3SG]
А: ‘Там могут быть конфеты’.

связка в NPST	}	перспектива в настоящем, ориентация в настоящее (будущее)
причастие в NPST		

В примере (3) вложенное событие локализовано до оценки модальной базы, т. к. модальная база оценивается в момент речи и бабушка ушла ранее.

- (3) {А: Где бабушка? — Б: Не знаю. Ну смотри, ее сумки нет, обуви нет}
lyw lapkaj-a *m\thetan-\partial m* *wer* *w\theta-\lambda*
он(а) магазин-DAT идти-NFIN.PST дело быть-NPST[3SG]
‘Должно быть, она ушла в магазин’.

связка в NPST	}	перспектива в настоящем, ориентация в прошлое
причастие в PST		

В примере (4) знания говорящей на момент речи исключают возможность наличия конфет в шкафу. Поэтому модальная база

оценивается относительно момента в прошлом, когда говорящая еще не знала, что конфет в шкафу нет — перспектива локализована в прошедшем.

(4) {Саша иногда оставляет в шкафу немного конфет на черный день. Сидят они с подругой, и вдруг Саша встает из-за стола и лезет в шкаф.

Подруга: Ты зачем в шкаф полезла?}

śata maw wəλ-ti wer wə-s pa antəm
там конфета быть-NFIN.NPST дело быть-PST[3SG] ADD NEG.EX
С: ‘Там могли быть конфеты, но их там нет’.

связка в PST	}	перспектива в прошедшем, ориентация в настоящее (будущее)
причастие в NPST		

Таким образом, время причастия ведет себя так же, как аспектуальные показатели, и время связки — как время в моноклаузалльных системах.

В хантыйском присутствуют аналогичные модальные конструкции с номинализациями, в которых используются другие имена помимо *wer*: *śir* ‘возможность’, *ket* ‘силы’, *piś* ‘способность’, и подобные. Эти конструкции обозначают различные оттенки неэпистемической модальности и [Shikunova 2022] анализирует их как биклаузалльные. Примечательно, что, в отличие от исследуемой нами эпистемической конструкции, в этих неэпистемических конструкциях невозможно окончание прошедшего времени на причастиях. Это может быть обусловлено тем, что из-за Условия разнообразия (*Diversity condition*) [Condoravdi 2001] неэпистемическая модальность не может иметь ориентации в прошлое.

Поведение компонентов хантыйских биклаузалльных структур идентично поведению компонентов модели Рупманна и Мэттьюсон. Это указывает на то, что модель может быть неким образом дополнена, чтобы учитывать конструкции вроде хантыйских.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; ADD — аддитивная частица; DAT — датив; NFIN — нефинитная форма; NEG.EX — экзистенциальное отрицание; NPST — не прошед-

шее время; PL — множественное число; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Condoravdi 2001 — C. Condoravdi. Temporal interpretation of modals: Modals for the present and for the past // D. Beaver, S. Kaufmann, B. Clark, L. Casillas (eds.). *The construction of meaning*. Stanford, CA: CSLI Publications, 2001. P. 59–88.
- Rullmann, Matthewson 2018 — H. Rullmann, L. Matthewson. Towards a theory of modal-temporal interaction // *Language*. 2018. Vol. 94. No. 2. P. 281–331.
- Shikunova 2022 — A. Shikunova. Mermaid construction: a case of Kazym Khanty // Paper presented at the 30th Conference of the Student Organization of Linguistics in Europe (ConSOLE XXX). Nantes, 25–27 January 2022.

Ю. В. Сеницына

МГУ, Москва

КОМПАРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Объектом исследования, выполненного на материале иронского диалекта осетинского языка (< иранские < индоевропейские), являются компаративные конструкции ('Маша выше меня'). Данные собраны в 2022 г. в г. Владикавказ (респ. Северная Осетия-Алания) методом анкетирования. Также привлекались данные Осетинского национального корпуса².

Компаративные конструкции кратко упоминаются в грамматиках осетинского языка (см., например, [Ахвледиани 1963: 99; Багаев 1965: 156]), однако нам не известно их подробного описания в осетинском в рамках современных теоретических и типологических представлений.

В осетинском языке маркером стандарта сравнения является аблативный падеж *-æй/-йæ* (1). Мы рассмотрим осетинские компаративные конструкции с точки зрения доступности стандарта сравнения ('Магина' в (1)) для маркирования аблативом в зависимости от синтаксической позиции связанного с ними объекта сравнения ('Сослан' в (1)). В основе нашего исследования лежит иерархия доступности именных групп [Comrie, Keenan 1979], несколько модифицированная исходя из особенностей осетинского языка. Эксплицитно предположение о влиянии синтаксической позиции объекта сравнения на способ маркирования стандарта высказано в [Холодилова 2015] на материале мокшанского и бесермянского удмуртского; см. также [Jhang 1994] для корейского, [Bhatt, Takahashi 2011] для хинди-урду.

¹ Исследование поддержано грантом РНФ №22-18-00285 «Скалярность в грамматике и словаре: семантико-типологическое исследование».

² http://corpus.ossetic-studies.org/search/index.php?interface_language=ru

- (1) *Сослан Мадинае-йæ бæрзонд-дæр у.*
 С. М.-ABL высокий-СМРР быть.PRS.3SG
 ‘Сослан выше Мадины’.

Согласно нашим данным, именной стандарт сравнения в аблативе может быть связан с прямым объектом, непрямым объектом, косвенными объектами (имеющими разные семантические роли — например, место или инструмент). Генитивный посессор в стандарте не может связываться с генитивным посессором в главной части — в этом случае стандарт связывается с субъектом (2). При этом аблатив заменяет собой падеж, предполагаемый определенной синтаксической позицией (3). Таким образом, типологически осетинские компаративные конструкции относятся к конструкциям с «фиксированным падежом» (fixed-case comparatives), по классификации [Stassen 1985].

- (2) *Мæ машинае Алан-ы машинае-йæ / #Алан-æй*
 POSS.1SG машина А.-GEN машина-ABL А.-ABL
тагъд-дæр цæу-ы.
 быстрый-СМРР идти.PRS-3SG
 ‘Моя машина ездит быстрее, чем машина Алана / #чем Алан’.
- (3) *Дзæуджыхъæу-йы Мæскуы-йæ тæвд-дæр у.*
 Владикавказ-IN М.-ABL жарко-СМРР быть.PRS.3SG
 ‘Во Владикавказе жарче, чем в Москве’.

Классификацию Л. Стассена можно соотнести с разделением стандартов сравнения на клаузальные и фразовые в зависимости от их структуры. Прямой (direct) анализ фразовых стандартов не предполагает наличие в их структуре финитной клаузы. Клаузальные стандарты (*Во Владикавказе жарче, чем [есть жарче в Москве]*) структурно являются финитной клаузой, независимо от того, имеет ли финитный глагол фонологическое выражение (см., среди прочих, [Lechner 2004; Bhatt, Takahashi 2011; Verezhovskaya, Nohaus 2015]).

Следовательно, с теоретической точки зрения существует два возможных анализа стандартов сравнения в осетинском. При первом (фразовом) анализе предполагается, что именная группа в стандарте является исходной, в структуре нет скрытой финитной

клаузы. Второй анализ (клаузальный), наоборот, постулирует наличие в стандарте сравнения финитной клаузы, даже если она не имеет фонологического выражения.

В докладе мы обсудим аргументы за и против указанных вариантов анализа осетинских компаративов. Так, в стандарте сравнения допускаются только нефинитные формы (4), что говорит в пользу фразового анализа. С другой стороны, возможность стандарта связываться с объектами сравнения, соответствующими более низким позициям на иерархии доступности (3), может трактоваться как аргумент в пользу наличия скрытой клаузальной структуры, ср. анализ русских компаративов в [Philippova 2018].

- (4) *Ныртæккæ уыдон зар-ынц каф-ын-æй*
сейчас они петь.PRS-3SG танцевать.PRS-NMLZ-ABL
хуыздæр.
лучше
'Они сейчас поют лучше, чем танцуют'.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ABL — аблатив; CMPR — компаратив; GEN — генитив; IN — инессив; NMLZ — номинализация; POSS — посессив; PRS — настоящее время; SG — единственное число.

Литература

- Ахвледиани 1963 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: Научно-исследовательский институт при совете министров Северо-Осетинской АССР, 1963.
- Багаев 1965 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Часть I (фонетика и морфология). Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965.
- Холодилова 2015 — М. А. Холодилова. Сравнительные конструкции и иерархия доступности именных групп в бесермянском удмуртском и мокшанском. Доклад, прочитанный на конференции «Уральские языки: синхрония и диахрония». СПб, ИЛИ РАН. 15–16 октября 2015.

- Berezovskaya, Hohaus 2015 — P. Berezovskaya, V. Hohaus. The crosslinguistic inventory of phrasal comparative operators: Evidence from Russian // M. Szajbel-Keck, R. Burns, D. Kavitskaya (eds.). Proceedings of FASL 22. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 2015. P. 1–19.
- Bhatt, Takahashi 2011 — R. Bhatt, S. Takahashi. Reduced and unreduced phrasal comparatives // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2011. Vol. 29. No. 3. P. 581–620.
- Comrie, Keenan 1979 — B. Comrie, E. Keenan. Noun Phrase Accessibility Revisited // *Language*. 1979. Vol. 55. P. 649–664.
- Jhang 1994 — S. E. Jhang. Headed nominalizations in Korean: relative clauses, clefts, and comparatives. Doctoral dissertation. Simon Fraser University, 1994.
- Lechner 2004 — W. Lechner. Ellipsis in comparatives. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Philippova 2018 — T. Philippova. Prepositional repercussions in Russian: pronouns, ellipsis and comparatives. Doctoral dissertation. Ben-Gurion University of the Negev, 2018.
- Stassen 1985 — L. Stassen. Comparison and Universal Grammar. Oxford: Basil Blackwell, 1985.

Н. А. Соломкина

МГПУ — РГГУ, Москва

СИНТАКСИЧЕСКАЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ СВЯЗНОСТЬ ЯПОНСКИХ БЕНЕФАКТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ¹

В японском языке существует ряд конструкций, состоящих их конверба на *-te/-de* и вспомогательного глагола (например, конструкция *-te miru* ‘пробовать что-то сделать’, образованная с глаголом *miru* ‘смотреть’). Их типологический статус не определен однозначно, у исследователей нет единого мнения относительно их синтаксического и функционального единства. Одним из подклассов таких конструкций являются японские бенефактивы, состоящие из смыслового глагола в форме на *-te/-de* и одного из семи вспомогательных глаголов: *yaru*, *ageru* и *sashiageru* ‘давать из сферы говорящего’, *kureru* и *kudasaru* ‘давать по направлению к сфере говорящего’, *morau* и *itadaku* ‘получать’. Глаголы с одинаковым переводом различаются по уровню вежливости.

Задача нашего исследования — проверить, работают ли на корпусном материале те аргументы, которые приводились в литературе [Matsumoto 1996; Shibatani 2007, 2009] по поводу морфологического и синтаксического статуса японских бенефактивов. Мы отобрали тесты, допускающие проверку корпусными методами, и применили их на материале Сбалансированного корпуса современного японского языка (BCCWJ) и веб-корпуса JaTenTen.

Части бенефактивных конструкций со всеми вспомогательными глаголами демонстрируют морфологическую самостоятельность, допуская помещение фокусных частиц *mo* ‘тоже’, *sae* ‘только бы’ и др. между частями конструкции.

¹ Исследование поддержано грантом РФФ № 22-18-00120.

- (1) *daremo watashi o mitome mo s-ezu*
никто я ACC признание даже делать-NEG
mi-te mo kure-na-katta
смотреть-CNV даже давать-NEG-PST
‘Никто меня не признавал и даже не смотрел [на меня]’.

О морфологической самостоятельности, однако, нельзя говорить в случае стяженных разговорных форм типа *yondageru* (*yonde+ageru*) ‘почитаю для кого-то вне сферы говорящего’. Они, вероятно, отражают тенденцию к морфологизации вспомогательного глагола, что соответствует современным представлениям о теории грамматикализации (см., например, [Майсак 2005: 25–30]).

Все типы бенефактивных конструкций демонстрируют такой признак биклаузальности как замена смыслового вспомогательного глагола на «вместоглаголие» *soosuru* ‘сделать так’.

- (2) *mochiron soo shi-te age-yoo*
конечно так делать-CNV давать-HOR
‘Конечно, давайте я так и сделаю’.

Также мы провели тест на соблюдение условия локальности для частицы *shika* ‘только, кроме’, согласно которому *shika* всегда находится в той же клаузе, в которой находится относящийся к ней показатель отрицания.

В случае, когда показатель отрицания находится на смысловом глаголе, ИГ с частицей *shika* в наших данных всегда располагается правее всех зависимых вспомогательного глагола. Такое поведение характерно для биклаузальных конструкций. Вслед за Ё Мацумото [Matsumoto 1996: 53], мы считаем логического субъекта действия и получателя блага непосредственными зависимыми вспомогательного глагола, а остальные группы — зависимыми смыслового глагола.

- (3) *bijutsukan no demise no oyaji nanka 2 doru*
музей GEN киоск GEN дед какой-то 2 доллар
shika tsuri o kaes-ane-ede *yan(=yaru) no*
кроме сдача ACC возвращать-NEG-CNV давать.PRS PRT
‘Какой-то дедок в музейном киоске вернул [мне] сдачу только в два доллара’.

В случае, когда в отрицательной форме стоит вспомогательный глагол, в биклаузальной конструкции *shika* в должно следовать за группой, непосредственно зависящей от вспомогательного глагола с показателем отрицания. Однако в действительности этого не происходит, мы обнаружили контрпримеры для всех конструкций кроме конструкции с *itadaku* ‘получать’:

- (4) *saisho no deeto de raamen shika tabe-sase-te*
 первый GEN свидание LOC рамэн кроме есть-CAUS-CNV
kure-na-i hito tte doo des-u ka
 давать-NEG-PRS человек TOP как COP.ADR-PRS Q
 ‘А как вам нравятся мужчины, которые на первом свидании угощают [девушку] одним только рамэном?’

Мацумото объясняет это «заимствованием» зависимых смыслового глагола вспомогательным глаголом [Matsumoto 1996: 53]. Мы, однако, склонны трактовать это более обобщенно как признак синтаксического единства компонентов бенефактивной конструкции. Таким образом, части японских бенефактивных конструкций самостоятельны морфологически, но с точки зрения синтаксиса демонстрируют как признаки самостоятельности, так и признаки единства.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ADR — адресив; CAUS — каузатив; CNV — деепричастие; COP — связка; GEN — генитив; HOR — гортатив; LOC — локатив; NEG — отрицание; PRS — настоящее-будущее время; PRT — частица; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; TOP — топик.

Источники

BCCWJ — Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/>
 JaTenTen — Japanese WebCorpus. URL: <https://www.sketchengine.eu/jatenten-japanese-corpus/>

Литература

- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Matsumoto 1996 — Y. Matsumoto. Complex predicates in Japanese. Tokyo & Stanford: Kuroshio Shuppan & CSLI, 1996.
- Shibatani 2007 — M. Shibatani. Grammaticalization of converb constructions. The case of Japanese *-te* conjunctive constructions // Connectivity in grammar and discourse. 2007. Vol. 5. P. 21–49.
- Shibatani 2009 — M. Shibatani. On the form of complex predicates: toward demystifying serial verbs // J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y.-M. Shin, S. Skopeteas, E. Verhoeven (eds.). Form and Function in Language Research: Papers in Honour of Christian Lehmann. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 255–282.

А. Е. Тевелева, Е. П. Дорофеева

МГУ, Москва

КОНТРАФАКТИВНЫЕ УСЛОВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕРСКОМ ДИАЛЕКТЕ КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА¹

В [Karawani 2014] контрфактивные конструкции определены как «грамматические конструкции, выражающие противоречие между обозначаемыми ими ситуациями и реальностью»; отдельно выделяют контрфактивные условные конструкции (контрфактивы). Это один из трех типов условных предложений по [Egré, Cozic 2016].

Морфологическое маркирование контрфактивности в условных конструкциях типологически наблюдается не только в контрфактивах, но и в аномальных случаях, когда импликатура контрфактива отрицается в следующей клаузе (прототипический пример: *Если бы он принял мышьяк, у него были бы те же симптомы, что имеются у него сейчас* [Anderson 1951]), а также в контекстах желания (*wish*) и долженствования (*ought*). Чтобы устранить презумпцию контрфактивности и условности контекста при изучении этого морфологического маркирования, используют термин «X-маркирование» [von Fintel, Iatridou 2022].

Предмет нашего исследования — X-маркирование в условных конструкциях в терском диалекте кумыкского языка. (Также в терском кумыкском X-маркирование появляется в других контекстах, где оно типологически частотно, с заметным исключением контекстов *future less vivid* (FLV); обозначение FLV здесь указывает на то, что описываемое будущее менее вероятно, чем противоположный вариант развития событий.)

¹ Исследование поддержано грантом РФФ 22-18-00285. Материал собран методом анкетирования в Моздокском районе Республики Северная Осетия (с. Предгорное) в 2022 г.

Ниже дан прототипический контрфактив в терском диалекте (1) и в литературном диалекте кумыкского языка (2). (1б) носители оценили как более разговорный.

(1) а. *Тюнегюн гел-ген бу-са-нг, шорпа*
вчера прийти-PFCT быть-COND-2SG суп
аша-жады-нг.
кушать-CF-2SG

б. *Тюне гел-ге-мсе-нг, шорпа аша-жа:-нг.*
вчера прийти-PFCT-быть+COND-2SG суп кушать-CF-2SG
'Если бы ты вчера пришел, поел бы супа'.

(2) *Гел-се, айт-ар э-ди-м.*
прийти-COND сказать-FUT2 AUX-PST-1SG
'Если бы он пришел, то я сказал бы'. [Гаджихмедов (отв. ред.)
2014]

В терском кумыкском X-маркирование состоит: 1) в антецеденте — из маркера PFCT *-гъан-* / маркера PRS *-а-*; 2) в консеквенте — из стяженных маркера FUT1 *-жакъ-* и формы прошедшего времени вспомогательного глагола *э-ди*. X-маркирование в терском диалекте структурно отличается от литературного варианта обязательным маркированием времени в антецеденте.

В антецеденте сложная форма, образованная при помощи маркера PFCT *-гъан-*, частотна в том числе в контекстах других абсолютных времен. Форма, образуемая при помощи маркера PRS *-а-*, в сравнении с формой на *-гъан-* предположительно приобретает значение имперфективности либо возможности изменения реальности в сторону обозначаемой ситуации. Носители также разрешают добавление форманта *-ды-* (совпадает с маркером PST) после маркера времени без изменения значения, оценивая такой вариант как более литературный. Неизвестно, является его редукция морфологическим или фонетическим процессом; в последнем случае можно было бы отнести формант *-ды-* к компонентам X-маркирования в терском кумыкском.

Типологически прошедшее время часто участвует в X-маркировании [von Fintel, Iatridou 2022], но в литературном кумыкском в антецеденте контрфактивность маркируется только на консеквенте (либо морфемой *-са-*, если предполагать возможность по-

лисемии). Терский кумыкский же использует морфемы прошедшего времени, приближаясь к более частотной в языках мира стратегии X-маркирования.

Доказательством связи форманта *-жа-*, участвующего в X-маркировании в консеквенте, с маркером FUT1 является несочетаемость форманта *-жады-* с маркерами времени. Кроме того, формант *-жа-* может заменяться на *-ар-* (с отрицанием *-с-*), маркер более редкого в диалекте FUT2; такую замену допускают только носители старшего поколения. Модель с *-ар (э)-ди* продуктивна в таких тюркских языках, как шорский *-(V)redi* и алтайский *-(V)r edi / -gay edi* [Menz 2012]. Согласно [Гаджихмедов (отв. ред.) 2014], в литературном кумыкском формы *-ар эди* и *-ажакъ эди* одинаково допустимы, что не подтвердилось для терского диалекта.

В варианте *-жа:-* формант *-ды-* редуцируется лишь на фонетическом уровне и не является факультативным. Об этом говорят долгота гласного в *-жа:-* и сочетаемость *-жа:-* с лично-числовыми аффиксами PST, но не PRS. Таким образом, в консеквенте X-маркирование также обязательно включает в себя маркер PST, соответствия типологическим ожиданиям.

Список условных сокращений

1, 2 — 1, 2 лицо; AUX — основа вспомогательного глагола; CF — контрафактив; COND — conditional; FUT1, FUT2 — будущее время I, II; PFCT — перфект; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Гаджихмедов (отв. ред.) 2014 — А. З. Абдуллаева, Н. Э. Гаджихмедов, К. С. Кадыраджиев, И. А. Керимов, Н. Х. Ольмесов, Д. М. Хангишиев. Современный кумыкский язык / Отв. ред. Н. Э. Гаджихмедов. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 2014.
- Anderson 1951 — A. R. Anderson. A note on subjunctive and counterfactual conditionals // *Analysis*. 1951. Vol. 12. No. 2. P. 35–38.
- Egré, Cozic 2016 — P. Egré, M. Cozic. Conditionals // M. Aloni, P. Dekker (eds.). *The Cambridge Handbook of Formal Semantics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2016. P. 490–524.

- Karawani 2014 — H. Karawani. The Real, the Fake, and the Fake Fake in Counterfactual Conditionals, Crosslinguistically. Amsterdam: LOT, 2014.
- Menz 2012 — A. Menz. The conditional in South Siberian Turkic // M. Erdal, I. Nevskaya, A. Menz (eds.). Areal, historical and typological aspects of South Siberian Turkic. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2012. P. 59–74.
- von Fintel, Iatridou 2022 — K. von Fintel, S. Iatridou. Prolegomena to a theory of X-marking. Cambridge, MA: MIT Press, 2022.

А. Д. Тулубьева
НИУ ВШЭ, Москва

ФРЕКВЕНТАТИВ В ХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Целями полевой работы в с. Казым (основные методы — элицитация с использованием русскоязычных стимулов и оценка грамматичности хантыйских предложений) были установление отношений между показателями фреквентатива $-ij(\partial)\lambda-$ (наиболее продуктивный) и $-(t')-\lambda'\partial-$ (имеет ограниченную сочетаемость), а также уточнение сведений о возможных значениях фреквентатива в зависимости от контекста. Хантыйский фреквентатив, как и многие показатели глагольной множественности в языках мира [Шлуинский 2005], имеет достаточно широкое поле значений, в числе которых: внутрисобытийная множественность — мультипликативность, разнонаправленность движения, дисконтинуативность; событийная множественность — хабитуальность, раритивность; общефактическое значение, значение отмененного результата.

Результаты.

1. Суффикс $-(t')-\lambda'\partial-$ свободно заменяется на $-ij(\partial)\lambda-$ без изменения значения.

- (1) *welpasjoχ isa-šək kurəŋwoj oŋ-ət*
охотники всегда-АТТ лось рог-PL
*wəjt-ijλ-s-ət/wəjt-λ'e-s-ət / *wəjt-s-ət*
найти-FREQ-PST-3PL найти-PST-3PL
'Охотники часто находили в лесу лосиные рога'.

При этом $-ij(\partial)\lambda-$ может добавляться к формам на $-(t')-\lambda'\partial-$ (*wəjt-t'λ'-ijλ-s-ət*) тоже без изменения значения. Обратный порядок кажется невозможным. С одной стороны, эти суффиксы не находятся в дополнительной дистрибуции и явно упорядочены, с другой, на первый взгляд, различий в их семантике нет.

2. При habituальной интерпретации фреквентатив относительно свободно сочетается с обстоятельствами периодичности — ‘часто’/‘постоянно’/‘редко’/‘каждый X’. В таких контекстах, как правило, допускаются и формы без фреквентатива. Без уточняющих обстоятельств кратности фреквентатив говорит о том, что ситуация имела место один раз или несколько.

- (2) *pa juxt-λ-əw* / *juxt-ijλ-λ-əw*
еще прийти-NPST-1PL / прийти-FREQ-NPST-1PL
‘Еще придем!’ (зайдем один раз / придем один раз или несколько)

При общефактической интерпретации фреквентатив обязателен, если нет обстоятельств типа ‘однажды’. Предложения с формами без него интерпретируются как описывающие события недавнего прошлого, последствия которых актуальны сейчас.

- (3) *kašəŋ χujat λomt-*(ijλ)-s-ət*
каждый человек заблудиться-FREQ-PST-3PL
‘Все когда-нибудь заблуждались’. (форма без фреквентатива невозможна)
- (4) *welrasjoχ wənt-ən kurəŋwoj oŋ-ət wəjat-#(ijλ)-s-ət*
охотники лес-LOC лось рог-PL найти-FREQ-PST-3PL
‘Охотники как-то нашли в лесу лосиные рога’.

3. В некоторых случаях при общефактической интерпретации фреквентатив в прошедшем времени требует отмены результата события.

- (5) *jaj-εt miλχatλ χotpɯŋəλ piλa*
брат-POSS.1SG вчера сосед вместе
wəjtant-ijəλ-s-əŋəŋ
встретиться-FREQ-PST-3DU
‘Брат и сосед вчера встретились’. (нельзя продолжить чем-то вроде “до сих пор не разошлись”)

4. Формы настоящего времени с фреквентативом могут обозначать ожидаемые в ближайшем будущем события.

- (6) *jaʃ-εm* *juχt-ijλ-λ*
 брат-POSS.1SG приехать-FREQ-NPST
 ‘Брат приезжает’. (мы его ждем)

5. Множественность участников ситуации — недостаточное условие для появления фреквентатива. Так, дистрибутивность, судя по всему, не входит в сферу значений фреквентатива.

Список условных сокращений

1, 3 — 1, 3 лицо; ATT — аттенуатив; DU — двойственное число; FREQ — фреквентатив; NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности (Количественные аспектуальные значения). Дисс. ... канд. филол. наук. М: МГУ, 2005.

Д. Г. Фёдоров
НИУ ВШЭ, Москва

САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ МОДИФИКАТОРОВ ИМЕНИ В СЕВЕРНОХАНТЫЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В севернохантыйском языке (< обско-угорские < финно-угорские) существует ряд употреблений модификаторов имени, в которых они могут выступать как самостоятельные вершины. Такие употребления можно анализировать как субстантивацию модификатора или как удаление вершины именной группы [Dékány 2014]. Цель данной работы — проанализировать самостоятельное употребление модификаторов в севернохантыйском языке и выявить, чем являются такие употребления — субстантивацией или эллипсисом, который ранее не отмечался в ИГ севернохантыйского языка. Данные были получены методом элицитации в ходе экспедиций в с. Казым в 2021–2022 гг.

В севернохантыйской ИГ маркирование вершинное. При самостоятельном употреблении модификатора на него перемещается вся морфология, которая обычно находится на вершине:

- (1) *λxwi-λ-aλ*
он-PL-POSS.3SG
'его (PL)'
- (2) *tāmi-λ-an-a*
этот-PL-POSS.2SG-DAT
'этим (этот-DAT.PL)'

Самостоятельно употребляться могут демонстративы, местоименные посессоры и числительные, остальные модификаторы (прилагательные, универсальные кванторы) не могут существовать без именной вершины. В грамматике [Каксин 2010] отмечается такое употребление для демонстративов в анафорических

контекстах, а для посессоров в предикативных (анафорически посессоры также употребляются):

- (3) *tām junti ut-ət māni-λ-am*
 этот играть вещь-PL я-PL-POSS.1SG
 ‘Эти игрушки — мой’.

Ряд модификаторов при субстантивации присоединяет особый элемент, который никак не обусловлен фонологией севернохантыйского (-*i*- для демонстративов, *tām*, *tum* и местоименных посессоров и -*t*- для демонстратива *ši* и числительного *i* ‘один’). При этом некоторые субстантивированные модификаторы (напр. *kāt* ‘два’) специально не маркируются.

При самостоятельном употреблении посессоров и числительного *kāt* ‘два’ морфология именной вершины перемещается на модификатор, что внешне выглядит как согласование единицы самой с собой.

Этот факт и возможность предикативного употребления сближает севернохантыйские посессоры с венгерскими анафорическими посессорами [Dékány 2014]. Э. Декань предлагает анализировать их как посессоры при нулевой вершине:

- (4) *János-é*
 Джон-é
 ‘Джона (GEN)’

- (5) *a ti-é-i-tek-et*
 ART вы-é-PL-POSS.2SG-ACC
 ‘ваших’ [Dékány 2014]

Однако севернохантыйские самостоятельные посессоры более ограничены — только местоименные посессоры могут употребляться без вершины.

Единственный тип самостоятельных модификаторов, которые допускают модификацию, это числительные:

- (6) *ma it-εm* / **i mān-εm*
 я один-POSS.1SG / один я-POSS.1SG
 ‘один мой’

Один из главных аргументов против постулирования эллипсиса следующий: неясно, почему в полной ИГ мы можем иметь выраженными одновременно демонстративы и посессивные местоимения, а при нулевой вершине — нет:

(7) *tām ank-εm jernas*
 этот мама-POSS.1SG платье
 ‘Это мамино платье’.

(8) **tām mān-εm*
 этот я-POSS.1SG
 ‘Это мое’.

Если развивать гипотезу об эллипсисе, то возможно следующее рассуждение. В структуре севернохантыйской ИГ демонстративы и посессоры можно менять местами, а числительные же находятся строго после них [Плешак 2018]. Если представлять ИГ в виде слоев согласно [Rijkhoff 2008] (Рис. 1), можно сказать, что демонстративы и посессоры в севернохантыйской ИГ занимают один слой, а именно Location, а числительные уже находятся слоем ниже (Quantity). Тогда можно предположить, что самый внутренний из неэлидированных слоев превращается в вершину, а более внешние ведут себя как его модификаторы.

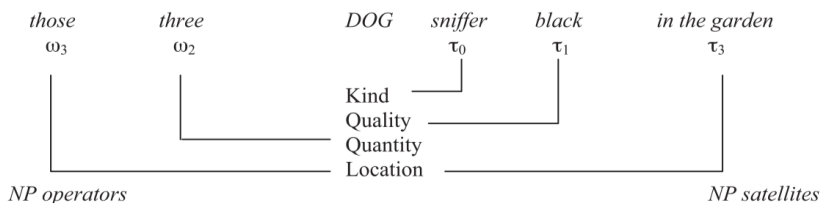

Рис. 1. Репрезентация именной группы с помощью слоёв [Rijkhoff 2008]

Но тогда нужно постулировать дополнительные необоснованные ограничения на эллипсис: элидировать надо обязательно все модификаторы ниже слоя Quantity, оставляя в слое не больше одного модификатора. Мы предполагаем, что такие употребления следует описывать как субстантивацию зависимых имени.

Набор модификаторов, которые можно использовать таким образом, очень ограничен, а невозможность модификации демонстративов и посессоров объясняется тем, что это местоимения, а местоимения в принципе плохо подвергаются модификации. Хотя перенос морфологии с вершины на зависимое похоже на ситуацию при эллипсисе в других финно-угорских языках [Dékány 2014], синхронно это стоит следует анализировать как словоизменение субстантивированного модификатора.

Список условных сокращений

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ACC — винительный падеж; DAT — дательный падеж; DU — двойственное число; GEN — генитив; PL — множественное число; POSS — посессив, SG — единственное число.

Литература

- Каксин 2010 — А. Д. Каксин. Казымский диалект хантыйского языка. 2-е изд. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010.
- Плешак 2020 — П. С. Плешак. Структура именной группы в хантыйском языке. Рукопись. 2020.
- Dékány 2014 — É. Dékány. The syntax of anaphoric possessives in Hungarian // *Natural Language & Linguistic Theory*. 2015. Vol. 33. No. 4. P. 1121–1168.
- Rijkhoff 2008 — J. Rijkhoff. Descriptive and discourse-referential modifiers in a layered model of the noun phrase. *Linguistics*. 2008. Vol. 46. No. 4. P. 789–829.

К. В. Филатов
НИУ ВШЭ, Москва

ДИАХРОНИЯ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОСТЭЛАТИВА В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ: ДИАЛЕКТНЫЕ ДАННЫЕ¹

Доклад посвящен реконструкции диахронического сценария возникновения показателей постэлатива в диалектах рутульского языка. В диалектах фиксируются три типа показателей постэлатива: *-χda:* в ихрекском и мюхрекском, *-qla* (*-χla*) в шиназском, мухадском и смешанных говорах, показатель *-χdigir* — в хновском (Рис 1.).

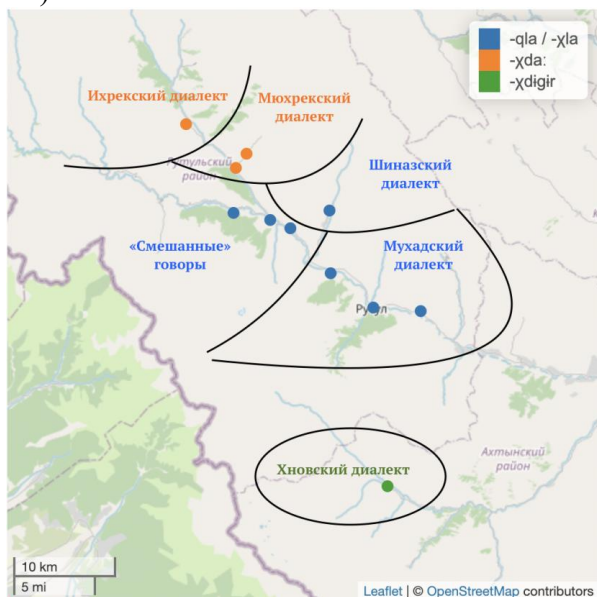

Рис. 1. Диалектное распределение вариантов показателя постэлатива

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

Новые полевые данные по хновскому диалекту (Таблица 1) показывают, что пространственная парадигма в этом диалекте отличается от того, что описывалось в литературе ранее, см. [Алисултанов, Исламов 2022]. Так, предшествующие описания игнорируют тот факт, что морф элатива *-igir* присоединяется не только к серии APUD, но также и к сериям POST и IN.

Таблица 1. Пространственная парадигма хновского диалекта рутульского языка

	SUP	IN	APUD	SUB / POST	INTER / CONT
Локатив	∅	-a / -e	-da	-χda	-k
Элатив	∅-la	-igir	-d-igir	-χd-igir	-kla

В докладе кратко рассматриваются два гипотетических источника грамматикализации показателя *-igir*: конвербы глаголов *higi-r* (bring.PFV-CVB) ‘нести, унести’ или *higi-r* (cast_off.PFV-CVB) ‘выгнать’.

Данные ихрекской пространственной парадигмы (Таблица 2) позволяют установить причину грамматикализации *-igir*. В хновском диалекте этот показатель появился в тех сериях, где в ихрекском граммема элатива выражается долготой гласного. Вероятное падение долготы в хновском привело к недостаточной различимости локатива и элатива, и к необходимости ввести в парадигму новый показатель.

Таблица 2. Пространственная парадигма ихрекского диалекта рутульского языка

	SUP	IN	APUD	SUB / POST	INTER / CONT
Локатив	-j	-a / -e	-da / -dda	-χda	-k
Элатив	-j-a	-a: / -a	-da: / -dda:	-χda:	-ka

Современное состояние ихрекской системы также является результатом парадигматических изменений. М. Е. Алексеев [Алексеев 1985] реконструирует пралезгинский элатив как **-aj*. Этот показатель сохранился в сериях SUP и INTER/CONT ихрекского диалекта с сокращением конечного *j*. Сопоставляя показатели по-

стэлатива ихрекского (*-χda:*) и мухадского (*-q-la/-χ-la*) диалектов, можно заключить, что изначальным показателем серии POST является *-q*, а *-da:* и *-la* являются вторично грамматикализованными сегментами. Показатель *-χda:* появляется в ходе аналогического выравнивания постэлатива с постлокативом *-χda* и одновременного обобщения на эту клетку элативной долготы из серий IN и APUD. Показатель *-qla* является результатом другого выравнивания — распространения элатива *-la* не вполне ясного происхождения [Алексеев 1985].

Прарутульский показатель постэлатива можно, таким образом, реконструировать как **-qa*, то есть как комбинацию показателя серии POST *-q* и элатива *-a < *-aj*. Эту гипотезу поддерживает идея Ж. Отье [Authier, submitted: 11] о том, что показатель компаратива *-qa*, сохраняющийся в ряде диалектов и традиционно рассматриваемый как внесерийный [Ибрагимова 2019: 9], является парадигматическим соответствием показателю постлокатива *-χda*. Действительно, [Heine, Kuteva 2002: 317] отмечают, что одним из частотных путей грамматикализации аблатива является компаратив.

Приведенные наблюдения позволяют реконструировать следующий сценарий возникновения показателей постэлатива (Рис. 2).

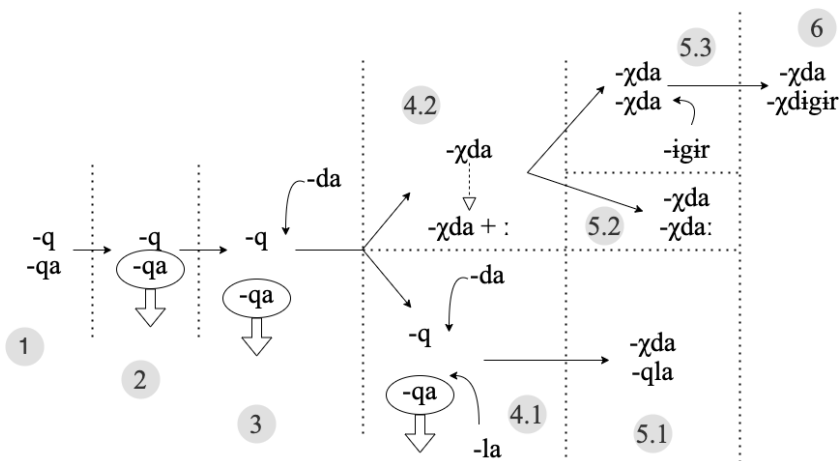

Рис. 2. Схема развития показателей постэлатива

Первые три стадии являются общими для всех рутульских диалектов — первая отражает протосостояние, на второй стадии начинается старение грамлеммы постэлатива и постепенное сужение контекстов его употребления до компаративных, на третьей начинается грамматикализация показателя *-da* как показателя постслокатива. Стадии 4.1–5.1 (нижний ряд) представляют мухадский тип развития системы с выпадением *-qa* из парадигмы и замещением его комбинацией POST *-q* + «новый» элатив *-la*. Стадии 4.2–6 (верхний ряд) представляют сценарий с парадигматическим выравниванием элатива по постслокативу *-χda* (стадия 4.2), где ихрекская система останавливается на стадии 5.2 с сохранением элативной долготы, а падение долготы в хновском (стадия 5.3) вызывает вторичную грамматикализацию *-χda* + *-igir* (стадия 6).

Список условных сокращений

APUD — локализация ‘около’; CONT — локализация ‘в плотном контакте’; IN — локализация ‘внутри полого объекта’; INTER — локализация ‘в веществе’; POST — локализация ‘сзади’; SUB — локализация ‘под’; SUP — локализация ‘на поверхности’.

Литература

- Алексеев 1985 — М. Е. Алексеев. Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. М.: Наука, 1985.
- Алисултанов, Исламов 2022 — А. С. Алисултанов, Р. А. Исламов. Хновский (хинаад) говор рутульского языка. Махачкала: Издательство «АЛЕФ», 2022.
- Ибрагимова 2019 — М. О. Ибрагимова. Категория падежа и морфология склонения в рутульском языке: диалектная стратификация. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН – АЛЕФ, 2019.
- Authier, submitted — G. Authier. Ikhrek // M. Polinsky (ed.). Handbook of Caucasian languages. Oxford: Oxford University Press. Submitted.
- Heine, Kuteva 2002 — В. Heine, Т. Kuteva. World Lexicon of Grammaticalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.

И. А. Хомченкова

МГУ — ИРЯ РАН, Москва

К ТИПОЛОГИИ КОМИТАТИВА: «ХОЛИСТИЧЕСКИЕ» КОМИТАТИВНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ¹

Существует два масштабных типологических исследования комитативных конструкций — [Архипов 2009] и [Stolz et al. 2006]. Первая работа представляет исчисление основных конструкций, в которых употребляются комитативные показатели, с фокусом на структурных характеристиках. Вторая работа посвящена моделям совмещения инструментальных и комитативных функций и влиянию (не)одушевленности на выбор маркера.

Согласно [Stolz et al. 2006: 56–60], при наличии в языке нескольких комитативных маркеров их употребление может зависеть и от других факторов, в частности числа, (не)отчуждаемости, статичности/динамичности ситуации, контроля над ситуацией. Кроме того, в [Stolz et al. 2006: 61] кратко обсуждаются два комитативных маркера в финском языке: падежный показатель *-ine* и послелог *kanssa*. Различие между ними трактуется так, что первый «предлагает прочтение, согласно которому два участника более тесно связаны друг с другом» (далее мы будем называть такие показатели «холистическими»); второй же, «как правило, используется в контекстах, где связь между двумя участниками носит более свободный характер».

Мы покажем, что аналогичное противопоставление комитативных маркеров присутствует и в других языках, а также дополним существующие обобщения о свойствах холистических маркеров. Мы обнаружили комитативные показатели, по описанию напоминающие холистические, в уральских языках (мордовские [Коляденков 1962: 159–160], марийские [Тужаров 1977], венгерский [Fekete 2013], хантыйский, мансийский [Сайнахова 1966:

¹ Исследование поддержано грантом РФФИ № 22-18-00285.

136–137], финский [Sirola-Belliard 2011], нганасанский [Wagner-Nagy 2019: 329–330]), в чукотско-камчатских языках (ительменский [Володин 1976: 152], чукотский [Dunn 1999: 116–117], корякский [Жукова 1972: 119–121]), в языках кечуа (уанукский кечуа [Weber 1983: 47–50]) и в индоевропейских языках (осетинский [Абаев 1958: 102]). При обсуждении осетинского и марийских языков (в частности, горномарийского) мы будем привлекать данные, собранные методом анкетирования в Республике Северная Осетия — Алания, г. Владикавказ в 2022 г. и в Республике Марий Эл, с. Кузнецово в 2017–2019 гг.

В описаниях семантики холистических комитативных показателей присутствует компонент «тесной связи», ср. для венгерского «два субъекта метафорически связаны или «склеены» вместе», «действие осуществляется в единстве с другим лицом или предметом» [Fekete 2013: 97]. Проиллюстрируем различия между базовым и холистическим комитативным маркером на примере осетинского языка. В (1) аффикс *-имæ* является нейтральным средством передачи соответствующего значения, в то время как предлог *æд* накладывает семантические ограничения на референта комитативной группы. Семантика холистических комитативных показателей не сводится к общему выражению совместности. Например, в ситуации совместного пения (2), в отличие от ситуации прихода (1), предпочтителен *-имæ*; в русском же в обоих случаях употребляется лексема *вместе*.

(1) *Мад сывæллон-имæ / #æд сывæллон*

мать ребенок-COM1 COM2 ребенок

æрба-цъид-и.

PV-приходить-PST.3SG

‘Мама пришла с ребенком / # вместе с ребенком (ребенок маленький, принесла на руках; пришла с ребенком в придачу, в нагрузку)’.

(2) *Мад сывæллон-имæ / ??æд сывæллон зар-ы.*

мать ребенок-COM1 COM2 ребенок петь-PRS.3SG

‘Мама поет вместе с ребенком’.

Холистические комитативные показатели типичны в ситуациях, когда два объекта ингерентно связаны, например, при отношении

родства (1), части — целого (3), либо когда они образуют единое целое в конкретной ситуации (4).

(3) *Алан бәлас æд уидæг-тæ с-тыдт-а.*

Алан дерево COM2 корень-PL PV-вырывать-PST.3SG
'Алан вырвал дерево с корнями'.

(4) *Зæлинаæ уазал-гæн-æн æд халат.*

Залина холодный-делать-PTCP.DEST COM2 халат
а-ппæрст-а

PV-бросать-PST.3SG

'Залина выбросила холодильник вместе с халатом (халат был в холодильнике)'.

В докладе мы подробно опишем семантику и дистрибуцию холистических комитативных показателей, представим наблюдения относительно их моделей полисемии, а также обсудим выражение соответствующей семантики в языках без специализированных показателей.

Список условных сокращений

3 — 3 лицо; COM1, COM2 — комитатив; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP.DEST — дестинативное причастие; PV — проверб; SG — единственное число.

Литература

- Абаев 1958 — В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. I том. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Архипов 2009 — А. В. Архипов. Типология комитативных конструкций. М.: Знак, 2009.
- Володин 1976 — А. П. Володин. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976.
- Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Л.: Наука, 1972.
- Коляденков 1962 — М. Н. Коляденков. Грамматика мордовских (мокшанского и эрзянского) языков. Ч. I: фонетика и морфология. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1962.

- Сайнахова 1966 — А. И. Сайнахова. Служебные слова в мансийском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: Институт языкознания РАН, 1966.
- Тужаров 1977 — Г. М. Тужаров. Совместный падеж в марийском языке // Советское финно-угроведение. 1977. Вып. 4. С. 271–279.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A grammar of Chukchi. Doctoral dissertation. Canberra: Australian National University, 1999.
- Fekete 2013 — I. Fekete. Hungarian *gyerekestül* vs. *gyerekkel* ('with [the] kid') // Hungarian Cultural Studies. 2013. Vol. 6. e-Journal: <http://ahea.pitt.edu>
- Sirola-Belliard 2011 — M. Sirola-Belliard. Is there a future for the Finnish comitative? Arguments against the putative synonymy of the comitative case *-ine* and the postposition *kanssa* // S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds.). Case, animacy and semantic roles. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 135–153.
- Stolz et al. 2006 — T. Stolz, C. Stroh, A. Urdze. On comitatives and related categories: a typological study with special focus on the languages of Europe. Berlin: Walter de Gruyter, 2006.
- Wagner-Nagy 2019 — B. Wagner-Nagy. A grammar of Nganasan. Leiden; Boston: Brill, 2019.
- Weber 1983 — D. Weber. A Grammar of Huallaga (Huanuco) Quechua. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1983.

А. Д. Шалдов, А. А. Козлов
НИУ ВШЭ, Москва
НИУ ВШЭ — ИЯз РАН, Москва

СЕВЕРНОХАНТЫЙСКОЕ АНАФОРИЧЕСКОЕ МЕСТОИМЕНИЕ НА ФОНЕ НЕКОТОРЫХ МЕЖЪЯЗЫКОВЫХ ОБОБЩЕНИЙ¹

Настоящая работа посвящена исследованию севернохантыйского анафорического элемента *лнw* 'он, сам, себя'. Мы покажем, что он опровергает сразу два теоретических обобщения, сделанных относительно рефлексивов и интенсификаторов. Источник наших данных — во-первых, наша собственная полевая работа в селе Казым (Белоярский район, ХМАО), а во-вторых, опубликованные тексты на казымском диалекте хантыйского языка.

Пол Кипарский [Kiparsky 2002] предлагает типологию анафорических средств, опирающуюся на два параметра: а) обвиативности (обвиативное местоимение обязательно некореферентно коаргументам) и б) максимальной возможной области антецедента: от локально связанных до референциально независимых. Так, русское *он* референциально независимо (способно вводить в дискурс новых референтов, в т. ч. употребляться при дейксисе, (1)) и обвиативно (2), а *себя* связано внутри минимальной финитной клаузы (3) и необвиативно (4).

- (1) {Показывая пальцем:} Посмотрите на **него**.
- (2) *Он_i увидел **его**_i в зеркале.
- (3) Саша попросил сына принести **себе**_i кофе (*чтобы он принес **себе**_i кофе).
- (4) Он увидел **себя**_i в зеркале.

¹ В данной научной работе использованы результаты проекта «Языки народов России: морфосинтаксис во взаимодействии с другими модулями языка», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2022 году.

При этом Кипарский постулирует универсальное ограничение **контрастивности**, согласно которому невозможны одновременно референциально независимые и необвиативные местоимения — дистрибуция местоимений должна быть чем-то ограничена. Максимально широкая дистрибуция среди необвиативных единиц зафиксирована у местоимений типа турецкого *kendisi* или греческого *oidhios*. Эти последние могут быть как связаны, так и не связаны внутри предложения — тем не менее, они референциально зависимы, то есть не могут употребляться в контексте дейксиса, вводя в предложение нового референта.

Местоимение *λnw* в казымском диалекте севернохантыйского языка является именно таким (пример (5) иллюстрирует референциально независимое употребление, пример (6) — рефлексивное).

(5) *λnw sí wer-s-əλλε*
он/а EMPH сделать-PST-3SG>SG
{Показывая пальцем} ‘Это она сделала!’

(6) *waśkaj-en λnw-ti išək-s-əλλε*
B.-POSS.2SG он-ACC хвалить-PST-3SG>SG
‘Вася себя хвалит’.

Кроме этого, *λnw* может употребляться в предикативной позиции, что, согласно П. Кипарскому, должно быть доступно только для референциально независимых местоимений.

Кроме того, прономиналы способны функционировать в качестве SELF-интенсификаторов. SELF-интенсификаторы [König, Siegmund 2005] — встречающиеся во многих языках фокусные выражения, такие как русское *сам*, английское *X-self*, итальянское *stesso*. Эти единицы в общем случае указывают, что индивид, вопреки ожиданиям, участвует (включительно, исключительно, самостоятельно от других индивидов) в некоторой ситуации или имеет место в высказывании [Лютикова 2002].

(7) *puχ-en λnw λᾶηχα-λ woš-a tᾶn-ti*
сын-POSS.2SG он/а хотеть-NPST город-DAT ехать-NFIN.NPST
‘Сын сам захотел поехать в город {я ему не предлагал}’.

Интенсификатор используется только адвербиально и обычно следует сразу за ИГ, однако может от нее отрываться.

- (8) *milχatəλ pet'a-jen esəm jinkəλ λw jaś-s-əλλe*
вчера П.-POSS.2SG грудь вода он/а пить-PST-3SG>SG
'Вчера Петя молоко сам выпил {я надеялся выпить за него}'.

В работе [Charnavel, Sportiche 2021] указывается, что у адвербиальных интенсификаторов, которые по классификации [Gast, Siegmund 2006] являются “actor-oriented”, есть две интерпретации — «агентивная» (‘именно называемый индивид являлся агенсом события’) и «антиассистивная» (‘называемый индивид был единственным агенсом события’). При этом авторы утверждают, что интенсификаторы такого рода всегда имеют одно и то же значение, а две интерпретации возникают из-за того, проецируется ли признак фокуса в том числе и на нулевые операторы DO и CAUSE, постулируемые в ходе лексической декомпозиции агентивного предиката.

В севернохантыйском для лексемы *λw* возможна только контрастивная («агентивная» в терминологии [Charnavel, Sportiche 2021]) интерпретация. В анти-ассистивном значении используется послеложная группа *λw saxtəλa* ‘самостоятельно’ ср. (8) и (9):

- (9) *pet'a-jen χot-əλ [λw saxt-ə-λa]_{PP} /*
П.-POSS.2SG дом-POSS.3SG он/а за-POSS.3SG-DAT
#λw otəs-s-əλλe
он/а поставить-PST-3SG>SG
'Петя дом сам построил {без посторонней помощи}'.

Для того чтобы сохранить анализ Спортиша и Шарнавель для хантыйского, необходимо ввести ад-хоковые ограничения на проекцию фокусного признака. В докладе мы покажем, почему это невозможно. Наша гипотеза состоит в том, что контрастивная семантика содержится в лексическом значении лексемы *λw*.

Список условных сокращений

2, 3 — 2, 3 лицо; DAT — дательный падеж; NFIN.NPST — нефинитная форма непрошедшего времени (инфинитив); NPST — непрошедшее время; PL — множественное число; POSS — посессивный показатель; PST — прошедшее время; SG — единственное число.

Литература

- Лютикова 2002 — Е. А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ, 2002.
- Charnavel, Sportiche 2021 — I. Charnavel, D. Sportiche. Unifying Intensifiers ourselves. Paper presented at the 52nd annual meeting of the North East Linguistics Society (NELS 52). Rutgers University, 29–31 October 2021.
- Gast, Siemund 2006 — V. Gast, P. Siemund. Rethinking the Relationship between SELF-Intensifiers and Reflexives // *Linguistics*. 2006. Vol. 44. No. 2. P. 343–381.
- Kiparsky 2002 — P. Kiparsky. Disjoint reference and the typology of pronouns // I. Kaufmann, B. Stiebels (eds.). *More than Words*. Berlin: Akademie Verlag, 2002. P. 179–226.
- König, Siemund 2005 — E. König, P. Siemund. Intensifiers and Reflexives // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *The World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 194–197.

С. А. Шумилова

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург

ЛЕКАРСТВО ОТ/ПРОТИВ ГРИППА: ВАРИАТИВНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ

При ряде вершин, используемых в медицинских контекстах для указания «предмета, явления, для борьбы с которыми, для избавления от которых применяется какое-л. средство» (*лекарство, микстура, прививка, принимать* и др.), зависимое существительное допускает оформление предлогом *от* или *против* [Розенталь 1988: 385], ср. примеры (1)–(2).

- (1) *По дороге зашла в аптеку и заказала себе лекарство от гриппа.* [В. Ф. Панова. Кружилиха. Роман (1947)]
- (2) *Специалисты Института гриппа в Санкт-Петербурге ставят арбидол в число главных лекарств против гриппа и ОРВИ.* [Что грипп грядущий нам готовит. Защищаться от эпидемии нужно уже сейчас (2001) // «Известия», 02.10.2001]

В настоящем исследовании были установлены факторы, влияющие на количественное распределение предлогов. Во-первых, зависимые, выраженные названиями тяжелых (неизлечимых, хронических, требующих длительного лечения и реабилитации) болезней, тяготеют к предлогу *против*, ср. данные Таблицы 1 (данные приведены только по вершинам, для которых установлено статистически значимое различие (проверка проводилась с помощью критерия хи-квадрат и двустороннего варианта точного критерия Фишера)).

Во-вторых, контексты, содержащие информацию о возбудителях болезней (*вирусах, ядах, микробах* и т. п., ср. пример (3)), тяготеют к предлогу *против*, ср. Таблицу 2 (данные приведены только по вершинам, для которых установлено статистически значимое различие (проверка с помощью критерия хи-квадрат)).

Таблица 1. Влияние тяжести болезни на распределение предлогов (данные из НКРЯ)

Вершина	тяжелая			нетяжелая			P
	<i>от</i>	<i>против</i>	% <i>от</i>	<i>от</i>	<i>против</i>	% <i>от</i>	
<i>Лекарство</i>	44	20	69%	110	23	83%	0,02
<i>Средство</i>	97	110	47%	251	60	81%	0,4* 10 ⁻⁶
<i>Препарат</i>	5	15	25%	13	5	72%	0,004
<i>Микстура</i>	32	4	89%	420	6	99%	0,005

Таблица 2. Распределение предлогов при контекстах, содержащих информацию о заболевании или называющих возбудителя болезни

Вершина	тяжелая			нетяжелая			P
	<i>от</i>	<i>против</i>	% <i>от</i>	<i>от</i>	<i>против</i>	% <i>от</i>	
<i>Лекарство</i>	7	6	54%	218	50	81%	0,01
<i>Препарат</i>	11	34	24%	312	338	48%	0,002

Таблица 3. Распределение предлогов при идиоматичных контекстах

Слово 2	<i>от</i>	<i>против</i>	Всего	% <i>от</i>
<i>весь</i>	54	4	58	93%
A APPO	67	37	104	64%

(3) *Ершов Ф. И. Лекарства против вирусов*// [Эффективность амиксина при экспериментальной хантавирусной инфекции (2002) // «Вопросы вирусологии», 14.10.2002]

В-третьих, частотность предлога *от* увеличивается в контекстах вида *от всех недугов, от всех болезней*, обладающих некоторой идиоматичностью, ср. Таблицу 3 (проверка с помощью функции хи-квадрат). В этом случае сравнивалась частотность подобных контекстов и примеров, которые содержат любые прилагательные или местоименные прилагательные (A и APPO в Таблице 3).

Кроме того, было установлено, что распределение предлогов постепенно менялось с XIX по XXI вв., и частотность предлога *от* возросла в период с XX по XXI вв. Эта тенденция подтверди-

лась на данных выборов вершин *лекарство, средство, противо-ядие и прививка*.

В докладе мы постараемся объяснить причины возникновения этих тенденций. Одна из них может заключаться в семантических особенностях и разнице в значениях предлогов. Так, предлог *от* «указывает на что-н. удаляемое, избегаемое, подлежащее устранению» [Ожегов, Шведова 2010: 466], тогда как предлог *против* используется для демонстрации «борьбы с кем-чем-н., для противодействия кому-чему-н.» [Ожегов, Шведова 2010: 624]. Т. е. если предлог *от* подразумевает избавление (*очистить от грязи, избавляет от ошибки* (примеры из НКРЯ)), то предлог *против* — противодействие, и в основном используется в контекстах борьбы с активными, наделенными волей участниками (*действия против повстанцев, сетки против кротов* (примеры из НКРЯ)). Эта асимметрия может объяснить частотность предлога *против* в контекстах с возбудителями заболеваний, семантически более близкими к активным участникам, нежели сами болезни. Кроме того, борьба в обычном случае требует времени, в отличие от избавления, которое может быть мгновенным. Это различие могло повлиять на частотность предлога *против* в контекстах с тяжелыми болезнями, лечение которых является длительным процессом.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (электронный ресурс).

URL: <http://www.ruscorpora.ru/>.

Ожегов, Шведова 2010 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: ООО «А ТЕМП», 2010.

Литература

Розенталь 1988 — Д. Э. Розенталь. Пунктуация и управление в русском языке. М.: Книга, 1988.

Polina Artemeva

HSE University, Moscow

NON-VERBAL PREDICATION AND COPULAS IN NGEN

The work is dedicated to non-verbal predication and copula types of Ngen, an understudied and endangered language of West Africa. The goal of this work was to study the domain of non-verbal predication in Ngen more profoundly: to offer a wider classification of non-verbal clause types according to their functions and to take a look at copulas. To achieve this goal, we have compiled necessary questionnaires and other materials to collect the data, travelled to the village of Djonkro, worked with several language assistants to collect the data, and analyzed it with the help of various methods.

There are four copulas: (i) *má*, (ii) *lè*, (iii) *bé*, (iv) *bá*. Copulas (i)–(iii) are used in affirmative clauses, copula (iv) is used in negative clauses, which also obligatorily require the negative particle *ò* in clause-final position. In most of the constructions, an affirmative copula is substituted under negation by a negative copula *bá* (1)–(2), except for the constructions with the copula *má* — in negative sentences *bá* is used together with *má* (3)–(4):

(1) *gūwò₁ píúúlé₂ é bé gbò*
kindness_{1,2} 3SG COP there
‘Kindness exists’. (Lit. “Kindness is there”)

(2) *gūwò₁ píúúlé₂ bá gbò-ò*
kindness_{1,2} COP.NEG there-NEG
‘Kindness doesn't exist’.

(3) *dó-lé má kàkà*
termite-ART COP insect
‘A termite is an insect’.

- (4) *wò bú má sáwáǎǎj-wò*
 3PL COP.NEG COP Ngen-NEG
 ‘They are not Ngen’.

Copulas in Ngen take a fixed position after the subject and before the predicate. The general model for non-verbal predicative construction is S-Cop(-X), where S is the subject of the clause, Cop is a copula, and X is a predicate or a facultative argument (like that of locative sentences), the surface expression of which depends on the type of the clause. Each copula cannot be easily ascribed to a particular type of non-verbal clause but is chosen according to the combination of a predicate type and the semantic type of the clause. Copulas in Ngen meet the definition of true copulas [Pustet 2003]: they connect an argument with a predicate, do not bear any semantic meaning and do not take any TAM markers.

There are two structural types of constructions of non-verbal sentences: (i) zero-copula construction, and (ii) copular construction. In total, there are eight functional types of non-verbal predicative constructions in Ngen: attributional, presentative, ascriptive, locative, existential, possessive, quantificational and temporal. All of them, except attributional sentences, use copular structure. Presentative clause was considered to be identificational in previous research. The types of possessive, quantificational and temporal predication are presented for the first time here. In most of the times, all types of clauses take noun phrases, nominalized verbs, basic pronouns and proper names as their subjects.

I also outline the main feature of tense marking in non-verbal sentences and the difference between different types of auxiliaries and copulas. Only the tense marking in those phrases that in present tense use non-verbal predication strategies, is described here. The following types of encoding were attested: (i) lexical; (ii) through pronominal predicative markers (PPM); (iii) through the verb *yè* ‘to become’; or (iv) a mixture of those. The (iii) can be argued to be a lexical encoding as well, for the reason that it resembles a pseudo-copula. The usage of PPM probably moves the sentence out of the domain of non-verbal predication:

- (5) *Áli è má gú kpáǎj-gbáǎj*
 Ali 3SG.PMB+ COP blacksmith past
 ‘Ali was a blacksmith’. (Korol 2021)

(6) *yá* *lò* *p̄ṣṣ*
 2SG.PMD+ LOC field
 ‘You were in the field’.

(7) *é* *bé* *yè* *dò*
 3SG COP become cobra
 ‘It will be a cobra’.

Ngen can be considered a typical Mande language, according to the typological features of non-verbal predication in Mande languages [Vydrin 2020]. As a result of this work, there is a more elaborated classification of copulas, structural and semantical types of non-verbal sentences.

Abbreviations

’ — high tone; ˘ — low tone; ˉ — middle tone; + — affirmative polarity series; 2, 3 — 2, 3 person; ART — article; COP — copula; LOC — locative post-position; NEG — negation; PL — plural; PMB — predicative marker of the Basic series of pronouns; PMD — predicative marker of the Derived series of pronouns; SG — singular.

References

- Korol 2021 — T. Korol. Phonology and elements of morphology of the Ngen language. Master’s thesis. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2021.
- Pustet 2003 — R. Pustet. Copulas: Universals in the categorization of the lexicon. (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Oxford University Press, 2003.
- Vydrin 2020 — V. Vydrin. Non-verbal predication and copulas in three Mande languages // Journal of West African Languages. 2020. Vol. 47. No. 1. P. 77–105.

Maksim Fedotov

ILS RAS, Saint Petersburg

THE APPREHENSIVE CONSTRUCTION IN GBAN

Gban, a South Mande language of Côte d’Ivoire, has a dedicated grammatical construction that expresses meanings belonging to the apprehensive (apprehensional) semantic domain — the domain of fear and undesirability [Lichtenberk 1995; Dobrushina 2006; Vuillermet 2018]. I am going to present a description of this construction and its different types of uses. Some typologically relevant parameters will be discussed, including its compatibility with different grammatical persons, with situations located in past, present, and future, and with preventable and unpreventable situations. The study is based on my own field data collected in 2011–2020 and on the New Testament translation [Howard et al. 1998].

1. Form. The Apprehensive construction in Gban contains a specialized predicative marker *-ǎ/-ǎ* in the beginning of the clause plus a specialized invariable auxiliary verb *nù* (both morphemes glossed as APPR) coupled with the infinitive (zero-marked form) of the main verb:

- (1) *N-ǎ nù ké sǐè è í tǔ=é.*
2SG-APPR APPR EMPH spoil[INF] thee GEN cloth=with
{Mother to a child who is playing with a knife, about to spoil his/her clothes:} ‘**Don’t** spoil your clothes!’

2. Paradigmatic status. The construction is part of the TAM system in Gban, and can be shown to be one of its core verbal constructions. The predicative marker used in the Apprehensive construction occupies one of the five slots in the beginning of the sentence (after the subject NP if present), in which it contrasts with several other suffix-like predicative markers cumulatively expressing different Mood and Polarity meanings. Thus the construction is to be included into Gban’s grammatical category of Mood, as a special “apprehensive mood”.

3.1. Semantics and syntax: main clauses. The Apprehensive construction is used in main clauses, where it can have three readings/functions. Here it can express pure apprehension (2), warning = preventive (1), or threat (3):

- (2) *M-ǎ nù ǎ gò wò vžǔǔ!*
 1SG-APPR APPR him stay[INF] put[INF] cold
 {A mother, after the departure of her son, is talking to herself, expressing her fears:} {My son might get lost and} **I might** become sorrowful/anxious!
- (3) *M-ǎ nù ké è zè!*
 1SG-APPR APPR EMPH thee kill[INF]
 {In the street, a robber who wants to rob a person:} **I might** kill you / **I'll** kill you!

3.2. Semantics and syntax: dependent clauses. The construction is also used in dependent clauses — in fear predicate complements and in negative purpose clauses.

First, in complements of predicates such as *gbɛ̀* ‘be afraid’ it (together with the standard speech/thought complementizer *ní* ‘that’) introduces the mental content associated with the fear predicate (4):

- (4) *É gbɛ̀ [ní Flàsóá (y)-ǎ nù gá].*
 3SG IPFV\be_afraid that François 3SG-APPR APPR die[INF]
 ‘She’s **afraid** that François **might** die’.

Second, the construction is used in Gban as the principal means of expressing clausal negative purpose (frequently combined with a purpose/reason subordinating element *lɛ̀*) (5)–(6):

- (5) *Ǿ nù kwà zǒ è dǐ*
 3SG IPFV\come arm descend[INF] thee under
[ní gwà y-ǎ nù è kpɛ̀ kplǒ lɛ̀].
 that stone 3SG-APPR APPR thee foot scratch[INF] because
 ‘With their hands they will hold you up, **so that** you will **never** hit your foot against a rock’. (Luke 4:11)
- (6) *É-kɛ̀ ǎ yìkǎ ì nɛ̀ m-ǎ nù*
 3SG-IND.NEG\PST he inform\PFV.HEST I on 1SG-APPR APPR

n̄̀ *l̄̄*.

come[INF] because

‘[Soku had a meeting to which he didn’t want to invite me.]
He didn’t tell me about it, **so that I wouldn’t** come’.

4. Diachrony. The invariable auxiliary verb *n̄̀* used in this construction is most likely connected with the lexical verb of motion *n̄̀* ‘**come**’, cf. the last verb in (6). An almost-identical, but variable auxiliary verb *n̄̀* is used in Gban in another construction which expresses **prospective~future** semantics, cf. the first *n̄̀* in (5). The PM *-ǎ/-ǎ* is evidently connected with an archaic **negative** marker **-a*. Several possible paths can be proposed for the emergence of the construction and of its different attested uses/readings, the most plausible being the one starting with a negative prospective used in purpose clauses.

Abbreviations

1, 2, 3 — first, second, third person; APPR — apprehensional; EMPH — emphasis; GEN — genitive; HEST — hesternal (past); IND — indicative; INF — infinitive; IPFV — imperfective; NEG — negation; PFV — perfective; PST — past; SG — singular.

References

- Dobrushina 2006 — N. R. Dobrushina. Grammaticheskie formy i konstrukcii so znacheniem opasenija i predosterezhenija [Grammatical forms expressing warning and apprehension]. *Voprosy jazykoznanija*. 2006. No. 2. P. 28–67.
- Howard et al. 1998 — O. Howard, A. Kouassi, N. Leah, R. Taki. *Le Nouveau Testament en Langue Gban (Gagou): Bl̄̄ doa n̄̄ Kwene =ya =ke law̄̄dinu*. Abidjan: Alliance Biblique de Côte d’Ivoire, 1998. [New Testament in Gban (Gagou). © 1998 Alliance Biblique de Côte d’Ivoire. All rights reserved. Used with permission. www.biblesociety-cotedivoire.org].
- Lichtenberk 1995 — F. Lichtenberk. Apprehensional epistemics // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in grammar and discourse*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1995. P. 293–328.
- Vuillermet 2018 — M. Vuillermet. Grammatical fear morphemes in Ese Ejja: Making the case for a morphosemantic apprehensional domain // M. Ponsonnet, M. Vuillermet (eds.). *Studies in Language*. 2018. Vol. 42. No. 1. P. 256–293.

Fedor Golosov

University of Maryland, College Park

**PLURACTIONAL LIGHT VERB *tək* IN POSHKART
CHUVASH: EVENT-INTERNAL OR EVENT EXTERNAL?¹**

In this paper, I show that the light verb *tək* in Poshkart Chuvash is a problematic case for the typological tests distinguishing event-internal and event-external pluractionals provided in [Henderson 2012]: having an event-external semantics, *tək* is wrongly diagnosed as an event-internal pluractional by some tests.

tək is one of the verbs in Chuvash that have a grammaticalized usage [Lebedev 2016]. Combined with the converb of a lexical verb, it forms complex predicates denoting a chain of subevents, as in (1a). It cannot be used if there is a single event (1a)–(1b).

- (1) a. *vaεə vonə vərəm-dona-ja vëler-ze tək-ri-ə*
V. ten long-leg-OBJ kill-CV_SIM scatter-PST-3SG
'Vasya killed ten mosquitoes (one by one/*simultaneously)'.
b. *vaεə vərəm-dona-ja vëler-tə-ə / *vëler-ze*
V. long-leg-OBJ kill-PST-3SG kill-CV_SIM
tək-ri-ə
scatter-PST-3SG
'Vasya killed a mosquito'.

In the typology of pluractionality, there is a distinction between event-internal (EI) and event-external (EE) pluractionals [Cusic 1981]. While the former denote a chain of subevents on a single occasion, the

¹ The research is supported by the grant RFBR 20-512-14003 «Language diversity in Volga Sprachbund. Typology of grammatical phenomena and language contacts».

All the presented data were collected during the fieldwork trips in village Poshkart (Maloye Karachkino), Chuvash republic, Russia, in 2019–2021.

latter refer to a set of events on different occasions. [Henderson 2012] provides six parameters distinguishing the two types of pluractionals: compatibility with verbs of different actional classes, number of occasions, number of subevents, duration of breaks, presence of the shared telos and entailment of the base predicate [Henderson 2012: 34–38].

At the first glance, the light verb *tək* makes a problem for the typology: according to the tests provided, it has properties of both types of pluractionals.

Three of the tests classify *tək* as an EE pluractional. First, the light verb can combine not only with semelfactives, but also with accomplishments and achievements. Second, the duration of breaks between the denoted events can be long (2). Third, each event denoted by a complex predicate with *tək* consists of events that can be described by the base predicate, so the entailment works.

- (2) *vacə aləg-a ɛoldalək xoʃ-in-dze ɛëmër-ze*
 V. door-OBJ year period-P_3-LOC break-CV_SIM
tək-ri-ə
 scatter-PST-3SG
 ‘Vasya broke the door completely in the year’.

In contrast, three other tests classify *tək* as an EI pluractional. First, the light verb cannot be used habitually, which serves as a test for multiple occasions according to [Henderson 2012] (3). Second, *tək* is sensitive to the number of events: it should be larger than expected (4). Finally, the complex predicates with *tək* are telic, so the subevents have a shared telos (5).

- (3) *vacə tɛastə xəj-ən jid-inⁱ-e tap-sa təg-at*
 V. often self-GEN dog-P_3-OBJ kick-CV_SIM scatter-NPST.3SG
 ‘Vasya often makes a series of kicks to his dog’.
 #‘Vasya often makes a single kick to his dog’.

- (4) *papi pilək / #ɛërëm kogəlⁱ vırən-nⁱ-a vonə kogəlⁱ*
 grandma five twenty pie place-P_3-OBJ ten pie
pëzər-ze tək-ri-ə
 cook-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Grandma cooked 10 pies (one by one) instead of five / #instead of twenty’.

- (5) a. *vacə jid-a pilĕk minut-ra tap-sa*
 V. dog-OBJ 5 minute-LOC kick-CV_SIM
*tək-ri-ə / *tap-ri-ə*
 scatter-PST-3SG kick-PST-3SG
 ‘Vasya kicked the dog to the limit in 5 minutes’.
- b. *vacə jid-a pilĕk minut tap-ri-ə /*
 V. dog-OBJ 5 minute kick-PST-3SG
**tap-sa tək-ri-ə*
 kick-CV_SIM scatter-PST-3SG
 ‘Vasya kicked the dog for 5 minutes’.

I argue that *tək* is nevertheless an EE pluractional: its “EI” properties can be independently explained. Complex predicates with *tək* are telic and sensitive to the number of subevents because they refer to a moment when this number becomes too large. This moment, however, is defined by a contextual standard number of events implied by the speaker, and the events are not required to happen on a single occasion.

Thus, the data on the light verb *tək* show that some properties distinguishing the two types of pluractionals in [Henderson 2012] cannot give a reliable diagnostic without further investigation.

Abbreviations

3 — 3rd person; CV_SIM — simultaneity converb; GEN — genitive; LOC — locative; NPST — non-past tense; OBJ — objective case; P_3 — possessive of the third person; PST — past tense; SG — singular number.

References

- Cusic 1981 — D. D. Cusic. Verbal plurality and aspect. PhD thesis. Stanford: Stanford University, 1981.
- Henderson 2012 — R. M. Henderson. Ways of pluralizing events. PhD thesis. Santa Cruz: University of California, 2012.
- Lebedev 2016 — E. Ye. Lebedev. Akcionzartovye značenia složnoverbal’nyx analitičeskix form v čuvašskom yazyke [Actional meanings of the complex predicate analytic forms in Chuvash]. Cheboksary: Chuvash State Institute for Humanities, 2016.

Daniar Kasenov

HSE University, Moscow

ALLOMORPHY OF THE PLURAL AFFIX IN TEREK KUMYK: AVOIDING ABA PHONOLOGICALLY¹

Intro: Consider the plural declension of the noun *ata* ‘father’ in Terek Kumyk (TK): plural affix is realized as *-lar-* in nominative, locative, and ablative, and as *-la-* in accusative, genitive, and dative. Crucially, this is not due to a ban on certain *rC* clusters, as evidenced by *r* being present in accusative, genitive and dative in declension of the noun *or* ‘top’. Hence, this is a case of genuine allomorphy.

Table 1. Plural declension of *ata* ‘father’
compared to the declension of *or* ‘top’

	NOM	ACC	GEN	DAT	LOC	ABL
<i>ata-lar</i> father-PL ‘fathers’	<i>ata-lar</i>	<i>ata-la-ni</i>	<i>ata-la-ni</i>	<i>ata-la-ba</i>	<i>ata-lar-da</i>	<i>ata-lar-dan</i>
<i>or</i> ‘top’	<i>or</i>	<i>or-nu</i>	<i>or-nu</i>	<i>or-ga</i>	<i>or-da</i>	<i>or-dan</i>

ABA pattern: [Bobaljik 2012] and subsequent authors ([Caha 2017; Zompì 2019; Middleton 2020] *a. o.*) have established the *ABA ban in various morphological domains, which excludes patterns of two non-adjacent paradigm cells sharing properties that are not present in the middle cell. This is exactly what we observe in TK: non-adjacent paradigm cells (nominative and locative, which are non-adjacent according to the case containment theory of [Caha 2009]) have the plural

¹ The results of the project “Languages of Russia: morphosyntax and its interaction with other modules”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2022, are presented in this work.

realized as *-lar-*, while the middle ones (e.g., accusative) have the plural realized as *-la-*. Given the existing evidence for *ABA, a proposal that reanalyzes the pattern as AAB, ABB, or ABC is necessary.

ABB proposal: I suggest that TK plural presents an ABB pattern: plural is realized as *-lar-* in nominative and as *-la<r>-* in other cases, where *<r>* is a floating segment (in the sense of [Scheer 2016]; see (2)). In strict CV phonology, two tiers are dissociated: the tier of syllabic positions (CV units) and the tier of melodic features. A floating segment is thus a bundle of melodic features, which is not associated with a position in the underlying representation (UR; see ex. 1). This, however, implies that locative and ablative have initial empty syllabic positions in their URs because there needs to be an empty C position for *<r>* to attach to when concatenated (since it is present in the resulting plural locative / ablative, see ex.3).

- (1) UR of locative *-da*
C	V	C	V
		d	a
- (2) UR of plural *-la<r>-*
C	V	
l	a	r
- (3) Concatenation of URs
C	V		+	C	V	C	V
l	a	r				d	a

Evidence for empty slots: The assumption that locative and ablative have empty CV slots in their URs is supported by the pattern of allomorphy in 3rd person possessive forms in TK. Consider dative case in the table below. Based on 1st and 2nd person, I suggest that dative is realized as *-a-* in possessive contexts. In strict CV phonology, being realized as a single vowel means getting realized as a CV unit with an empty C slot. Crucially, this may explain the fact that the 3rd person possessive affix is realized as *-sin-* in dative: while there was no place for floating *-n-* in nominative, accusative, and genitive, there is one for it in dative. This suggests that the same process may happen in locative and ablative cases, providing support for the conclusion that an initial empty CV unit is present in URs of locative and ablative.

Conclusion: Paradigm of plural nominal declension in Terek Kumyk is a *prima facie* example of an ABA pattern. Considering the cross-

Table 2. Declension of nouns marked for possession

	NOM	ACC	GEN	DAT	LOC	ABL
<i>tana-m</i> bull-1SG 'my bull'	<i>tana-m</i>	<i>tana-m-ni</i>	<i>tana-m-ni</i>	<i>tana-m-a</i>	<i>tana-m-da</i>	<i>tana-m-dan</i>
<i>tana-ŋ</i> bull-2SG 'your bull'	<i>tana-ŋ</i>	<i>tana-ŋ-ni</i>	<i>tana-ŋ-ni</i>	<i>tana-ŋ-a</i>	<i>tana-ŋ-da</i>	<i>tana-ŋ-dan</i>
<i>tana-si</i> bull-3SG 'his/her bull'	<i>tana-si</i>	<i>tana-si-n</i>	<i>tana-si-ni</i>	<i>tana-sin-a</i>	<i>tana-sin-da</i>	<i>tana-sin-dan</i>

linguistically robust ban on ABA patterns, an alternative analysis is needed. This paper provides an ABB reanalysis of the pattern, based on two assumptions: (a) underlying representation of the plural involves a floating segment; (b) underlying representations of locative and ablative start with an empty CV unit. Assumption (b) gets additional support from the paradigm of possessive declension in Terek Kumyk.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1st, 2nd, 3rd person; ABL — ablative; ACC — accusative; C — [-syllabic] segment; DAT — dative; GEN — genitive; LOC — locative; NOM — nominative; v — [+syllabic] segment.

References

- Bobaljik 2012 — J. D. Bobaljik. Universals in comparative morphology: Suppletion, superlatives, and the structure of words. Cambridge, MA: MIT Press, 2012.
- Caha 2009 — P. Caha. The nanosyntax of case. PhD thesis. Tromsø: UiT, 2009.
- Caha 2017 — P. Caha. How (not) to derive a *ABA: The case of Blansitt's generalization // Glossa: a journal of general linguistics. 2017. Vol. 2. No. 1. Art. 84. P. 1–32.

- Middleton 2020 — H. J. Middleton. *ABA syncretism patterns in pronominal morphology. PhD thesis. London: UCL, 2020.
- Scheer 2016 — T. Scheer. Melody-free syntax and phonologically conditioned allomorphy // *Morphology*. 2016. Vol. 26. No. 3. P. 341–378.
- Zompì 2019 — S. Zompì. Ergative is not inherent: Evidence from *ABA in suppletion and syncretism // *Glossa: a journal of general linguistics*. 2019. Vol. 4. No. 1. Art. 73. P. 1–28.

*Daniar Kasenov**, *Anastasiia Krainova***, *Daria Paramonova***

*HSE University, Moscow** — *MSU, Moscow*,***

SUFFICIENCY BY ANTECEDENT STRENGTHENING IN TEREK KUMYK¹

Intro: In Terek Kumyk (Turkic language spoken in North Ossetia, data collected during fieldwork in the village of Predgornoye in August 2022), there is a particular construction that denotes sufficiency (1). On its face value, it appears to be a conditional construction with an antecedent and a lone modal verb in the consequent. In this work, we argue that appearances don't lie, and the sufficiency semantics follows straightforwardly from the apparent structure.

- (1) *men gece uxla-sa-m bol-a*
I at_night sleep-COND-1SG can-IPFV
'It is enough for me to sleep at night'.

Arguments for conditional analysis: Terek Kumyk allows antecedent-like clauses to act as the embedded propositions of modal predicates (2), but the semantics is different: there is no sufficiency whatsoever. Moreover, the modal verb *bola* in (1), unlike *jaraj* in (2), is a general-purpose modal auxiliary, whose necessity counterpart simply does not allow antecedent-like clauses to co-occur with it (3).

- (2) *Rasul xali aša-p tur-a bol-sa jaraj*
R. lunch eat-CVB AUX.PROG-IPFV be-COND can
'It is possible that Rasul is eating lunch'.

- (3) **sen tanwala gel-se-ŋ gerek*
you tomorrow come-COND-2SG must
Non-sensical

¹ This research is supported by Russian Scientific Foundation Grant №22-18-00285 "Scalarity in grammar and lexicon".

A naïve LF: We conclude that the *-sA-* clause does act as a *bona fide* antecedent and consider that a logical form is as in (4), given that conditional antecedents act as restrictors of modal base [Kratzer 1979]. When interpreted, it means that there exists a world w' such that the antecedent and the covert clause (a goal, which is pragmatically determined) is true. Which corresponds to our intuitions about sufficiency: it is one of the possible ways of achieving something.

- (4) a. MOD ([*sA-clause*]) (Δ_{GOAL})
 b. $\exists w': wRw' \ \& \ \textit{antecedent}(w') = 1 \ \& \ \Delta_{\text{GOAL}}(w')$

Negation problem: The straightforward LF in (4) fails when dealing with negated modal. Example (5) means that it is not enough to sleep at night, the speaker also needs to sleep during days. However, when (4) is negated, we get something like (6): there is no world w' such that the speaker sleeps at nights in w' and the speaker sleeps enough in w' . This does not entail insufficiency, it entails incompatibility: in every world, either speaker sleeps at nights, or he/she gets enough sleep.

- (5) *men gece uyla-sa-m bol-ma-j*
 I at_night sleep-COND-1SG can-NEG-IPFV
 ‘It is not enough for me to sleep at night’. (the speaker needs more sleep)

- (6) $\neg \exists w': (wRw' \ \& \ \textit{antecedent}(w') = 1) \ \& \ \Delta_{\text{GOAL}}(w') \ \Leftarrow$
 $\forall w': \neg(wRw' \ \& \ \textit{antecedent}(w') = 1) \ \vee \ \neg \Delta_{\text{GOAL}}(w')$

Strengthening saves the day: The negation problem does not mean that the analysis is wrong: the necessary meaning can be derived, once we strengthen the antecedent via *exhaustification* [Chierchia et al. 2012], which (roughly) is negation of stronger alternatives (7c). The set of alternatives in (5) is all the propositions of the speaker sleeping not only at nights but sometimes else as well. With strengthening, we get the following interpretation: there is no world w' such that the speaker only sleeps in w' and the speaker gets enough sleep in w' . That is compatible with the insufficiency meaning. Note that strengthening of antecedent also derives the sufficiency meaning (even better than (4)).

- (7) a. MOD (*exh*([*sA-clause*])) (Δ_{GOAL})
b. $\neg\exists w'$: (wRw' & *exh* (*antecedent*(w')) = 1) & $\Delta_{\text{GOAL}}(w')$
c. *exh*(p) = 1 iff $p(w)$ and presupposed that $\forall q$ in ALT(p): ($q \models p$)
 $\rightarrow \neg q(w)$

Conclusion: This work provides a semantic analysis of a sufficiency construction in Terek Kumyk based on a conditional structure and antecedent strengthening via exhaustification. It is somewhat similar to the treatment of *only* in sufficiency constructions discussed in [von Fintel, Iatridou 2007].

Abbreviations

1, 2, 3 — first, second, third person; AUX — auxiliary; COND — conditional marker; CVB — converb; IPFV — imperfective; PROG — progressive; SG — singular.

References

- Chierchia et al. 2012 — G. Chierchia, D. Fox, B. Spector. The grammatical view of scalar implicatures and the relationship between semantics and pragmatics // P. Portner, C. Maienborn, K. von Stechow (eds.). *Semantics: An international handbook of natural language meaning*. Vol. 3. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 2297–2332.
- Kratzer 1979 — A. Kratzer. Conditional necessity and possibility // R. Bäuerle, U. Egli, A. von Stechow (eds.). *Semantics from different points of view*. Berlin; Heidelberg; New York: Springer Verlag, 1979. P. 117–147.
- von Fintel, Iatridou 2007 — K. von Fintel, S. Iatridou. Anatomy of a modal construction // *Linguistic Inquiry*. 2007. Vol. 38. No. 3. P. 445–483.

Siyu Liu

The Philipps University of Marburg, Marburg

DIVERSITY OF CONTENT INTERROGATIVES: A CROSS-LINGUISTIC COMPARISON

Almost every human language uses a universal class of function words, content interrogatives, to construct content questions that have the purpose to acquire new or specific information. However, it is broadly attested that content interrogatives differ across languages at nearly all linguistic levels (cf. [Dixon 2012: 400–420]). Yet, compared to previous studies that normally put emphasis on syntax, e.g., *wh*-movement or word order in interrogative clauses, the semantic properties of content interrogatives have much less been the focus of typologists.

To explore the semantic diversity of content interrogatives across languages, this study tries to answer the following questions:

- 1) How are content interrogatives used within and across content questions in the languages of the world?
- 2) When detailed semantic specifications of the domain of content interrogatives are taken into consideration, e.g., period or point of the category of TIME or animacy of the category of THING, what kinds of variation and/or unity of content interrogatives can be found?
- 3) Across languages of the world, which contexts are cross-linguistically recurrently encoded with the same interrogative construction?
- 4) Do universal interrogative categories exist? Can we identify a prototypical context for each universal interrogative category?

The investigation employs the approach of a *Massively Parallel Text*, which particularly refers to a text that is available in translations in a large number of languages [Cysouw, Wälchli 2007: 95]. Based on a massively parallel text, linguistic structures can be surveyed in a consistent context across languages with a large amount of contextu-

ally embedded instantiations throughout the text. The data of this research is collected from translational equivalents of the New Testament in the *Parallel Bible Corpus*¹. Verses with interrogative contexts are extracted and the corresponding content interrogatives are marked by hand.

Considering the huge size of the dataset, this investigation uses a clustering method of *Partitioning Around Medoids* (PAM) [Kaufman, Rousseeuw 2009: 69–72], instead of the traditional way to manually discern the patterns, to perform the comparison. The basic idea of this approach is that based on the (dis-)similarity between sampled interrogative contexts, the algorithm identifies a set of k representatives from all instantiations as the center of each cluster and then classifies the rest of the data into these clusters. In order to present the structure of the data more clearly, the results are then visualized in graphical form by the technique of *Multidimensional Scaling* (MDS) [van der Klis, Tellings 2022].

The results obtained so far prove that several general interrogative categories, e.g., PERSON, PLACE, REASON, and TIME, exist across languages and they are cross-linguistically distinctively marked. Within some categories, subdomains are detected in the current dataset. For example, there are two subcategories, DIRECTION.FROM and DIRECTION.TO, which can be recognized in the cluster of PLACE. Besides, the constructions of content interrogatives of each category are various among languages. With the help of PAM, the exemplifications of each interrogative category are also suggested. In the following further analysis, it is expected that more fine-grained semantic distinctions will be uncovered by observing the contextual realization of content interrogatives.

References

Cysouw, Wälchli 2007 — M. Cysouw, B. Wälchli. Parallel texts: using translational equivalents in linguistic typology // *Sprachtypologie und Universalienforschung*. 2007. Vol. 60. No. 2. P. 95–99.

¹ Available in <https://github.com/cysouw/paralleltxt>. Access can be obtained by contacting Michael Cysouw.

- Dixon 2012 — R. M. Dixon. *Basic Linguistic Theory*. Vol. 3: Further grammatical topics. Oxford: Oxford University Press, 2012.
- Kaufman, Rousseeuw 2009 — L. Kaufman, P. J. Rousseeuw. *Finding groups in data: an introduction to cluster analysis*. New York: John Wiley & Sons Inc., 2009.
- van der Klis, Tellings 2022 — M. van der Klis, J. Tellings. Generating semantic maps through multidimensional scaling: linguistic applications and theory // *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*. 2022. Vol. 18. No. 3. P. 627–665.

Yury Makarov

HSE University, Moscow

***THE ANSWER IS BLOWIN' IN THE WIND:
WHAT IS IT IN SHUGHNI THAT CONTRIBUTES TO THE
TYPOLOGY OF FINAL LARYNGEAL NEUTRALIZATION?***¹

It is well-known that different kinds of neutralization processes happen in final position. Examples are final devoicing in Russian or final aspiration in Kashmiri (Indo-European), where both aspirated and unaspirated plosives are realized with aspiration word-finally [Vaux, Samuels 2005]. When it comes to pre-pausal plosives, languages also choose whether there should be an audible release. Although this parameter is rather gradual, there can be strong tendencies. For instance, in Thai (Tai-Kadai) final plosives must not be released; any violation is perceived as a foreign accent [Abramson, Tingsabadh 1999].

Final neutralization, just like other phonetic and phonological processes, may be incomplete [Kulikov, McMurray 2022]. For some languages, including English [Raphael 1972], it was shown that, regardless of the presence/absence of vocal fold vibration during the articulation of a final obstruent, underlying voicing manifests in the duration of the preceding vowel. Other acoustic cues are said to be closure duration, duration and robustness of the burst, the fundamental frequency at the release and F1 ‘cutback’ [Kulikov 2012; Abramson, Whalen 2017].

Few linguists pay attention to such aspects during the fieldwork, though lesser-resourced languages can contribute greatly to the typology of final neutralization.

¹ The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant №22-00-034 ‘Field and Corpus Research on the Languages of the Shughni-Rushani Group’). I am thankful to Stepan Mikhailov for his helpful comments on the draft of this abstract.

During a few field trips to Khorugh, the capital of the Gorno-Badakhshan Autonomous Region in Tajikistan, I collected data on Shughni, an Iranian language spoken by ca. 100,000 people on the territory of Tajikistan and Afghanistan in the western Pamir Mountains. One of the questions I explored was how the Shughni plosives pattern, which is the topic of the remaining part of the paper.

Existent descriptions of Shughni phonetics have no unanimous opinion on final devoicing, some stating that it does not happen [Karamshoev 1963], others insisting on partial or complete devoicing of stops at the end of a word [Sokolova 1953; Olson 2017]. As for audible release, voiceless stops are said to have it, while voiced ones do not [Sokolova 1953]; according to the existent descriptions, the question of whether the release is accompanied by aspiration is debatable [Olson 2017].

My research has shown that final plosives in Shughni are generally devoiced and released word-finally. Nevertheless, this neutralization is incomplete since the preceding vowel is significantly longer before an underlyingly voiced segment than before a voiceless one [Makarov 2022]. As far as I know, degree of aspiration has not yet been treated as an acoustic cue to underlying voicing, but the Shughni data suggest that this is, in fact, another way to maintain the opposition between two different phonemes which have been (incompletely) neutralized word-finally.

In Figure 1, shown are two Shughni words ending in the phonemes contrasted by [voice]. Although both /kot/ ‘short’ and /kud/ ‘dog’ are pronounced with a voiceless² plosive at the end, the duration and audibility of aspiration are greater in the underlyingly voiceless.

References

- Abramson, Tingsabadh 1999 — A. S. Abramson, K. Tingsabadh. Thai final stops: Cross-language perception // *Phonetica*. 1999. Vol. 56. No. 3–4. P. 111–122.

² Strictly speaking, in /kud/ ‘dog’ 40 % of the closure of [d̥] is voiced, but the rest part of the sound is completely voiceless. Such ‘edge vibrations’ are automatic consequences of a consonant following a vowel, cf. Davidson’s ‘bleed’ [Davidson 2016].

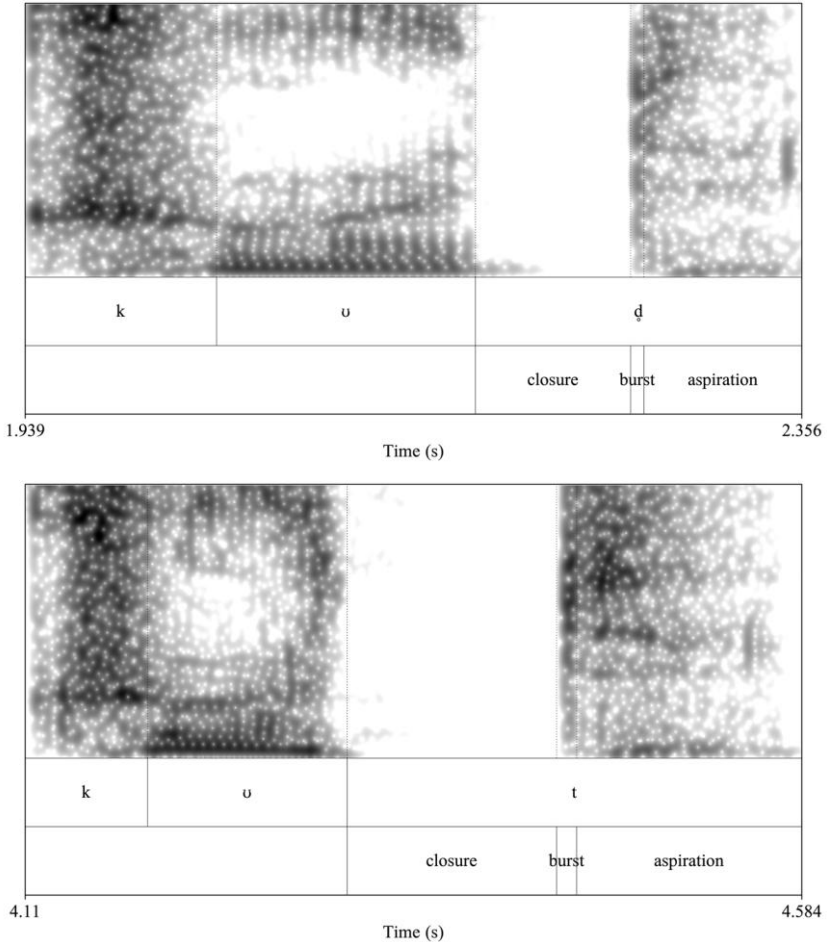

Figure 1. Dynamic spectrograms of the Shughni words /kut/ ‘short’ and /kod/ ‘dog’ pronounced by a 71-year-old male from Khorugh

Abramson, Whalen 2017 — A. S. Abramson, D. H. Whalen. Voice Onset Time (VOT) at 50: Theoretical and practical issues in measuring voicing distinctions // *Journal of Phonetics*. 2017. Vol. 63. P. 75–86.

Davidson 2016 — L. Davidson. Variability in the implementation of voicing in American English obstruents // *Journal of Phonetics*. 2016. Vol. 54. P. 35–50.

- Karamshoev 1963 — D. K. Karamshoev. Badzhuvskij dialekt shugnanskogo jazyka [Bajuvi dialect of Shughni]. Dushanbe: Tadjik SSR Academy of Sciences, 1963.
- Kulikov 2012 — V. Kulikov. Voicing and voice assimilation in Russian stops. PhD thesis. Iowa City, IA: University of Iowa, 2012.
- Kulikov, McMurray 2017 — V. Kulikov, B. McMurray. Incomplete neutralization in voice assimilation and final devoicing in Russian: Toward a model of gradient “cumulative” voicing. Unpublished, 2017. Available: <http://rgdoi.net/10.13140/RG.2.2.33634.43208>
- Makarov 2022 — Y. Y. Makarov. Plosives in Shughni. Moscow: HSE University, 2022.
- Olson 2017 — K. Olson. Shughni Phonology Statement. Silk Road Ascent, SIL International, 2017.
- Raphael 1972 — L. J. Raphael. Preceding vowel duration as a cue to the perception of the voicing characteristic of word-final consonants in American English // *Journal of the Acoustical Society of America*. 1972. Vol. 51. No. 4. P. 1296–1303.
- Sokolova 1953 — V. S. Sokolova. Ocherki po fonetike iranskikh jazykov [Essays on the phonetics of the Iranian languages]. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of USSR Press, 1953.
- Vaux, Samuels 2005 — B. Vaux, B. Samuels. Laryngeal markedness and aspiration // *Phonology*. 2005. Vol. 22. No. 3. P. 395–436.

Vsevolod Masliukov

MSU, Moscow

A SYNTACTIC AND SEMANTIC ACCOUNT OF CONVERB CONSTRUCTION IN KAZYM KHANTY

Converb constructions in various Khanty dialects have only been studied in the aspectual and discourse-pragmatic perspective [Nikolaeva 1999: 27–28, 46; Filchenko 2007: 293–297; Kaksin 2010: 154–155; Muravyev 2018]. Kazym Khanty converbs, however, appear to be interesting in their syntactic behavior, as, being adjuncts, they are nonetheless transparent for movement. Furthermore, we argue that Kazym Khanty converbs only have an imperfective reading, unlike the corresponding constructions in other dialects of Khanty and *contra* [Kaksin 2010] for Kazym Khanty. All data for this study was elicited during a field trip to Kazym in 2022.

Kazym Khanty *-man* converbs¹ head embedded clauses which are used to describe simultaneity, manner, and attendant circumstance in relation to the matrix clause event. They cannot have an overt subject. Control options include subject control and agent control (1) in the passive construction:

- (1) [*sijəŋ-a* *λ'awətə-man*] *amp* *waśa-jen-ən*
[loud-DAT swear-CVB] dog Vasya-POSS.2SG-LOC
seŋk-əl-a
hit-NPST-PASS[3SG]
'Loudly swearing, Vasya is hitting his dog'.

The acceptability of (1) may be due to pragmatic inference rather than syntactic phenomena [Kortmann 1991]. Control by the DO is banned.

¹ Converb here is defined as “a nonfinite verb form whose main function is to mark adverbial subordination”, following [Haspelmath, König 1995].

We argue that in terms of internal syntax converbs project as far as AspP. They cannot host negation, do not allow for an overt subject or tense morphology, and share the reference time of the matrix clause. This suggests the absence of higher functional projections. The Asp head is occupied by the *-man* suffix, which functions as an aspectual operator and selects the continuous phase in the Aktionsart of the predicate [Bickel 1997]. This explains why verbs with both telic and atelic reading available, when used as a converb, may only be interpreted as simultaneous with the main clause event:

- (2) *im-en* [mis pəs-man] λuw pελ-αλ-a
 woman-POSS.2SG [cow milk-CVB] she at-POSS.3SG-DAT
want-əs
 look-PST[3SG]
 ‘^{OK}While/*After milking a cow, the woman watched her’.

On the contrary, punctive predicates, which do not have a continuous phase in their Aktionsart, are incompatible with the converb suffix:

- (3) **maša-jen* [kam-ən kăt’i pušəχ wəjt-man] nuχ
 Masha-POSS.2SG [street-LOC cat baby find-CVB] up
amt-əs
 be_happy-PST[3SG]
 Intended: ‘Having found a kitten on the street, Masha rejoiced’.

However, in (4) the converb suffix is attached to the punctive verb, because the plural null subject yields an iterative reading. Thus the converb clause event, treated in [Kaksin 2010] as anterior to that of the matrix clause, is in fact interpreted as simultaneous:

- (4) [Ø λəp-ət wuj-man] χυλιjewα nik
 [PRO[PL] pedal-PL grab-CVB] everyone riverward
măn-ti pit-s-ət
 go-NFIN.NPST begin-PST-3PL
 ‘Each grabbing a pedal, everyone started walking towards the river’.

Therefore, Kazym Khanty converbs are of the Precise Simultaneity² type (building on [Muravyev 2018]).

² I. e., at least one of the events (in our case the converb) must be imperfective.

Kazym Khanty converbs allow the *wh*-movement of arguments (5) and focusing of a constituent through leftward scrambling (6):

(5) [muj] maša-jen [λuηət-man] mərəχ λε-λ
[what] Masha-POSS.2SG [read-CVB] cloudberry eat-NPST[3SG]
'What is Masha reading while eating cloudberryes?'

(6) [kinška] maša-jen [λuηət-man] mərəχ
[book] Masha-POSS.2SG [read-CVB] cloudberry
λε-λ
eat-NPST[3SG]
'It is while reading a book that Masha is eating cloudberryes'.

This contradicts the Condition on Extraction Domain (adjuncts and subjects are strong islands [Huang 1982]) and thus poses a challenge for this generalization. A possible resolution will be provided in our presentation.

Abbreviations

2, 3 — 2, 3 person; CVB — converb; DAT — dative case; LOC — locative case; NFIN — non-finiteness; NPST — non-past tense; PASS — passive; PL — plural; POSS — possessive; PST — past tense; SG — singular.

References

- Bickel 1997 — B. Bickel. Aspectual scope and the difference between logical and semantic representation // *Lingua*. 1997. Vol. 102. No. 2–3. P. 115–131.
- Filchenko 2010 — A. Filchenko. *Aspects of the Grammar of Eastern Khanty*. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Press, 2010.
- Haspelmath, König 1995 — M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective: Structure and meaning of adverbial verb forms-adverbial participles, gerunds*. (Empirical Approaches to Language Typology 13). Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.
- Huang 1982 — C. T. J. Huang. Move WH in a language without WH movement // *The Linguistic Review*. 1982. Vol. 1. No. 4. P. 369–416.
- Kaksin 2010 — A. Kaksin. *Kazymskiy dialect khantyiskogo yazyka* [Kazym dialect of the Khanty language]. Khanty-Mansiysk: Yugra State University, 2010.

- Kortmann 1991 — B. Kortmann. Free adjuncts and absolutes in English: Problems of control and interpretation. London; New York: Routledge, 1991.
- Muravyev 2018 — N. Muravyev. Aspectual and discourse-pragmatic properties of verbal forms expressing simultaneity in three Finno-Ugric languages // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics. 2018. Vol. 9. No. 1. P. 85–109.
- Nikolaeva 1999 — I. Nikolaeva. Ostyak. (Languages of the World / Materials 305). München: Lincom Europa, 1999.

Stepan Mikhailov
HSE University, Moscow

NO STORTO EFFECT OF THE ENGLISH/ITALIAN TYPE IN NORTHERN KHANTY POSSESSIVES¹

Possessive constructions are well-known to admit at least two types of interpretations ([Partee 1983/2011], a. o.): (i) prototypical possessive interpretations (ownership, part-whole, etc.) and (ii) **free possessive interpretations** (unrestricted, context-dependent; FPIs). Gianluca Storto [Storto 2005] has shown that FPIs observe a non-trivial constraint that I propose to call the **Storto Effect** (1), exemplified with Italian data in (2).

(1) **STORTO EFFECT**

FPIs are only available in definite noun phrases (NPs) [Storto 2005]

(2) [“Yesterday, Gianni and Paolo were attacked by two groups of dogs.”]

...sfortunamente i / #alcuni cani di Gianni
unfortunately the / #some dogs of Gianni
avevano la rabbia.
had the rabies
(adapted from [Storto 2005])

Apart from Storto’s work, there appears to have been no inquiry either into the reasons for the Storto Effect or into its existence in languages besides English and Italian. The primary concern of my investigation thus has been to ascertain whether the Northern Khanty possessive constructions (possessives) also exhibit the Storto Effect. This is particularly relevant because Northern Khanty has possessive

¹ The study was implemented in the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2022 as part of the project “Languages of Russia: morphosyntax and its interaction with other modules”.

suffixes (3) that are used much more extensively than Standard Average European-type possessives [Fraurud 2001; Nikolaeva 2003].

(3) KAZYM DIALECT OF NORTHERN KHANTY

năŋ kăt'-en moś-λ
 you.SG cat-POSS.2SG purr-NPST[3SG]
 'Your cat is purring.' (own fieldwork data here and below)

[Nikolaeva 2003] has demonstrated that possessives in Northern Khanty are frequently used to mark **familiar referents** that stand in a **free possessive relation**, to borrow GS's term, to another referent. This might be due to the two referents being associated in the current speech setting, e. g., because of physical proximity (4), or if the two had prior interactions in a narrative (5).² In both examples, the possessive is **obligatory** and its omission triggers an **anti-uniqueness/familiarity implication** (4), similar to European definite articles [Heim 2019].

(4) {A friend is over at the speaker's place. There's one cup on the table.}

a. *an-en mij-e*
 cup-POSS.2SG give-IMP.SG>SG
 'Give me the cup.'

b. *#an mij-a³*
 cup give-IMP[SG]
 '#Give me a cup.'

(5) {"I found somebody's ID in the street. I went to the town administration. Met a friend there and talked to her for some time."}

a. *nem nepək-εm suvet-ən χăj-s-εm*
 name paper-POSS.1SG council-LOC leave-PST-1SG>SG
 '[Then] I left the ID at the administration. {Let them find the owner.}'

² Nikolaeva discussed the data of the Obdorsk dialect, while my data come from fieldwork with speakers of the Kazym dialect. Although there are significant differences between the possessives of the two dialects, Nikolaeva's observations hold for both.

³ The presence of objective conjugation correlates with object definiteness, which has been controlled for during elicitation of this and further examples. Fuller details of conjugation choice need not concern us here.

- b. #*nem nɛpɛk* [...]

name paper [...]

Intended: ...the ID...

Here, however, Storto Effect data are not straightforward. While there are non-definite determiners that bar FPIs as predicted (6), most determiners admit free possessives and some even require them (7).

- (6) *muɫsər an-en mij-a*
 some.EN cup-POSS.2SG give-IMP[SG]
 Context 1: I ask for one of addressee’s cups ⇒ OK
 Context 2: as in (4), but several cups are on the table ⇒
 #Give me any cup.⁴

- (7) {As in (4), but several cups are on the table.}
mätta an-#(en) mij-e
 some.PS.SG cup-POSS.2SG give-IMP.SG>SG
 ‘Give me some cup {from these}’.

One might hope that (7) in fact involves a partitive-like structure “[some.SG N-of cup-POSS.2SG]”, in which case it would not be a Storto Effect violation since *mätta* would not be a part of the free possessive-marked NP.

This hypothesis, however, makes a false prediction. In a partitive structure of this kind adding a demonstrative to *an-en* should be possible, as in the English case *one of these cups*. As (8) shows, the predicted order is ruled out. Instead, the demonstrative must be preposed and the partitive postposition *ewəɫt* ‘from’ must be added.

- (8) {Same as (7).}
*təm mätta / *mätta təm an-en ewəɫt*
 this some.PS.SG / some.PS.SG this cup-POSS.2SG from
mij-e
 give-IMP.SG>SG
 ‘Give me some cup from these.’

In the talk, I will discuss further determiners, as well as attempt to make sense of the astounding construction in (8).

⁴ The unmarked form *an* ‘cup’ must be used instead.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1, 2, 3 person; IMP — imperative; LOC — locative; (N)PST — (non-)past; POSS — possessive; SG — singular; SG>SG — singular subject acting on singular object; some.PS.SG — partitive-specific singular determiner; some.EN — epistemically nonspecific determiner [Farkas, Brasoveanu 2019].

References

- Farkas, Brasoveanu 2019 — D. Farkas, A. Brasoveanu. Kinds of (Non)Specificity // D. Gutzmann, L. Matthewson, C. Meier, H. Rullmann, Th. E. Zimmermann (eds.). *The Wiley Blackwell Companion to Semantics*. 2019. Published online: <https://doi.org/10.1002/9781118788516.sem037>
- Fraurud 2001 — K. Fraurud. Possessives with extensive use: A source of definite articles? // I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen (eds.). *Dimensions of possession*. (Typological Studies in Language 47). Amsterdam: John Benjamins, 2001. P. 243–268.
- Heim 2019 — I. Heim. Definiteness and indefiniteness // P. Portner, K. von Stechow, C. Maienborn (eds.). *Semantics: Noun Phrases and Verb Phrases*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2019. P. 33–69.
- Nikolaeva 2003 — I. Nikolaeva. Possessive affixes in the pragmatic structuring of the utterance: Evidence from Uralic // P. Suihkonen, B. Comrie, S. A. Maksimov (eds.). *International Symposium on Deictic Systems and Quantification in Languages Spoken in Europe и North and Central Asia*. Collection of papers. Udmurt State University, Izhevsk, Udmurt Republic, Russia, May 21–24, 2001. Izhevsk: Udmurt State University, 2003. P. 130–145.
- Partee 1983/2011 — B. H. Partee. Uniformity vs. versatility: the Genitive, a case study // J. van Benthem, A. ter Meulen (eds.). *The Handbook of Logic and Language*. Dordrecht: Elsevier, 1983. P. 464–470.
- Storto 2005 — G. Storto. Possessives in context // J.-Y. Kim, Yu. A. Lander, B. H. Partee (eds.). *Possessives and beyond: Semantics and syntax*. Amherst, MA: GSLA Publications, 2005. P. 59–86.

Alexandra Shikunova, Daria Sidorkina

HSE University, Moscow

**QUANTIFICATION OVER SUMS
AND RESTRICTOR DEPENDENCY
IN KAZYM KHANTY¹**

Background

Formalisation of plural quantification has concerned logicians and philosophers for a long time now [Linnebo 2003, 2022; Uzquiano 2003; Urbaniak 2014]. Expressions of the natural language like *Some critics only admire one another* have necessitated adding quantifiers scoping over plural entities to the logical toolkit. Plural quantification, however, is not restricted to existentials and it can occur on universal quantifiers as well [Bartsch 1973; Winter 2002]. Quantification over plural and singular entities seems truth-conditionally equivalent at first glance, but, as we are going to demonstrate in our talk, the difference is nevertheless palpable.

Aims and claims

We assume that the semantic contribution of the plural when combined with universal quantifiers is the size of an entity in the quantification domain, meaning that the plural number forces quantification over sets instead of quantification over atoms [Winter 2002]. Based on the data from Kazym Khanty, we refine the compositional account of plural quantification by introducing restrictor dependency: the absence of a restrictor bleeds the plural number on universal quantifiers.

¹The results of the project “Languages of Russia: morphosyntax and its interaction with other modules”, carried out within the framework of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2022, are presented in this work.

Data

In Kazym Khanty (Uralic > Finno-Ugric > Khantic) the universal negative quantifier *nemχujat* ‘nobody’ can attach a possessive marker which signifies that the domain is restricted by a possessive relation (1). Such ‘domain-restricting’ possessives can also appear on interrogative and indefinite pronouns, as well as numerals. These phenomena have been attested in other Uralic languages as well [Serdobolskaya 2019].

- (1) *nemχujat* / *nemχujat-ew* *χuλ λε-ti* *wεr*
 nobody / nobody-POSS.1PL fish eat-NFIN.NPST deed
ǎn tǎj-ǎλ
 NEG have-NPST[3SG]
 ‘Nobody / none of our (people) eat fish’.

What sets Khanty data apart is the ability of possessive-marked *nemχujat* to receive plural marking, as opposed to the bare quantifier, which cannot be marked for number (2).

- (2) *nemχujat-λ-am* / **nemχujat-ǎt nuχ ǎnt pit-ǎs-ǎt*
 nobody-PL-POSS.1SG / *nobody-PL up NEG become-PST-PL
 ‘None (of mine) won’.

Noticeably, the constraint does not hold for existential quantifiers like the indefinite *χujat* ‘someone’ and the interrogative *χuj(t)* ‘who’, which can bear number markers without a possessive (3).

- (3) *χujti-λ-an* / *χujt-ǎt tǎmχǎtǎλ juχǎt-λ-ǎt*
 who-PL-POSS.2SG / who-PL today come-NPST-PL
ńotǎs-ti?
 help-NFIN.NPST
 ‘Who (of yours) will come today?’

Analysis

We suggest that the use of plural marking on negative universals is constrained by the presence of a restrictive possessive marker and the availability of a collective reading for the predicate. Collective predicates are only compatible with sums of individuals and we claim that plural-marked quantifiers in Khanty range over such sums.

- (4) *nemχujat-λ-am nuχ ānt pit-əs-ət*
nobody-PL-POSS.1SG up NEG become-PST-PL
‘None of mine won’.

*Context 1: the students took part in a drawing contest (a single winner)

^{OK}Context 2: the students took part in a competition as teams

Implications

Kazym Khanty data fits nicely into the set-theoretic model of plural quantification, which draws a distinction between “singulars” and “sets”. We have also shown that universal quantifiers can scope over pluralities only in the presence of an overt restrictor. Universal quantification over sets appears to be the same as quantification over atoms, however, the case of Khanty quantifiers goes to show that plural number can be closely tied to the predicate’s meaning despite making no contribution to the truth conditions of the sentence.

Abbreviations

1, 2, 3 — 1, 2, 3 person; NEG — negative; NFIN — non-finite; NPST — non-past; PL — plural; POSS — possessive; PST — past; SG — singular.

References

- Bartsch 1973 — R. Bartsch. The semantics and syntax of number and numbers // J. P. Kimball (ed.). *Syntax and Semantics*. Vol. 2. New York: Seminar Press, 1973. P. 51–93.
- Linnebo 2003 — Ø. Linnebo. Plural quantification exposed // *Noûs*. 2003. Vol. 37. No. 1. P. 71–92.
- Linnebo 2022 — Ø. Linnebo. Plural quantification // E. N. Zalta (ed.). *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Spring 2022 ed.). Available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2022/entries/plural-quant/>
- Serdobolskaya 2019 — N. Serdobolskaya. Konstrukcii s posessivnymi sufiksami i kvantifikatorami v permskix jazykax [Constructions with possessive suffixes and quantifiers in Permic languages] // *Tomskij žurnal lingvističeskix i antropologičeskix issledovanij* [Tomsk journal of linguistic and anthropological studies], 2019. Vol. 26. No. 4. P. 48–66.

- Urbaniak 2014 — R. Urbaniak. Plural quantifiers: a modal interpretation // *Synthese*. 2014. Vol. 191. No. 7. P. 1605–1626.
- Uzquiano 2003 — G. Uzquiano. Plural quantification and classes // *Philosophia Mathematica*. 2003. Vol. 11. No. 1. P. 67–81.
- Winter 2002 — Y. Winter. Atoms and sets: a characterization of semantic number // *Linguistic Inquiry*. 2002. Vol. 33. No. 3. P. 493–505.

CLITIC DOUBLING IN KHOEKHOE

PGN markers in Khoekhoe. In Khoekhoe, certain constituents can be followed by a clitic bearing the phi-, or PGN (person, number, gender), features of the subject [Hagman 1977]. Thus, in (1a), the direct object DP ‘the bicycle’, occupies the linearly first position and is followed by the masculine marker =*p*, whose PGN features match those of the subject (‘Mataba’). In contrast, if the subject is in its canonical first position, no PGN clitic is present (1b). PGN markers occupy the second position, putting them after the second or any other following phrase yields ungrammaticality, irrespective of whether these phrases are base-generated in their surface position or rather moved there (1c).

- (1) a. *|uriha-p-a=p ke mataba-p-a ko ʔama*
bicycle-M-A=M DECL Mataba-M-A PST buy
‘Mataba bought a bicycle’.
- b. *mutani-s ke |uriha-p-a ko ʔama*
Mutani-F DECL bicycle-M-A PST buy
‘Mutani bought a bicycle’.
- c. **|ari |uriha-p-a=p ke mataba-p-a ko ʔama*
yesterday bicycle-M-A=M DECL Mataba-M-A PST buy
Int. ‘Mataba bought a bicycle yesterday’.

These clitics are morphosyntactically different from homophonous PGN affixes, which all Khoekhoe nouns bear. Each nominal is followed by the feminine suffixes, the masculine suffix *-p*, or the neuter suffix *-i*:

- (2) a. *xam-s* b. *!a-p* c. *tari-i*
lion-F river-M who-N
‘lion’ ‘river’ ‘who’

There are three important distributional differences between PGN-affixes and PGN-clitics. First, PGN-clitics are optional for nouns, while PGN-affixes are not. Second, if a DP bears both PGN-clitics and PGN-suffixes, PGN-affixes precede the *-a* suffix, while PGN-clitics follow it (only *a*-marked nouns can bear PGN-clitics). Last, PGN-clitics can attach to different kinds of constituents, such as PPs and adverbs, while PGN-affixes can be borne only by nominals.

Proposal. In this paper, I propose that PGN marking is an instance of clitic doubling. [Anagnostopoulou 2003; Preminger 2009] suggest that clitic doubling arises in the situations where an agreement relation between a probe and its target cannot be established. I propose that the same mechanism applies in Khoekhoe. I assume that the relevant agreement relation in our case is the agreement between the C and the subject (C must get subject’s phi-features) (3). Following [Hahn 2013], I assume that the declarative marker *ke* is contained in C (S in his terminology). Furthermore, I assume that in declaratives with unmarked word order (1b), the subject moves to SpecCP and agrees with C locally. In cases like (1a), another constituent moves to SpecCP and the subject remains *in situ*. In this case, the agreement between the C and the subject cannot be established (by assumption, C is a phase boundary) and the subject’s phi-features are doubled in the form of a clitic on the linearly first phrase.

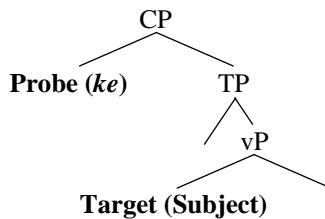

Figure 1. Structure of the left periphery

Abbreviations

A — *a*-suffix; DECL — declarative; F — feminine; M — masculine; N — neutral; PST — past.

References

- Anagnostopoulou 2003 — E. Anagnostopoulou. The syntax of ditransitives: Evidence from clitics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Hahn 2013 — M. Hahn. Word order variation in Khoekhoe // S. Müller (ed.). Proceedings of the 20th International Conference on HDPSG. Freie Universität Berlin, Berlin, Germany. 26–29 August 2013. Stanford: CSLI Publications, 2013. P. 48–68.
- Hagman 1977 — R. S. Hagman. Nama Hottentot grammar. Bloomington: Research Center for Language and Semiotic Studies, Indiana University, 1977.
- Preminger 2009 — O. Preminger. Breaking agreements: Distinguishing agreement and clitic doubling by their failures // *Linguistic Inquiry*. 2009. Vol. 40. No. 4. P. 619–666.

Aleksey Starchenko
HSE University, Moscow

**HOW LANGUAGES WITH THE DUAL
DIFFER FROM THE OTHERS:
THE CASE OF NUMERAL-NOUN CONSTRUCTIONS¹**

The present study discusses how languages with a nominal dual differ from those that do not have such category (but show other nominal number distinctions). The main focus is made on nominal number marking in constructions consisting of a noun and a numeral.

I discuss the characteristics of languages with the dual based on a sample of 34 languages. It contains no more than one randomly chosen language from a family; they are geographically evenly distributed to the possible extent, taking into account language diversity and general presence or lack of the dual in a region. The sample is shown on Figure 1².

Figure 1. The sample

¹ Funding: The reported study was funded by RFBR and GACR, project number 20-512-26004.

² The map is drawn with the R package *lingtypology* [Moroz 2017].

The described properties of the sample make it genetically and geographically balanced, which allows using it for statistical inference.

Number marking in numeral constructions has attracted a lot of attention in recent years (see [Ionin, Matushansky 2006, 2018; Alexiadou 2019; Matasović 2019; Nogina 2020; Martí 2020a, 2020b; Caha 2021], among others). The listed studies focus on two types of constructions, the one that requires (1) and the one that prohibits (2) non-singular marking.

(1) ENGLISH

- a. *cup* — *cups*
- b. *three cups*
- c. **three cup*

(2) HILL MARI < URALIC

- a. *cäškä* — *cäškä-vlä*
cup — *cup-PL*
- b. *kâm* *cäškä*
three cup
- c. **kâm* *cäškä-vlä*
three cup-PL [Sidorova 2018: 441]

Following a large-scale typological study by Matasović [2019], I divide languages with nominal number into three types: Marked type (Type B) assigned to the languages that make use of plural forms in numeral constructions, Unmarked type (Type A), and Split type assigned to languages that allow both constructions with no default pattern.

Table 1 shows the distributions of the listed types for constructions with the numeral ‘two’ in languages with a dual and languages which are chosen with no control for the presence of dual category. The latter are provided according to [Matasović 2019]. Fisher's Exact Test (p -value = 0.003376 < 0.05) shows that the type distributions in two samples are significantly different. Languages with a dual tend to preserve number marking in numeral constructions, while languages in Matasović's sample more often stick to Unmarked type. As Matasović's sample includes some, though not much languages with the dual, the actual difference between the languages with and without this category is expected to be even bigger.

Table 1. Number marking with ‘two’ in languages with the dual or uncontrolled for it

	Languages uncontrolled for dual	Languages with dual
Marked (Type B)	31	15
Split	16	11
Unmarked (Type A)	53	7
Sum	100	33
Fisher's Exact Test p -value = 0.003376 < 0.05		

Table 2 shows similar distributions, but for constructions with numerals higher than ‘two’. Unlike with ‘two’, where in most cases different number categories are used if number is marked (usually dual if available and plural if a language does not distinguish one), with higher numerals languages from both groups make use of forms called ‘plural’. Still, the difference between distributions in Table 2 is significant (p -value = 0.01035 < 0.05).

Table 2. Number marking with ‘three’ or higher

	Languages uncontrolled for dual	Languages with dual
Marked (Type B)	31	15
Split	16	7
Unmarked (Type A)	53	6
Sum	100	28
Fisher's Exact Test p -value = 0.01035 < 0.05		

Plurals in languages with and without a dual may be referentially different, that is, in many cases plural forms in languages with a dual, as opposed to the others, cannot refer to two objects [Saussure 1916/1971]. Typological studies, however, find it possible to treat plurals in these two types of language as the same category (see e.g. discussion in [Corbett 2000: 5]). With no aim to completely refute this assumption, the present study shows that the behavior of plural forms in languages with and without dual differs in some respects, besides extensional.

In the talk, I will also discuss the difference between languages with and without dual in light of other parameters interacting with the

possibility of number marking in numeral construction, such as obligatoriness of number marking outside numeral constructions [Nogina 2020].

Abbreviations

PL — plural.

References

- Alexiadou 2019 — A. Alexiadou. Morphological and semantic markedness revisited: The realization of plurality across languages // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2019. Vol. 38. No. 1. P. 123–154.
- Caha 2021 — P. Caha. Nouns after numerals: singular, plural or neither? The talk presented at the Higher School of Economics Linguistics Colloquium. Moscow: HSE University, 29 October 2021.
- Corbett 2000 — G. G. Corbett. *Number*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Ionin, Matushansky 2006 — T. Ionin, O. Matushansky. The composition of complex cardinals // *Journal of Semantics*. Vol. 23. No. 4. P. 315–360.
- Ionin, Matushansky 2018 — T. Ionin, O. Matushansky. *Cardinals: The syntax and semantics of cardinal-containing expressions*. Boston: MIT Press, 2018.
- Martí 2020a — L. Martí. Dual number and the typology of the numeral-noun construction // *Catalan Journal of Linguistics*. 2020. Vol. 19. P. 159–198.
- Martí 2020b — L. Martí. Numerals and the theory of number // *Semantics and Pragmatics*. 2020. Vol. 13. No. 3. Art. 3. P. 1–57.
- Matasović 2019 — R. Matasović. A universal about adnominal number agreement // *Italian Journal of Linguistics*. Vol. 31. No. 2. P. 169–200.
- Moroz 2017 — G. Moroz. *lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology*. (Available online at <https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology>.)
- Nogina 2020 — A. D. Nogina. Tipologija markirovanija imennogo chisla v konstrukcii s chislitel'nymi [Typology of number marking in numeral constructions] // *Tipologija morfosintaksicheskikh parametrov*. Vol. 3. No. 1. P. 95–113.
- Saussure 1916/1971 — F. de Saussure. *Cours de linguistique générale* (publié par Charles Bally et Albert Sechehaye avec la collaboration de Albert Riedlinger). Paris: Payot, 1971.

Sidorova 2018 — M. A. Sidorova. Chislovoe markirovanie sushhestvitel'nogo v gornomarijskih kolichestvennyh konstrukcijah [Number marking of nouns in Hill Mary numeral constructions] // *Acta linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy*. 2018. Vol. XIV. No. 2. P. 400–427.

Roman Tarasov

HSE University, Moscow

**TOWARDS A TYPOLOGY OF SINGLE NEGATION
AND NEGATIVE CONCORD
IN CONSTRUCTED LANGUAGES¹**

This report is dedicated to the models of participant (argument or adjunct) negation in constructed languages, or conlangs. Besides basic contexts, the ones with verbal ellipsis are discussed (like *She read that book many times, but never up to the end.*).

In my report, I use the following classification of conlangs:

- Auxlangs, being designed for international communication;
- Zonlangs, i.e., auxlangs designed for a particular language family or area;
- Artlangs, being designed with a recreational purpose;
- Engelang, being used to check linguistic hypotheses.

The topic of participant negation is quite unevenly explored. Several papers on particular languages exist, e.g., [Letuchiy 2017] (Russian), [Kuhn, Pasalskaya 2019] (RSL), etc. and there are some typological papers, e.g., [Siek 2016]. However, the compatibility of negative concord (NC) and verbal ellipsis is poorly covered. The classification of negation models is based on [Tarasov 2020].

On the other hand, the level of coverage of conlang typology is even lower. This kind of languages is often ignored in linguistics. Furthermore, a vast majority of conlang-related papers are dedicated to language acquisition, e.g., [Windsor, Stewart 2017] on the acquisition of Klingon stress patterns. However, other papers do exist, e.g. [Libert 2010] (on comparatives). The approached to conlang description is based on [Tarasov 2021] (on lexical derivations). The main feature of

¹ The research was carried out with the support of the Language Creation Society. I appreciate the President J. W. Windsor for being my advisor.

this approach is studying conlangs with the same methods as natural languages.

For studying standard (non-elliptic) contexts, grammar descriptions analysis was used, while elliptic contexts were studied with the cross-sectional method, i.e. a form of elicitation discussed in [Tarasov 2020] and involving translation of three sentences from Russian or English. Usage of different methods is explained by the fact that compatibility of NC and ellipsis is rarely discussed in the descriptions.

During the research, 21 conlangs were processed — namely, seven auxlangs, five zonlangs, four artlangs and five engelangs. Moreover, four pasigraphies (i.e., graphic communication systems which do not reflect a written form of any language) are discussed beyond the usual sample.

The following conclusions were made:

1) Conlangs normally use single negation, e.g., Esperanto:

(1) *mi nenian vid-is*

1SG never see-PST

‘I have never seen’. [Tarasov 2020: 8; Zamenhof 1887: 39]

2) However, zonlangs require NC if the language family they are patterned after requires it. e.g., Interslavic:

(2) *ne zna-m o njem ni-čto*

NEG know-1SG PREP 3SG.M.LOC NEG-what.ACC

‘I know nothing about him’. [Tarasov 2020: 9]

3) Auxlangs can also allow NC as a pattern equal to the one with single negation, but they prohibit NC in elliptic contexts, e.g., Lidepla:

(3) *lu (bu) samaji nixa*

3SG NEG understand nothing

‘He does not understand anything’. [Ivanov et. al 2015: 13]

(4) *kelkes fon li hev 15 yar, kelkes 30 bat nulwan 20*

some PREP 3PL have 15 year some 30 CONJ none 20

‘Some of them are 15 years old, some are 30, but no one is 20’.
[elic.]

4) NC can also be used in conlangs which are designed as intentionally unnatural — even in elliptic contexts, e.g., Na’vi:

(5) *po-l tsa-puk-it alminan slä kawkrr ke hasey*
3SG-ERG that-book-ACC read.PST CONJ never NEG done
'She read that book many times but never up to the end'. [elic.]

5) Single negation is usually hosted by a participant, however, Guosa uses single predicate negation:

(6) *mî mà éní'fe màní ya*
1SG.NEG know anything PREP 3SG
'I do not know anything about him (her)'. [elic.]

6) Pasigraphies which are discussed in the report also avoid NC, however, they demonstrate the tendency to avoid participant negation contexts. Negation can be hosted either by a predicate or by a PI.

Abbreviations

1, 3 — 1, 3 person; ACC — accusative case; CONJ— conjunction; ERG — ergative case; LOC — locative case; M — masculine; NEG — negation; PL — plural; PREP — preposition; PST — past tense; SG — singular.

References

- Ivanov et al. 2015 — D. Ivanov, E. Ivanova, A. Lysenko, A. Vinogradova. *Lingwa de Planeta Grammar with Examples*. 2015. Available at: <http://www.lingwadeplaneta.info/en/anglegram.shtml>
- Kuhn, Pasalskaya 2019 — J. Kuhn, L. Pasalskaya. Negative concord in Russian Sign Language. Poster presented at the 13th conference of Theoretical Issues in Sign Language Research (TISLR13), Hamburg, September 26–28, 2019.
- Letuchiy 2017 — A. Letuchiy. Non-standard negative concord in Russian. Paper presented at the 4th Workshop on Formal approaches to Russian linguistics (FARL4), Moscow, 29–31 March 2017.
- Libert 2010 — A. R. Libert. Comparing comparatives in artificial languages // *Interlingvistikaj Kajeroj*. 2010. Vol. 1. No. 1. P. 64–174.
- Siek 2016 — N. Siek. Sentential negations and negative concord. BA thesis. Poznań: Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, 2016.
- Tarasov 2020 — R. Tarasov. Negative concord models in Slavonic languages and beyond from a typological perspective. E. A. Zabelina, N. N. Logvi-

- nova (eds.). Semnadsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 19–21 noyabrya 2020 g.) [17th Conference on typology and grammar for young scholars. Abstracts (Saint Petersburg, November 19–21, 2020)]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2020. P. 164–167.
- Tarasov 2021 — R. Tarasov. Tropativie, causative and apparetivein different types of constructed languages: A typological Approach. D. F. Mischenko, D. V. Gerasimov (eds.). Vosemnadsataya Konferentsiya po tipologii i grammatike dlya molodykh issledovateley. Tezisy dokladov (Sankt-Peterburg, 25–27 noyabrya 2021 g.) [18th Conference on typology and grammar for young scholars. Abstracts (Saint Petersburg, November 25–27)]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies RAS, 2021. P. 248–250.
- Windsor, Stewart 2017 — J. W. Windsor, R. Stewart. Can unnatural stress patterns be learned: New evidence from Klingon // A. A. Monti (ed.). Proceedings of the 2017 Annual Conference of the Canadian Linguistic Association. Available at: https://cla-acl.artsci.utoronto.ca/wp-content/uploads/actes-2017/Windsor_J.Stewart_R.2017CLAProceedingsPaper.pdf
- Zamenhof 1887 — L. L. Zamenhof. Mezhdunarodnyj jazyk. Predisloviye i polnyj uchebnik [International language. An introduction and a full textbook]. Warsaw: Tipolitographija Keltera, 1887.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. П. Алексеева (Москва)</i> Вариативность опущения гласного в показателях эргатива в диалектах рутульского языка	3
<i>П. Н. Астафьев (Москва)</i> Частичный контроль и комитативная координация в казымском хантыйском	7
<i>М. О. Бажуков, Т. В. Симонова (Москва)</i> Заметки об эвиденциальности в якутском языке	12
<i>Д. Д. Белова (Москва)</i> Событийная структура каузативных глаголов на -t в татышлинском говоре удмуртского языка	16
<i>О. И. Беляев (Москва)</i> Осетинские сочинительные конструкции в типологии полипредикации	20
<i>Е. И. Будзинская (Москва)</i> Глагольная редупликация в абазинском языке	25
<i>Д. А. Буров (Москва)</i> О критериях выделения реляционных имен в казымском хантыйском	29
<i>А. А. Бызова (Москва)</i> Немаркированные зависимые в именной группе: данные татышлинского удмуртского	33
<i>А. А. Валиева (Москва)</i> Способы кодирования семантической вершины в относительных конструкциях со вложенной вершиной	38

<i>Е. Е. Войтович (Москва)</i> Согласование причастий в говоре деревень Шетнево, Макеево, Щелкино, Степаньково	42
<i>Т. И. Давидюк (Москва)</i> Субъект причастий на <i>-т</i> в конструкциях с сентенциальными актантами в татышлинском удмуртском	45
<i>А. А. Дмитриева (Москва)</i> Именные причинные конструкции в хантыйском языке	49
<i>В. В. Дьячков (Москва)</i> К типологии ехсеед-компаративов: данные языка натиоро	53
<i>А. Н. Закирова (Москва)</i> Согласование по числу в нахско-дагестанских языках: обзор.....	56
<i>М. С. Замбржицкая (Москва)</i> Описание реализации фонемы /в/ в псковских говорах	60
<i>И. В. Калякин (Москва)</i> Сложные предикаты с ковербами-существительными... в муиринском языке даргинской группы	65
<i>Е. Р. Козлова (Москва)</i> Три стакана на границе приблизительности: севернохантыйский аппроксиматив <i>-кет</i>	69
<i>А. А. Куликова (Москва)</i> К описанию севернохантыйского результата	73
<i>В. В. Маринина (Москва)</i> То, это и немаркированное: к описанию севернохантыйских демонстративов	77
<i>М. Г. Меленченко (Москва)</i> К диахронии систем числительных лезгинских языков	81
<i>Д. Д. Мордашова (Москва)</i> К типологии выражений, не специфицированных по модальной силе: причастие на <i>-(о)но</i> в татышлинском удмуртском	85

<i>Р. Р. Насырова, П. О. Россяйкин (Москва)</i> Неопределенные местоимения в балкарском и кумыкском языках.....	89
<i>В. А. Орлов (Москва)</i> Статус и свойства вопросительных групп в татышлинском удмуртском	93
<i>Л. И. Паско (Москва)</i> Синтаксические особенности вокатива <i>k'it'u</i> 'кот' в хваршинском языке	97
<i>Д. О. Петелин (Москва)</i> Семантика и дистрибуция якутских легких глаголов <i>shl</i> и <i>tus</i>	100
<i>П. С. Петрова (Санкт-Петербург)</i> Семантические различия русских фокусных ограничительных частиц.....	104
<i>Д. Ю. Писаренко (Москва)</i> Субъектное согласование групп с числительными в севернохантыйском языке	107
<i>А. Д. Подгорная (Москва)</i> Употребление результата на <i>-(e)tân</i> в татышлинском удмуртском	111
<i>Е. Е. Полякова (Москва)</i> К описанию связи дифференцированного маркирования объекта и семантики глагола в людиковском наречии карельского языка.....	115
<i>В. А. Поцелуев (Москва)</i> Отрицание в кильдинском саамском: согласование	119
<i>А. А. Русских (Москва, Санкт-Петербург)</i> Локус маркирования в атрибутивных посессивных конструкциях с частицей <i>ət</i> в урмийском новоарамейском	123
<i>Д. А. Сапарова (Москва, Санкт-Петербург)</i> Неглагольная предикация в языках Поволжья	127

<i>А. П. Сербина (Москва)</i> Синтаксический статус рефлексивов в татышлинском удмуртском	133
<i>Г. О. Сибилев (Москва)</i> Типология двух-/трехперсонных местоименных систем на базе австронезийских языков Тайваня	137
<i>Д. С. Сидоркина (Москва)</i> Делу время..., или о роли временных показателей в хантыйской эпистемической модальности	141
<i>Ю. В. Сеницына (Москва)</i> Компаративные конструкции в осетинском языке	145
<i>Н. А. Соломкина (Москва)</i> Синтаксическая и морфологическая связность японских бенефактивных конструкций	149
<i>А. Е. Тевелева, Е. П. Дорофеева (Москва)</i> Контрфактивные условные конструкции в терском диалекте кумыкского языка	153
<i>А. Д. Тулубьева (Москва)</i> Фреквентатив в хантыйском языке.....	157
<i>Д. Г. Фёдоров (Москва)</i> Самостоятельное употребление модификаторов имени в севернохантыйском языке.....	160
<i>К. В. Филатов (Москва)</i> Диахрония показателей постэлатива в рутульском языке: диалектные данные	164
<i>И. А. Хомченкова (Москва)</i> К типологии комитатива: «холистические» комитативные показатели	168
<i>А. Д. Шалдов, А. А. Козлов (Москва)</i> Севернохантыйское анафорическое местоимение на фоне некоторых межъязыковых обобщений	172

<i>С. А. Шумилова (Москва)</i> Лекарство от/против гриппа: вариативность управления.....	176
<i>Polina Artemeva (Moscow)</i> Non-verbal predication and copulas in Ngen	179
<i>Maksim Fedotov (Saint Petersburg)</i> The apprehensive construction in Gban	182
<i>Fedor Golosov (College Park)</i> Pluractional light verb <i>tək</i> in Poshkart Chuvash: event-internal or event external?	185
<i>Daniar Kasenov (Moscow)</i> Allomorphy of the plural affix in Terek Kumyk: avoiding ABA phonologically	188
<i>Daniar Kasenov, Anastasiia Krainova, Daria Paramonova (Moscow)</i> Sufficiency by antecedent strengthening in Terek Kumyk	192
<i>Siyu Liu (Marburg)</i> Diversity of content interrogatives: a cross-linguistic comparison ..	195
<i>Yury Makarov (Moscow)</i> <i>The answer is blowin' in the wind</i> : what is it in Shughni that contributes to the typology of final laryngeal neutralization?	198
<i>Vsevolod Masliukov (Moscow)</i> A syntactic and semantic account of converb construction in Kazym Khanty	202
<i>Stepan Mikhailov (Moscow)</i> No Storto effect of the English/Italian type in Northern Khanty possessives	206
<i>Alexandra Shikunova, Daria Sidorkina (Moscow)</i> Quantification over sums and restrictor dependency in Kazym Khanty	210
<i>Philip Shushurin (Moscow, Beer Sheba)</i> Clitic doubling in Khoekhoe	214

Aleksey Starchenko (Moscow)

How languages with the dual differ from the others:
the case of numeral-noun constructions217

Roman Tarasov (Moscow)

Towards a typology of single negation and negative concord
in constructed languages222

Научное издание

ДЕВЯТНАДЦАТАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ТИПОЛОГИИ
И ГРАММАТИКЕ ДЛЯ МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Тезисы докладов

Санкт-Петербург, 24–26 ноября 2022 г.

Подписано в печать . Формат 60×84/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л.

Тираж 300 экз. Заказ №